

Федеральное Агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук

На правах рукописи

Пилюгина Маргарита Алексеевна

Интерпретация как метод гуманитарного познания

Специальность 09.00.01 - онтология и теория познания

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Шульга Елена Николаевна

Москва
2015

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава первая. Философский анализ проблемы интерпретации в контексте становления философской герменевтики.....	16
1.1. Условия зарождения практики истолкования: от устной традиции истолкования – к риторике и герменевтике	17
1.2. Интерпретация в контексте становления герменевтики.....	26
1.3. Методы интерпретации в практике экзегезиса.....	37
1.4. Интерпретация в традиционном христианском герменевтическом контексте; её философская оценка.....	43
1.5. Интерпретация в европейской мысли эпохи Реформации и немецкого Романтизма....	55
Глава вторая. Интерпретация: от метода познания к теории.....	67
2.1. Статус интерпретации в условиях разграничения гуманитарного и естественнонаучного знания	68
2.2. Философская герменевтика и формирование теории интерпретации	85
2.3. Эпистемологическое значение теории интерпретации в её приложении к гуманитарному знанию	107
2.4. Специфика интерпретации в социо-культурной деятельности и исторической перспективе	123
Заключение.....	147
Список литературы.....	150

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема интерпретации – одна из традиционных тем философского исследования – сегодня приобретает особую актуальность в связи с поиском наиболее эффективных методов и способов познания в социально-гуманитарной сфере. Задача философской герменевтики в этой ситуации состоит в том, чтобы определить общую направленность проблематики интерпретации и при этом выявить особенности интерпретационной деятельности как способа понимания и познания. Это направление исследований актуально и для современной эпистемологии, проблемное поле которой расширяется за счёт включения результатов, полученных герменевтикой в части обоснования методов интерпретации и понимания смыслов, значения текстов, знаков и т.д. Обоснование общей методологии понимания различного рода текстов это задача, которая предполагает использование таких специальных методов истолкования, которые были бы релевантны по отношению к социально-гуманитарной области научного знания. На этом пути особую актуальность приобретает поиск способов понимания и познания, позволяющих раскрыть смысл конкретного текста любого содержания (философского, религиозного, научного), а также факта, события, коммуникативного действия, поведения и т.д. Тем самым традиционная для эпистемологии и герменевтики проблема понимания конкретизируется в зависимости от сферы применения методов интерпретации, адекватных объекту изучения. Эта широкая задача обусловлена тем обстоятельством, что в интерпретации нуждается всё то, что обладает смыслом. При этом необходимость определения статуса философской интерпретации, опираясь на богатый опыт герменевтической традиции, как раз и делает актуальным избранное направление исследований.

Цель диссертационной работы состоит в выявлении особенности методологии интерпретации в гуманитарном познании. Интерпретация как один из методов познания обуславливает необходимость поиска философско-методологических оснований интерпретации, рассматриваемых в контексте специфики гуманитарного познания. Задача современного исследователя состоит в том, чтобы выявить общие положения, касающиеся становления и развития методологии гуманитарных наук, рассматривая интерпретационную деятельность как особый способ познания.

Содержательное многообразие объектов социально-гуманитарной сферы, на которые направлено внимание исследователей, богатство смыслов и значений делают актуальной задачу систематизации воспринимаемых знаний, которым человек придает определенный смысл. В связи с этим особое значение приобретает задача поиска методов интерпретации, адекватных изучаемому объекту. Вместе с тем, особенность развития современных гуманитарных наук, их интенсивный рост и экстенсивность, наряду с тенденцией к междисциплинарности в решении конкретных проблем, делает актуальным участие философии в поиске и выявлении оснований такого рода знания. Разрабатываемая методология философской интерпретации как раз и призвана продемонстрировать своё эвристическое значение в решении конкретных задач гуманитарного познания.

Систематизация методов интерпретации является одной из важных задач, которые ставит перед собой философская герменевтика. Именно здесь мы обнаруживаем первые попытки выявить и классифицировать типы понимания и системы интерпретации. Их особенности зависят от конкретного объекта интерпретации, характера текста и области знания, к которой он принадлежит. Так, библейская герменевтика разрабатывает систему методов, адекватных пониманию текстов религиозного содержания. Именно библейская герменевтика даёт первые образцы

обоснования и систематизации методов интерпретации, объединяя их в специальное направление религиозного познания – экзегетику. Филологическая герменевтика ориентируется на понимание смысла литературных памятников, опираясь на принцип понимания особенностей языковых смыслов той или иной культуры и исторической эпохи. Ближе к этой задаче стоит переводческая деятельность, направленная на *правильное* понимание и передачу смысла иноязычного текста. Герменевтическая деятельность в этих гуманитарных сферах стимулирует создание системы такой методологии, которая отвечает задачам каждой конкретной области знания и в дальнейшем вырабатывает принципы и подходы, приемлемые для анализа текстов любого содержания. В диссертации проводится мысль о том, что уточнение специфики методов интерпретации применимо к анализу не только текстов, но и исторических событий, артефактов культуры, явлений социальной и культурной жизни людей. Это обстоятельство выводит задачу данного исследования на такой уровень решения философской проблемы, при котором её можно сформулировать как поиск общих оснований гуманитарного знания и его философской методологии.

Понимание и интерпретация тесно взаимосвязаны и сочетают в себе философско-методологические и эпистемологические аспекты. На социальном уровне соотношение понимания и интерпретации наиболее ярко проявляется в коммуникативной, повседневной, практической деятельности людей, поскольку понимание одного человека другим является естественным ожиданием, связанным с успешной коммуникацией. Интерпретация присутствует как важный методологический прием и в таких социально-гуманитарных сферах как мораль, право, религия, политика, искусство, образование и т.д. Всё это делает актуальной избранную тему данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Обсуждаемые в диссертации проблемы лежат в русле основных тенденций развития онтологии, теории познания и методологии науки. Диссертационное исследование опирается на классические труды учёных и философов, поднимающих различные вопросы интерпретации, в частности, такие, где можно обнаружить описание её конкретных методов: Ф. Аста, Ф. Шлейермахера, В. фон Гумбольдта, В. Дильтея, Э. Гуссерля, Г.Г. Шпета, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Э. Бетти, Г. Липпса, П. Рикёра и посвященные им исследования. Рассматриваются и анализируются труды современных авторов: зарубежных (М. Фуко, Д. Дэвидсон, П. Бергер, Т. Лукман, Д. Деннет, Дж. Сёрль, Г. Бейтсон, Д. Веберман) и отечественных философов, занимающихся вопросами интерпретации, как в общефилософском, методологическом плане, так и в связи с проблемой соотношения философского и гуманитарного знания, где выявляется специфика их методов. В первую очередь, это работы Н.С. Автономовой, А.М. Анисова, И.С. Вдовиной, С.С. Гусева, И.Т. Касавина, В.Г. Кузнецова, В.А. Лекторского, И.А. Михайлова, Н.В. Мотрошиловой, А.Л. Никифорова, А.П. Огурцова, В.С. Стёпина, Г.А. Тульчинского, В.П. Филатова, Е.Н. Шульги, Н.С. Юлиной.

Становление методологии философской интерпретации происходило в рамках герменевтики, которая имеет свою длительную историю. Поэтому философское осмысление феномена понимания в связи с интерпретацией осуществляется в недрах этой дисциплины. Первые попытки придать истолкованию методологический статус, исходя из определения роли и значения его приёмов, восходят к античным авторам и обнаруживаются, прежде всего, в трудах стоиков, в работах Платона и Аристотеля. В период эллинистического и христианского экзегезиса происходит дальнейшее развитие и уточнение конкретных используемых приёмов интерпретации, актуальных в связи с необходимостью правильного

понимания смысла и содержания текстов Библии (труды Филона Александрийского, Оригена, Августина Блаженного).

После распространения и развития принципов рационального рассуждения, сформулированных Р. Декартом, эти принципы в дальнейшем были использованы и другими философами. В частности, Б.Спиноза, опираясь на результаты Декарта, применил их в отношении интерпретации Священного Писания с точки зрения его критического осмысления, впервые показав тем самым возможность расширения области использования методов истолкования, которые выходят за сферу анализа текстов исключительно религиозного содержания. Такой взгляд на интерпретацию дает основание включать другие гуманитарные сферы в методологическую базу герменевтики. Так, Ф. Шлейермахер прямо указывает на необходимость постигать смысл того, что стоит *за* текстом; он настаивает на том, что следует понять автора лучше, чем тот понимал сам себя. Тем самым деятельность интерпретации (занятие герменевтикой) он приравнивает к *искусству*, возвращая герменевтике тот первоначальный познавательный статус, который ей придавали античные авторы.

История становления философской герменевтики как искусства истолкования обнаруживает постепенное смещение центра внимания на проблему понимания, которая становится одной из центральных тем современной эпистемологии, а также перспективной проблемой социальной эпистемологии. Здесь следует отметить работы отечественных философов: В.В. Розанова, Г.Г. Шпета, а также современных исследователей: И.А. Бесковой, Е.Г. Драгалиной-Чёрной, Д.И. Дубровского, И.Т. Касавина, В.Г. Кузнецова, В.А. Лекторского, А.С.Майданова, Л.А. Микешиной, А.Л. Никифорова, Н.М. Смирновой, Е.Н. Шульги.

Интерпретация как методология гуманитарных наук рассматривается в работах зарубежных философов: Э. Бетти, М. Вебера, В. Виндельбанда,

В. Дильтея, М. Мерло-Понти, П. Рикёра, Г. Риккерта, Ф. Шлейермахера, а также у отечественных исследователей: Ю.Д. Артамоновой, Е.Н. Ищенко, В.Г. Кузнецова, Е.Н. Шульги и др.

Интерпретация, изучаемая в историко-философском и герменевтическом контексте рассматривается в трудах современных отечественных философов (Н.С. Автономова, И.И. Блауберг, И.С.Вдовина, Е.Н. Ищенко, В.Г. Кузнецов, И.А. Михайлов, Н.В.Мотрошилова, Р. Слесинский, В.В. Старовойтов, Е.Н. Шульга).

Философские вопросы соотношения филологии и герменевтики как методологии анализа текста находятся в центре внимания М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др.

Герменевтический подход к истории, обоснование исторической науки и её оценка с точки зрения соотношения события и факта, рассматривается Г.Г. Шпетом, А. Мегиллом, П. Рикёром, М. Хайдеггером, представителями англо-американской традиции.

Особое место в проблематике интерпретации и выявлении её специальных аспектов занимают логико-методологические исследования. В частности, различным аспектам аргументации и интерпретации посвящены работы А.П. Алексеева, А.М. Анисова, В.Л. Васюкова, И.А.Герасимовой, С.С. Гусева, М.М. Новосёлова.

Большой интерес представляют многочисленные исследования в философии и социологии отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблеме понимания и интерпретации применительно к социальной сфере и опыту повседневности, коммуникации: О.Е.Баксанский, В.С. Вахштайн, Т.И. Касавин, А.Л. Никифоров, А.А.Шадрин, Е.Н. Шульга, П. Бергер, Т. Лукман, П. Рикёр, С. Тулмин, М.Фуко, А. Шюц. Проблема интерпретации в культурологической области знания (понимание смысла культурных артефактов и явлений) представлены в работах Д. Деннета, К. Гирца, У. Эко, и отечественных

философов: А.А. Ивина, Т.Б. Кудряшовой, В.В. Миронова, В.Г.Федотовой, В.П. Филатова, Н.С. Юлиной.

Особое значение в решении проблем, поставленных в диссертации, имели работы по философии науки, определению значения методов гуманитарных наук и наук о человеке в целом, в том числе, в связи с вопросами соотношения естественнонаучного и гуманитарного знания. Это работы В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.Л. Васюкова, И.К. Лисеева, В.И. Маркина, Е.А. Мамчур, А.Н. Павленко, А.А. Печёнкина, В.М.Розина, В.С. Стёпина, П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдина.

Результаты, полученные современными исследователями, дают богатый материал для понимания специфики социально-гуманитарного знания, для выявления философских оснований гуманитарных наук, и используются в целях обоснования философско-методологического статуса интерпретации как деятельности, направленной на адекватное понимание. Традиционно круг вопросов, касающихся интерпретации, её специальных методов, находится в центре внимания таких конкретных дисциплин, как филология, юриспруденция, история, логика, когнитивные дисциплины, культурология, тогда как общенаучные и философские аспекты интерпретации и попытки построить теорию интерпретации, только намечены. Остается открытым вопрос общеметодологического характера интерпретации, основанной на обобщении опыта конкретной интерпретативной деятельности в гуманитарной сфере. Это последнее обстоятельство делает актуальным избранное направление диссертационного исследования, обуславливает её основную цель и задачи.

Объектом предлагаемого диссертационного **исследования** является интерпретация как вид познавательной деятельности.

Предметом исследования выступает методология интерпретации, рассматриваемая в контексте становления философской герменевтики и применительно к конкретным областям социально-гуманитарного знания.

Цели и задачи исследования

Цель данного диссертационного исследования состоит в выявлении концептуальных оснований теории интерпретации в области социально-гуманитарных наук. Это предполагает решение ряда конкретных задач, направленных на выявление специфики процесса понимания и его когнитивных особенностей, определение принципов и методов интерпретации в связи со спецификой гуманитарного знания в целом. На этой основе осуществляется систематизация знания в сфере методологии интерпретации. Тем самым как раз и создаются основания будущей философской теории интерпретации, объединяющей в себе когнитивные, феноменологические и герменевтические аспекты.

Реализация поставленной цели диссертации предполагает решение ряда конкретных задач, последовательность которых обеспечивает концептуальную целостность данного исследования:

- Выявить истоки зарождения методологии интерпретации и показать специальную роль герменевтики в становлении методологии интерпретации;
- Провести философский анализ проблемы понимания и интерпретации и проследить эволюцию методов интерпретации в контексте становления гуманитарного знания;
- Показать специфику интерпретации как деятельности в гуманитарном знании; рассмотреть особенности интерпретации как методологии понимания (эпистемологический контекст);
- Рассмотреть задачи, цели и принципы использования интерпретации в сфере исторического познания и в коммуникативной деятельности, как между отдельными людьми, так и в случае понимания иных культур и традиций.

Основные результаты, определившие научную новизну исследования

- В диссертационном исследовании представлена концепция методологии интерпретации, опирающаяся на историю становления методов философской герменевтики и их применение к гуманитарной сфере познания;

- Анализ проблемы интерпретации в контексте становления социально-гуманитарного знания позволил выявить культурно-исторические условия формирования методологии интерпретации, которая характеризуется как относительно самостоятельная область философского исследования;

- Показано, что специфику гуманитарного познания можно определить как направленность его на понимание смыслов текстов (артефактов, явлений культурно-исторического, социального характера). При выборе наиболее эффективных методов интерпретации для этих видов знания, необходимо учитывать зависимость между объектом исследования, целью и конкретной методикой, что создаёт основы для выработки принципов контекстуальной интерпретации научного познания в гуманитарной сфере;

- Выявлены истоки зарождения и намечены основные этапы формирования герменевтики в той её части, где она представлена как методология интерпретации. Показано, что на эпистемологическом уровне история её развития – это восхождение познания от конкретных приёмов и методов к их систематизации внутри частных дисциплин (риторика, логика, теория аргументации, филология, экзегетика, право, история) и от них – к формулированию интерпретации как особой методологии гуманитарных наук, развиваемой современной философской герменевтикой;

- С учётом эпистемологического значения интерпретации для гуманитарных наук вводится философская категория «когнитивное понимание-интерпретация», которая получает новый смысл в описании процесса восхождения к пониманию в результате познания. Основанием

для этого являются фундаментальные характеристики понимания, в основе их лежат реализуемые человеком когнитивные особенности мышления и сознания;

- Интерпретацию предложено рассматривать как базисную категорию не только философской герменевтики, но и социально-гуманитарных наук и культуры в целом. Предложено расширить предметную область теории интерпретации за счёт выявления общих принципов познания конкретных гуманитарных наук.

Теоретическая и практическая основа исследования

При проведении исследовательской работы применялись принципы и подходы, разработанные онтологией, эпистемологией, и философией науки. Прежде всего, это *принцип объективизма*, который способствовал достоверной и непредвзятой субъективной оценке изучаемых источников и их анализу. Во-вторых, это *принцип историзма*, на основе которого методология философской интерпретации рассматривается в общем контексте становления и развития философской герменевтики, эволюции её методов. Наряду с принципом историзма применяется *эволюционный подход* к методологии интерпретации и *контекстуальный метод* анализа.

Исследование основано на методологии историко-философского анализа. Использовался *сравнительный метод*, который позволил провести сопоставление рассматриваемых концепций; *герменевтический метод* как основной подход к анализу проблемы интерпретации гуманитарного познания. Особое место в исследовании отведено *когнитивному подходу* как методу анализа творческого процесса мышления и познания.

Разрабатываемая проблематика потребовала *междисциплинарного подхода* с привлечением работ по истории философии, герменевтике, теории аргументации, социологии, психологии, культурологии, философии науки.

Положения, выносимые на защиту

Положения, выносимые на защиту, раскрывают концептуальные основания интерпретации как методологии гуманитарного познания. В обосновании концепции лежит ряд конкретных задач, касающихся специфики герменевтики как дисциплины, направленной на решение вопросов понимания в гуманитарной сфере.

1. Процесс становления теории интерпретации, применяемой в социально-гуманитарной сфере, тесно связан с взаимодействием таких форм интеллектуальной деятельности, как логическое мышление, риторика и теория аргументации.
2. Герменевтика имеет методологическое значение для становления частных гуманитарных дисциплин.
3. В качестве концептуального основания интерпретации может рассматриваться феномен европейского рационализма¹, повлиявший на становление рациональных методов интерпретации в философии и науке.
4. Длительный исторический период становления и развития герменевтики привёл к необходимости контекстуализации её статуса, границ и места в системе философского и гуманитарного знания.
5. Эволюция герменевтического метода характеризуется с позиции его применения по отношению к объектам самой разной природы, в том числе текстов и феноменов культуры. Методологическая база герменевтики формируется под влиянием этих новых задач познания.
6. Перспективы методологии философской интерпретации связаны, в первую очередь, с развитием всего комплекса гуманитарных дисциплин, где истолкование оказывается эффективным.

¹ Термин «европейский рационализм» впервые вводит в научный аппарат польский философ Анджей Гжегорчик.

7. Дальнейшее развитие методологического аппарата философской интерпретации происходит за счёт появления новых возможностей его применения в культурологической и социально-коммуникативной сфере.

Научно-практическое значение исследования

Диссертационное исследование вносит вклад в разработку проблемы понимания и интерпретации и способствует развитию научной картины мира, исходя из описания основных тенденций развития методологического аппарата философской герменевтики.

Текст диссертации и отдельные положения исследования могут быть использованы в курсе преподавания эпистемологии, истории и философии науки, в спецкурсах по истории философской герменевтики.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях сектора философских проблем творчества и были представлены в форме докладов на международных и всероссийских конференциях: на IV научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (2011, Иваново); на всероссийской конференции «Модели рассуждений – 5: Аргументация, коммуникация, общество» (2011, Светлогорск); на VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (2012, Нижний Новгород); на V научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (2012, Иваново); на Международной конференции «Мудрость философии: творческий путь Поля Рикёра» (2013, Москва, Институт философии РАН); на VI научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (2013, Иваново); на VII научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной

когнитивной науки» (2014, Иваново); на Всероссийской Междисциплинарной конференции «Философия творчества» (2015, Москва, Институт философии РАН).

Диссертация обсуждена на заседании сектора философских проблем творчества Института философии РАН Протокол № 5 от 21 мая 2015 года и рекомендована к защите.

Структура исследования определена целью и задачами диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Глава первая. Философский анализ проблемы интерпретации в контексте становления философской герменевтики

Проблема интерпретации, рассматриваемая в контексте становления философской герменевтики, имеет длительную историю. Интерпретация предполагает понимание, поэтому проблема интерпретации традиционно рассматривается в связи с соотношением интерпретации и понимания.

Понимание изучается в самых разных аспектах. Прежде всего, понимание – это одно из проявлений интеллекта человека, выражение его когнитивных способностей. Поэтому как феномен мышления, сознания и интеллекта понимание изучается конкретными науками гуманитарного цикла, в частности, психологией и лингвистикой. Здесь специфика понимания исследуется с точки зрения механизмов, условий становления и способов его вербального и невербального выражения. При этом понимание одного человека другим предполагает взаимопонимание, и этот аспект оказывается в центре внимания дисциплин, изучающих социально-коммуникативную сферу. Наряду с этой тенденцией, характерной для современной науки, проблема понимания и интерпретации сохраняет свой философский статус и изучается в русле эпистемологии.

Выявление эвристического значения философского взгляда на проблему соотношения понимания и интерпретации предполагает нахождение «точек роста» данной проблематики, которая, как будет показано в диссертации, со временем преобразуется в самостоятельное направление исследований. Систематизация конкретных (специальных) методов интерпретации связана с рассмотрением условий расширения предметной области герменевтики, внутри которой формируются методологические основы интерпретации. Методы герменевтики

оказываются эффективными применительно к объектам, изучаемым различными науками.

В данной главе рассматриваются основные этапы формирования философской герменевтики, определяются её предметный статус и границы, выявляются принципы интерпретации, заложенные в рамках герменевтической традиции. Исследование опирается на результаты, полученные философами, имена которых связаны с историей данного вопроса. Задача данного раздела диссертации состоит в поиске ответа на вопрос о том, каковы истоки интерпретации и как складывалась её методология.

1.1. Условия зарождения практики истолкования: от устной традиции истолкования – к риторике и герменевтике

Одной из дисциплин, имеющей своим предметом понимание, является герменевтика, область применения которой изменялась от искусства истолкования устного слова (речи, текста) к теории понимания и интерпретации и в настоящее время квалифицируется как философская дисциплина (философская герменевтика).

Текст любого содержания, в особенности сложный для понимания, произведение искусства и даже обычная речь или поступки людей – все это подвергается истолкованию, интерпретации. Поэтому изучение деятельности по истолкованию предполагает решение двух взаимосвязанных задач. В первую очередь, необходимо выявить исторические предпосылки становления тех социально-гуманитарных дисциплин, для которых истолкование (или интерпретация) оказываются методами, направляющими теоретический, концептуальный, предметно обусловленный поиск. Такой подход предполагает, что существует определенная взаимосвязь между задачами практического характера, касающаяся техники и методологии

интерпретации и конкретными исследовательскими задачами, которые ставят перед собой те или иные дисциплины.

К одной из исторически наиболее древних дисциплин, связанных с практикой овладения искусством истолкования, относится герменевтика. Сам термин «герменевтика» имеет несколько близких по смыслу значений, указывающих на различные аспекты их употребления. «Герменевтика», от греческого слова *hermeneutike*, предполагает конкретный процесс, который означает: *высказывать, излагать, выяснять, переводить*. В латинском употреблении слово *hermeneia* – отсылает к другому смыслу и значению герменевтики, предполагая *истолкование и объяснение*. Наконец, термин «объяснять» содержит в себе несколько близких по смыслу значений: *разъяснять, истолковывать, растолковывать, сообщать, переводить* – т.е. указывает на действие, результатом которого как раз и является понимание.

Таким образом, герменевтика охватывает, с одной стороны, искусство истолкования, и в дальнейшем возвышается до теории понимания и интерпретации, которая используется затем как внутри лингвистических (языковых), так и не языковых (невербальных) выражений. Первое определение герменевтики (искусство толкования), связанное с наступлением понимания смысла (слова, текста, жеста и т.д.) и имеющее конкретную отсылку к «*hermeneutike techne*» (т.е., к технике толкования), как раз и будет рассматриваться в этой части диссертационного исследования. Этот выбранный мной подход отвечает объективному взгляду на процесс становления методологии интерпретации, рассматриваемой в историческом контексте.

Философская герменевтика как теория и методология интерпретации корнями уходит в античную греческую философскую мысль, где истолкование предстает как один из ключевых методов понимания. Как «техника толкования» искусство истолкования связано с проблемой понимания устного слова, имеющего ценностное значение (практического, социального и иного характера). «Искусство толкования, – как пишет

Е.Н.Шульга, – возникло в связи с потребностью правильно понимать иносказательный смысл предсказаний и изречений гадателей, прорицателей и оракулов»². Таким образом, герменевтика изначально представляла собой практику устного толкования, вызванного необходимостью понимать смысл знамений и примет, разного рода знаков и символов. При этом широко распространенная в античности практика предсказаний оракулов и прорицателей, представляла собой выражение мысли в иносказательном, образном виде, что требовало дополнительной интеллектуальной (и профессиональной) работы по разъяснению содержащихся в них смыслов. Такая деятельность носила практическую направленность, часто прагматическое значение, а смыслы высказываний и знания, получаемые в результате истолкования, были направлены в будущее. Это мог быть как поиск решения конкретной насущной проблемы, так и толкование смысла какого-то события исторической важности или запроса о личной судьбе отдельного человека или даже народа в целом³.

Особый интерес для решения диссертационной задачи – выяснения основания теории интерпретации – имеет обращение к истокам зарождения практики владения устным словом, что, в конечном итоге, позволяет выявить условия зарождения искусства истолкования, его методологической базы.

Практика истолковательной деятельности имеет длительную историю формирования своей методологии, которая складывалась в определенных культурно-исторических и социальных условиях. Еще раз подчеркну, что истоки герменевтики лежат в традиции истолкования устного слова. Ей сопутствовало распространение переводческой деятельности, которая предполагает перевод содержания знания с одного языка на другой. Наряду с этим, появление и распространение письменных источников, нуждающихся в переводе и истолковании, стимулировало развитие гуманитарного знания. В частности, одной из первых гуманитарных дисциплин, изучающих слово

² Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика, М., ИФ РАН, 2002. С.15.

³ См. Шульга Е.Н. Там же. С. 41-43.

(его смысл и содержание), является филология, которая имеет постоянную тенденцию к развитию, обусловленную запросами коммуникации и образования. Не случаен при этом тот факт, что сама филология сформировалась, исходя из запросов переводческой деятельности, им предшествовала практика истолкования.

Широкое распространение практики истолкования было связано с тем, что долгое время основными источниками знания оставались устные предания и произведения греческих авторов. Главным образом, это были труды Гомера и сочинения Гесиода, которые заучивались учениками и подвергались истолкованию. Они являлись основными источниками сведений и знаний о мире, истории и мифологии. На их основе обучали грамоте, чтению и письму, а герои, описываемых этими авторами событий, рассматривались как персонажи (и даже конкретные исторические лица), которым следовало подражать или на ошибках которых нужно было учиться. Кроме того, это были основные источники обучения конкретному языку и культуре в целом. При этом устойчивая потребность в истолковании объяснялась объективными изменениями, наблюдаемыми в языке и речи, на которые обращают внимание лингвисты и историки культуры – речь идет о естественных изменениях греческого языка и культурно-исторических реалий.

Необходимо пояснить, что современные лингвисты, оценивая данную ситуацию с точки зрения соотношения языка и смысла, указывают на феномен, который получил название *дрейф языка*⁴. Он выражается в изменении внутренней структуры конкретного языка, которое проявляется в изменениях алфавита, появлении новых слов и терминов, наконец, в формулировании новых правил языка и его употребления. Кроме того, наблюдается процесс эволюции языка за счет расширения его эпистемологических функций. Язык не ограничивается исключительно

⁴ см. Кошкина Е. Г. Эволюция, или «дрейф» языка, основные тенденции его развития (на примере лексико-семантической системы) // В кн.: Современный немецкий язык: состояние и развитие / Отв. ред.: Л. Нефедова. Вып. 2. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 18-33.

задачами коммуникации людей, получением и передачей информации и т.д., очевидным становится и разнообразие используемых художественных приемов, введение новых тропов, что свидетельствует об обогащении языка за счет появления новых смыслов. В свою очередь, эти новые смыслы требуют собственной, дополнительной интерпретации.

Таким образом, объективные, исторически обусловленные изменения в языке требовали дополнительной интерпретативной работы для обеспечения наилучшего понимания устного слова, текстов и содержащихся в них смыслов. Интерпретацией текстов (памятников мысли и культуры) в целях образовательных как раз и занимались античные учителя, воспитатели нового поколения.

Одновременно с расширением географических границ и диапазона распространения греческого языка и греческой культуры в целом, появилась потребность в профессионалах, владеющих переводческой деятельностью. Эта деятельность предполагала развитие навыка истолкования смысла слов, понимаемых в контексте новых культурных реалий. Этот процесс взаимообогащения языков происходит на фоне взаимовлияния культур, в том числе, за счет миграции, притока новых народов – с иным языком и иной культурой, которые должны были адаптироваться к традиционным культурно-историческим реалиям греческой ойкумены. Взаимообмен культур и традиций на уровне языкового общения, стимулировал распространение истолковательной деятельности, которая реализовывалась в конкретной гуманитарной сфере – в переводческой деятельности, филологии и лингвистике.

Искусство овладения переводом как способом передачи смысла с одного языка на другой, способствовало возвышению статуса самой деятельности по интерпретации. Это даёт основание утверждать, что первые переводчики и комментаторы устного слова, текста рассматривались как искусные интерпретаторы. Их деятельность можно характеризовать как направленную на поиск идеализированных схем практического

преобразования смыслового содержания языка, что, со своей стороны, предполагало выявление скрытого смысла.

Представленные в языке знания образуют в своём содержании типичную модель организации языка, расширяющегося за счёт включения новых слов, понятий, терминов и других идеализированных форм. Этот процесс учитывался в практической переводческой деятельности и рассматривался как вид творчества, опирающийся на традицию владения устным словом. Этот факт можно отнести к становлению определенного типа гуманитарного знания, однако, рассуждая о данном историческом этапе, мы должны относить его только к знанию преднаучному.

Выявляя первые методы интерпретации, следует подчеркнуть, что в рассматриваемую историческую эпоху широкое распространение получил метод *парафразы* как специальный прием интерпретации литературных текстов. Как отмечает, например, В.Г. Кузнецов, парафраз следует понимать как сочетание комментаторства и перевода⁵. В дальнейшем этот прием использовался и в истолковании текстов с различным содержанием – литературных, религиозных, исторических и т.д. Как специальный метод, он выполняет соединяющую функцию и делает понятным то, что уже содержит в себе мысль или высказывание, но выражено не вполне ясно или туманно. Распространение памятников мысли, литературы в её различных жанрах, стимулировало развитие интерпретации как особой интеллектуальной деятельности. Интерпретация постепенно наращивала собственную методологическую базу, которая затем легла в основание такого гуманитарного направления, как *текстология*⁶.

⁵ см. Кузнецов В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. // Логос, № 10(20), 1999. С. 44.

⁶ Текстология получила распространение в России во второй половине XX в., предшествуя появлению и распространению философской герменевтики, поскольку герменевтика подвергалась критике как «буржуазное» течение. Эта дисциплина соединяла в себе филологические изыскания наряду с герменевтическим анализом текста, хотя само слово «герменевтический» не использовалось. Если же о герменевтике говорили, то критически (за исключением Г.Г. Шпета, который писал о герменевтике. См.: Шпет Г.Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. Литературно – теоретические исследования. М.: Наука, 1989 – 1991.).

Возвращаясь к истории зарождения методологии интерпретации, стоит еще раз подчеркнуть значение устной традиции интерпретации. В отличие от филологического направления интерпретации, устная традиция истолкования продолжала развиваться вместе с запросами практического и социально-политического характера. Из этих запросов и потребностей выросла риторика, теория аргументации, опирающаяся на законы мышления, которые восходят к логическим трудам Аристотеля.

Риторика характеризуется не только как теория, имеющая собственную терминологию и методологию, но и как специфический род искусной деятельности, которая предполагает овладение мастерством речи. С самого начала своего зарождения и в дальнейшем своем развитии риторика обогащала свой методологический аппарат, исходя из запросов практического характера, но при этом учитывала специфику человеческого языка и мышления. Искусство аргументации, как отмечает, например, Е.Н.Шульга, - «это не только форма мыслительной деятельности, нацеленная на обоснование утверждений, предположений, различных точек зрения и (или) гипотез. Её логико-эпистемологический и психологический аппарат достаточно универсален; а вся довольно длительная история развития философской мысли выработала такие принципы и способы аргументации, совокупность которых позволяет строить и рассуждать о теории аргументации, в особенности когда речь заходит и европейской традиции философствования в русле так называемого европейского рационализма»⁷.

Здесь необходимо пояснить, что европейский рационализм отличается своеобразием методологических тенденций, принимаемых современным научным сообществом⁸, и подразумевает: логическую упорядоченность сфер мышления, согласование понятий, упорядоченность в использовании аргументов, ориентацию на подтверждение знания и анализ, нацеленный на

⁷ Шульга Е.Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысли и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция. 2003. С. 191-192.

⁸ О рационализме как философском течении размышляют современные отечественные философы: И.Т.Касавин, А.В. Лекторский, Л.А. Микешина, А.Л. Никифоров, В.Н. Порус, В.С. Стёпин и др.

проникновение в сущность вещей⁹. Этим общефилософским установкам отвечает и риторика, которой мы уделяем внимание в связи с задачей выявления условий формирования гуманитарного знания, и связанной с ним техникой и методикой интерпретации.

В целом отмечу, что в теории ораторского искусства нашли отражение основные принципы – доказательность и убедительность. Их дополняют эмоционально-психологические и стилистические аспекты красноречия, что, в совокупности, составляет основу классической системы риторики.

Риторику как искусство овладения техникой речи, мы относим сегодня к гуманитарному циклу дисциплин, и выдвигаем предположение, что её дальнейшее развитие может быть согласовано с методологией интерпретации, базирующейся на результатах исследования философской герменевтики. Это способствует организации и систематизации методов, наиболее эффективных для решения конкретных теоретических и практических задач. Первоначально, эта система методов использовалась в устной традиции, и включает следующие требования:

1. Быть убедительным (искусство аргументации);
2. Быть непротиворечивым (опираться на законы логики);
3. Правильно понимать передаваемый смысл содержания устного слова.

Поясню, что требование «быть убедительным» означает отвечать цели самой теории аргументации и предполагает владение её методами. Герменевтика интерпретирует требование непротиворечивости как условие, которое предполагает последовательность раскрытия содержания и развития идеи, выбор нужных и уместных аргументов и доводов, которые не должны противоречить друг другу. Третье важное требование *правильного* понимания касается интерпретации смысла.

Как отмечают современные исследователи, смысл является ключевым понятием не только герменевтики, но и рассматривается в контексте других

⁹ См. Шульга Е.Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысли и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция. 2003., С. 192.

современных теорий. Так, философы рассматривают смысл как самостоятельную философскую категорию и выясняют содержательные принципы, лежащие в основании «теории смысла»¹⁰, при этом опираются на историко-философский и логико-методологический аппарат. Значение результатов этих исследований – неоспоримо, и характеризуется как факт эпистемологического значения, способный оказать концептуальное влияние на развитие теории интерпретации.

Таким образом, выявляя истоки зарождения методологии интерпретации, мы уяснили, что её корни лежат в риторике и логике. И задача интерпретации сближает эти дисциплины с герменевтикой, по крайней мере, в их методологической направленности. Их общая цель – это понимание.

¹⁰ Среди последних работ по «теории смысла» следует указать книгу *Смирнова А.В.* Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

1.2. Интерпретация в контексте становления герменевтики

В предыдущем параграфе рассмотрены исторические условия и обозначены методологические предпосылки формирования методологии интерпретации. Показано, что «точки роста» техники интерпретации связаны с развитием дисциплин гуманитарного цикла, которые связаны с задачей *правильного* (в контексте Платона¹¹) понимания и интерпретации. Важное значение в поиске предпосылок теории интерпретации имеют исследования, связанные с рассмотрением понимания как одной из фундаментальных философских проблем. Греческие философы впервые обратили внимание на эпистемологический аспект интерпретации, конкретизируя эту проблему указанием на соотношение понимания и познания. В дальнейшем эта направленность сохраняет свою актуальность и изучает текст с определенным смыслом и значением. «Определенность» содержания текста делает эффективным истолковательный процесс исследования текста. Здесь на первое место выходит проблема контекста интерпретации.

Например, указывая на значение интерпретации текстов в связи с задачей обучения и образования, интерпретатор (учитель, воспитатель) опирается не только на знание текстов данной культуры, но включает в контекст интерпретации понимание исторического (художественного, морального, назидательного, предостерегающего и иного) смысла изучаемого памятника. Именно памятники древнегреческой литературы, наряду с традицией обучения философией в комплексе с другими практиками (гимнастика, музыка, математика) формировали такой стиль мышления, который, как уже отмечалось, позже получил название «европейский рационализм». Его основы составляли знания в области

¹¹ В диалоге «Горгий» в качестве требований *правильного* понимания Платон предлагает использовать доводы, которые, одновременно, были бы направлены на задачу опровержения того или иного высказывания, и при этом не противоречили бы этической, моральной направленности всего хода развития мысли и речи.

мифологии, истории, литературы, зачатки логического мышления и развитие способов аргументации и философствования.

На основе изучения памятников культуры (философии, литературы) осуществлялось воссоздание прошлых событий, смысл которых получал историческую интерпретацию и при этом толкователь опирался на мифопоэтическое и мифологическое содержание текста. Объектом интерпретации становилось содержание мифа в целом. В то же время предметом интерпретации могли быть и конкретные имена, значения которых модифицировались в зависимости от контекста интерпретации и определенного смысла. Например, имена богов и связанные с ними скрытые, глубинные смыслы, ассоциировались не только с определенными функциями, но и с абстракциями, общими идеями и даже понятиями о социальном устройстве. В свою очередь, появление иерархии богов представляло собой отражение иерархического устройства социума. При этом главные олимпийские боги понимались как многофункциональные. Так, Афина одновременно считалась и покровительницей города Афины и богиней мудрости, справедливой войны. Наряду с этим, она рассматривалась как покровительница наук, искусства, ремесел и знания в целом. Другой бог пантеона – Зевс рассматривался не только как главный бог Олимпа, но был одновременно носителем множественности смыслов. Он рассматривался как громовержец, «Зевс-Победоносец» (Zeus Nikator), ассоциировался с мужским началом семьи – *Зевс Ограды* (Zeus Herkeios). С женской стороны эта функция была отдана Гестии как хранительнице домашнего очага¹².

Таким образом, многофункциональность греческих богов предполагала множественность их интерпретаций, что, в свою очередь, нашло отражение в развитии самого философского знания. На первых этапах его становления мы фиксируем соединение мифологического объяснения и философского понимания. Интерес к проблеме понимания, процесс «именования» и интерпретации имён (например, мифологических) обусловил первые

¹² См. *Зелинский Ф.Ф.* Эллинская религия. Минск. Экономпресс, 2003. С.81-82, 268.

попытки построить отвлеченные понятия, и эти понятия являются следствием герменевтического подхода, который, в свою очередь, отражал движение мысли от конкретного образного мировосприятия – к абстрактным понятиям. При этом важную роль, как мне хотелось показать, играет сам контекст интерпретируемого материала, на который опирается истолкователь, выявляя скрытые аспекты содержания мифологических сюжетов и скрытые смыслы тех или иных имен и персоналий.

Герменевтический подход, на который опираются современные исследователи, оказывается эффективным в отношении анализа текста (или концепции) и выявления смысла, скрытого или неявного. Так, подчёркивая значение контекста в деле интерпретации и выяснения истинного смысла рассматриваемой концепции, Е.Н. Шульга приходит к выводу, что за функцией имени конкретного бога может скрываться целая идея. Иногда эта идея присутствует в культуре и предстаёт как элемент миропонимания. Например, в традиции орфиков, «Зевс перестаёт быть только персонажем творения мира. Это уже не только бог (образно персонифицированный), – пишет Е.Н. Шульга, – но единый, поскольку бог один: один лишь Зевс, один Дионис, один бог во всем, ибо как назвать их по отдельности? – спрашивают орфики»¹³. Философия орфиков интересна тем, что её интерпретируют в связи с выявлением первых попыток объяснения происхождения мира, в частности, исходя из идеи единобожия. Важно проследить не только развитие этой идеи, но изменение смыслового содержания слова, имени, понятия в зависимости от изменяющихся условий общефилософского, мировоззренческого и исторического характера. В случае примера с Зевсом, понимание значения его имени у орфиков касается той скрытой идеи божественного мировосприятия, приверженцами которого они были: «Зевс преобразился в иносказательное выражение самой жизни, стал символом единства жизненного процесса и его божественного начала»¹⁴. Как можно

¹³ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., ИФ РАН, 2002. С. 74.

¹⁴ Там же, С. 74.

заметить, смысл интерпретируемого имени понимается не только в зависимости от концепции, но рассматривается в контексте конкретных культурных реалий и миропонимания в целом.

Таким образом, интерпретация смысла отдельных образов, событий и сюжета осуществляется в зависимости от контекста и того смысла, который стремится постичь сам интерпретатор, рассматривая контекст с точки зрения развития определенной идеи. При этом интерпретатор часто отыскивает параллели между различными культурами, отстаивая, тем самым, идею преемственности знания.

Например, известный историк античности Ф.Ф. Зелинский называет традиционную мифологию Древней Греции «древнегреческой религией», или «религией эллинизма», характеризуя эту эпоху не иначе, как «ветхий завет нашего христианства»¹⁵.

Другой исследователь, И.Т. Касавин, обращаясь к текстам Гомера, усматривает в эволюции личности Одиссея те черты героя, воина, пирата, верного мужа и мудрого царя, которые связаны с происхождением героя. Родословная Одиссея восходит к Сизифу и Гермесу, что, отчасти, предопределяет его судьбу. «Ум и изобретательность царя Итаки, – пишет И.Т.Касавин, – почерпнуты им из сокровищницы родового генотипа, а судьба состоит в том, чтобы проявить эти изначально присвоенные качества, обрекающие Одиссея на рискованные путешествия и неожиданные приключения, на деле оказывающиеся разворачиванием роковой необходимости»¹⁶.

У Гомера Одиссей – активный творец своей судьбы, между тем исследователи интерпретируют описываемые события, происходящие с героем, отыскивая и выдвигая понятия, которые могли бы объяснить сами эти события. Так, И.Т. Касавин, использует понятие «родовой генотип», тем

¹⁵ Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск. Экономпресс, 2003. С. 35-39.

¹⁶ Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. Москва – СПб., Издательство РХГИ, 2000. С.87-88.

самым, смысл судьбы Одиссея наполняется новым содержанием, которое вносит это понятие.

Большое значение в интерпретации текста и понимания его содержания имеет та оценка значения, которую мы ему придаём. Некоторые современные авторы придают значение не только содержанию всего текста в целом, но и этимологии каждого слова. Так, Д.О. Трошилов прямо указывает на то, что выяснение этимологии слова является одним из приемов интерпретации¹⁷.

На наш взгляд, этот подход уместен, в особенности, когда в поле внимания интерпретатора оказываются тексты исторически далеко отстоящих от нас эпох. Здесь этимология слова может быть представлена следующими видами: (1) этимология понятного имени. Смысл его, как правило, традиционен; (2) этимология непонятного имени. В этом случае, способ выяснения непонятного имени связан с методом соотнесения имени и образа с уже имеющейся системой знания; (3) этимология непонятного имени, о носителе которого мы ничего, кроме этого имени, не знаем. Здесь интерпретация предполагает ориентацию исключительно на контекст самой идеи, которую развивает интерпретатор¹⁸. В этом последнем случае смысловое содержание развиваемой идеи (концепции, гипотезы) превосходит контекст интерпретации. Это как раз то, на что указывает, в частности И.Т.Касавин, вводя понятие «родовой генотип» для объяснения личной судьбы героя (хотя такого словосочетания нет в тексте Гомера).

Одним из первых философов, уделивших специальное внимание вопросу взаимосвязи предмета, его имени и понимания смысла, был Платон. В диалоге «Кратил» Платон отмечает: «пока имя выражает вложенный в него смысл, оно остается правильным для того, что оно выражает»¹⁹. Это значит, что наше понимание сущности предмета находит отражение в восприятии, а

¹⁷ Трошилов Д. О. Этимология и аллегория в толковании мифа (у досократиков и ранних стоиков) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2: П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2007. С. 233-238.

¹⁸ Там же. С. 236-237.

¹⁹ Платон. Кратил / Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 439. Так же см.: С. 441-442 (395e-396c).

правильная интерпретация связана с правильным наименованием этого предмета. Каждый предмет, на который направлено наше понимание, фиксируется в языке, получая соответствующее имя. Наименование вещи зависит от её специфической природы и оказывается опосредованным определенными правилами, что исключает произвол и субъективизм в присвоении имён (397a).

Рассуждая в этом направлении, Платон ставит целый ряд последовательных вопросов, касающихся понимания сути процесса наименования как интеллектуального действия, связывая его с пониманием природы вещей. Платон устами Сократа говорит: «давать имена тоже есть некое действие, коль скоро говорить было действием по отношению к вещам? ... <...> В таком случае и давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, как нам заблагорассудится, если, конечно, мы хотим, чтобы это согласовалось с нашим прежним рассуждением? И тогда у нас что-то получится и мы сумеем дать имя, в противном же случае – нет?» (387d).

Сократ (в интерпретации Платона) чётко различает имена как понятия (общие, отвлеченные понятия) и имена собственные и говорит о том, что люди, получая конкретные имена, не ассоциируются с богами или героями, но получают их как «наименования», которые соотносятся с конкретными качествами. Более того, «многие имена даются как бы в пожелание: Евтихид – в пожелание счастья, Сосия – здоровья, Теофил – ради милости богов и так далее» (397b-e). Сократ придаёт значение не только отдельному слову, понятию, но разъединяет имена на их составляющие, указывая на суть вещей, и тем самым выявляет сущностную характеристику имени. Так, в имя «Зевс» Сократ вкладывает такой смысл целого, в каждой части которого раскрывается понимаемая греками природа самого Зевса: «Одни его называют Диём (Δία), другие же Зеном (Ζήνα)». (396a). Выясняя смысл этих имён, обратимся к этимологии данных слов. Так, в корне слова Зевс подразумевается *совершенство действия* (Δία) и глагол *жить* (ζάν), «а

сложенные вместе, эти имена открывают нам природу этого бога, что, как мы говорили, и подобает всякому имени» (396). Тем самым имя Зевса в своём скрытом значении указывает на жизнь во всех её появлениях, подразумевает властителя и, одновременно, царя над всем сущим.

Таким образом, Сократ учит различать смыслы – прямой смысл и иносказательный, и, указывая на конкретное лицо, часто ассоциирует имя с тем иносказательным смыслом, которое предписано значению, скрытому за именем собственным. Платон, устами Сократа, указывает не только на происхождение имён, но и предлагает способы различения их смысла. Он рассматривает конкретные примеры восхождения значения имени, соотнося его с конкретными качествами, которые стремятся передать тому или иному лицу посредством его имени.

Исследователи античности, в частности А.Ф. Лосев, приходит к выводу, что смысл интерпретируемого возникает в силу того, что репрезентации вещей оформляются в человеческом сознании в соответствующие типы или образцы, объективные и независимые от места или времени появления²⁰. Так складывается язык понятий, часто ассоциируемый, но подчиняющийся объективным процессам интеллектуальной деятельности людей.

Рассмотрение текстов Платона с точки зрения изменения смысла некоторых понятий, позволяет сделать вывод, что общефилософский смысл понятий при всей их ясности ещё не оформляется в соответствии с определенной категорией. Например, *мудрость* (396d) рассматривается и как характеристика отдельного лица (мудреца, философа), так и ассоциируется с *познанием* (412a), как интеллектуальной деятельностью и даже как познанием блага. Познание, тождественное мудрости, проявляется при изучении вещей и их наименовании. Между тем смысл интерпретируемого зависит не только от «наименования», но от самого рассматриваемого

²⁰ Лосев А.Ф. Комментарии к диалогу «Кратил» / Платон. Сочинения в четырех томах. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Издательство Олега Абышко». 2006. С. 612.

предмета и специфики его функций. Поэтому различные интерпретации одного и того же объекта, предмета, вещи могут иметь различную степень достоверности наших знаний о них. Таков наш вывод.

Аристотель, вслед за Платоном, продолжает изучать условия познания, связывая их с языком. В работе «Об истолковании» (*Peri hermeneias*), посвященной логике и семантике, он исследует язык и основные понятия грамматики (имя, глагол, речь) как смысловое звуко сочетание, простое и сложное предложение, утверждение и отрицание, формы противопоставления, понятие грамматического времени и составные части предложения. Систематизируя знания в этой области, Аристотель выходит к проблеме понимания, придаёт ей систематический вид. Он опирается на собственные обоснованные понятия и утверждения, прослеживая развёртывание простых предложений в их более сложные формы и применяя при этом чисто грамматические критерии рассмотрения предложения как составленные из конкретных частей. Кроме того, Аристотель также поднимает вопрос о значении отдельных имен и речи в целом и указывает на то, что они являются результатом социальной договоренности (между людьми).

Такая социальная обусловленность «наименований» имеет отношение к попытке вывести объективные критерии, на основании которых становится возможным понимание, а значит, и взаимопонимание людей. Аристотель пишет: «[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени»²¹, также и «всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а <...> в силу соглашения»²². Другими словами, он предлагает принимать общепринятые значения слов и имён, опираясь на обозначаемый этими словами смысл. Проблема смысла имеет отношение и к поиску условий объяснения смыслового содержания всего текста и понимания контекста интерпретируемого материала.

²¹ Аристотель. Об истолковании/ Аристотель Сочинения в 4 тт., т. 2. М.: Мысль. 1978. С. 94.

²² Там же, С. 95.

Так, одним из первых способов интерпретации мифологического содержания и натурфилософского объяснения известных древнегреческих текстов является *аллегорическое объяснение*. Этому способу интерпретации отдавали предпочтение стоики. Именно они одними из первых обратили внимание на эффективность аллегорического толкования, которое они использовали по отношению к содержанию мифов, выявляя тот смысл, который скрывался «*под словами*». Как отмечает Р. Слесинский, именно Псевдо-Гераклит (V в. до н.э.), «определил аллегорию как риторическое средство, путем которого возможно сказать об одном деле и в то же самое время намекнуть на что-то другое»²³. Использование аллегорического метода интерпретации позволяет различать внутренний (скрытый) смысл и внешний (буквальный) смысл текста, или логос (конкретного слова).

Пристальное внимание к смыслу и значению каждого слова (или философского понятия) делает актуальной задачу понимания. Задача понимания внутреннего смысла слова состоит в том, чтобы выявить и выразить истинное значение каждого понятия, которое приобретает концептуальное значение – именно такой подход мы обнаруживаем у представителей этой школы. И хотя стоики не выработали законченной системы методов истолкования, однако именно в недрах этой школы впервые формулируется и широко применяется аллегорический способ интерпретации. С этого момента данный способ истолкования рассматривается как один из неотъемлемых герменевтических методов, сохраняя своё эпистемологическое и даже эвристическое значение в деле интерпретации текстов с самым разным содержанием²⁴.

Особенность развития философской мысли в рассматриваемую эпоху состоит в том, что мы можем изучать тексты отдельных философов,

²³ Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. URL http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf

²⁴ Аллегорический метод истолкования использовал Евгемер из Мессены (IV—III вв. до н. э.) для рационализации мифов. В работе «Священная запись» он объясняет их содержание и происхождение богов как выражение реальных исторических событий, которое было изменено и дополнено фантазией и вымыслом по причине несовершенства человеческой памяти.

сопоставляя их в связи с определением фундаментальных установок, которые можно рассматривать как основания для выделения конкретных философских школ. Современная интерпретация этих текстов, глубинное погружение в их контекст и выявление той специфики, на основании которой мы отличаем одну философскую школу от другой, и является тем важным подходом, который мы называем «герменевтическим подходом».

Герменевтический подход к анализу философского наследия показывает, что каждой школе соответствует внутренняя концептуальная установка. Современные трактовки философских школ интересны с точки зрения определения условий интерпретации. Выявляя основополагающие понятия, положения, гипотезы, интерпретатор приближается к пониманию философской позиции, которую отстаивают представители этой школы, и даёт ей адекватную оценку. Вопрос о систематической связности концептуальных положений и близких идей в различных школах всё ещё остаётся открытым. Это объясняется тем обстоятельством, что сами философы причисляли себя к определенной философской традиции. «Философствовать в эту эпоху означало выбрать школу, обратить себя в её образ жизни и принять её догматы»²⁵. Вот почему задача герменевтического анализа относительно построения системы правил интерпретации, характерных для философских школ, продолжает оставаться актуальной.

Кроме того, методы истолкования оставались специфическими для каждой конкретной школы. Всё это делает герменевтический подход эффективным, в особенности, по отношению к философским концепциям, их сравнению. Перспективным для герменевтики представляется изучение философского наследия с точки зрения становления методологии интерпретации на основе принципов понимания и отдельных положений, развиваемых тем или иным философом или той или иной школой. Об этом пойдет речь в последующих разделах диссертации.

²⁵ Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. С. 249.

Итак, подводя итоги исследования в этой его части, отмечу, что в рассмотренный исторический период проблема интерпретации учитывалась, но еще не оформилась в виде законченной системы знания об условиях интерпретации и её методах. Эта проблема присутствовала в контексте античной герменевтики. Причём искусство интерпретации в его методологической части представляет собой систему отдельных приёмов и способов истолкования. Постепенно, вместе с необходимостью понимать чужой язык и чужую культуру, распространяется практика истолкования языка этих культур. Проблематика истолкования получает новое направление в связи с сосуществованием на одной территории культурных и религиозных традиций. Оценке его и будет посвящён следующий раздел диссертации. Как будет показано что появление и распространение христианского вероучения на территории европейского средиземноморья оказали непосредственное влияние на развитие методологии интерпретации.

1.3. Методы интерпретации в практике экзегезиса

Импульсом для дальнейшего развития герменевтики как искусства истолкования и понимания текстов послужило появление и распространение христианского вероучения. Установление свода канонических священных текстов – Священного Писания, потребовало выработки свода правил и принципов, которые следовало использовать для прояснения содержания вероучения и понимания единого смысла его основных догматов. На этом фоне развитие и распространение философских и научных идей всё чаще окрашено религиозным контекстом. Сами тексты диктовали те способы их интерпретации, которые должны были удовлетворять одновременно двум взаимосвязанным задачам. Необходимо было объяснить философский смысл того или иного текста (фрагмента, пассажа) и при этом не вступать в противоречие с пониманием истинного смысла христианского вероучения.

Прежде чем перейти к выяснению специфики интерпретации текстов Библии в контексте её целостного понимания и выявления системы методов истолкования, следует обратить внимание на характер взаимоотношения различных культурных традиций, на пересечении которых христианство оформлялось как вероучение. Прежде всего, это касается культуры мышления и толкования, которые считались правильными как со стороны христиан, так и иудеев, споры между которыми не прекращались с обеих сторон. Дело в том, что в первые века н.э. христиане воспринимались римлянами как настоящие враги человечества. Их часто казнили уже только за то, что они называли себя христианами. Более того, «Христианство считали варварской верой, пренебрегающей всеми достижениями цивилизации»²⁶. На этом фоне противоборство иудеев и христиан развернулось в сфере интеллектуальной борьбы за Священное Писание и его

²⁶ Армстронг К. История Бога. Тысячелетие искания в иудаизме, христианстве и исламе. М.: ИД «София», 2004. С. 117.

истинную интерпретацию. Толкователи с осторожностью подходили к пониманию истинного смысла вероучения, и каждый стремился выстраивать границы своего учения так, чтобы сохранить его целостность и защитить смысл собственного вероучения. В этих условиях язычество римлян и греков рассматривалось и теми и другими толкователями как внешняя угроза.

Наряду с этой тенденцией, учёные и философы александрийской школы во многом заимствовали идеи, восходящие к стоикам и эпикурейцам, и при этом отстаивали собственные принципы интерпретации, которые они выдвигали в качестве основы интерпретации Библии. В частности, они использовали принцип понимания, который известен как *принцип простоты и доступности объяснения*. Суть его заключалась в том, чтобы выразить смысл текста (пассажа, фрагмента) и вероучения в целом в тех терминах, которые доступны пониманию большинства людей²⁷. Постепенно сложилась практика истолкования священных текстов, которая получила специальное название – *экзегезис*. Этот термин имеет несколько значений. В первом, простом смысле он имеет отношение к технической стороне интерпретации, поэтому под экзегезисом буквально понимают интерпретацию. Однако с течением времени экзегезис рассматривается в более широком контексте. Второй смысл этого слова указывает на ветвь теологии, которая занимается изучением и выявлением истинного смысла Священного Писания и учит толкованию. Таким образом, экзегезис направлен на истолкование смысла Священного Писания, что предполагает использование определенных методов и системы правил истолкования; результаты истолкования не должны нарушать общий смысл Библии.

Однако не следует полагать, что экзегезис как практическая деятельность по истолкованию имеет отношение только к христианству. Термин *экзегезис* используют иудаисты и христиане (католики, протестанты и православные). Каждая конфессия предлагает собственный свод правил

²⁷ См. Шульга Е.Н. Экзегезис: зарождение и развитие метода интерпретации // Ценности и смыслы. 2010. № 4(7). С. 71-95.

интерпретации, сочетая общее и особенное. В основе систематизации этих правил – те каноны, которые являются определяющими для конкретного вероучения или конфессии. Сопоставление их – это специальная тема исследования. Для целей данной диссертации важно рассмотреть условия становления методологии интерпретации, учитывая особенности экзегезиса.

Делая акцент на философско-методологической стороне исследования проблемы интерпретации, следует учитывать исторические этапы развития научного знания, его предметную специфику. Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что предметные области гуманитарного знания (его методологические характеристики) во многом формировались под влиянием мировоззрения, характерного для данной исторической эпохи. Так, ранние христиане не писали профессиональных комментариев. Использование ими «методики» комментирования Писания носило скорее стихийный характер, нежели технически (методологически) осмысленный. Первое систематическое понимание интерпретации встречается в «Толковании Ветхого Завета» Филона Александрийского (1 в. до н.э. – нач. 1 в. н.э.). Он делает предметом своего исследования уже не столько постижение мира в целом, как это делали греки, сколько понимание конкретных текстов и скрытых в них смыслов. Развивая *аллегорический метод*, восходящий к школе стоиков, он применяет его для выявления скрытого смысла, заключенного в текстах Ветхого Завета. Изучая тексты Филона, можно сделать вывод, что Писание предстает для него, прежде всего, как источник этических символов. Однако изучение Писания не противоречит изучению и познанию природы²⁸.

Обращение к наследию Филона интересно тем, что он придерживался традиционной для евреев техники толкования, настаивая на значении буквального смысла Писания. Наряду с этим, философский анализ библейского откровения у Филона предвосхитил идею о том, что буквальное значение текста может скрывать более глубокие небуквальные значения,

²⁸ См. *Филон Александрийский*. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 2000. С. 51-92.

которые могут быть обнаружены с помощью систематической интерпретаторской работы. В результате выявления скрытых, небуквальных значений библейские персонажи и события раскрываются толкователем в зависимости от контекста, и предстают как духовные, этические истины.

Через 150 лет после Филона, Ориген (ок. 185 – ок. 254 гг.) продолжает развивать эту традицию, утверждая, что Священное Писание имеет три уровня смыслов. Он рассуждает по аналогии и считает, что уровням смысла соответствуют тело, душа и дух, каждый из этих уровней отвечает более продвинутой стадии религиозного понимания, что, в целом, соответствует смыслу самого Священного Писания. Эта трёхуровневая иерархия смыслов, выделенная Оригеном, рассматривается как возрастание духа и порядок духовного продвижения в понимании вероучения. Так, «*телесный* или *буквальный* смысл (также называемый соматическим и историческим смыслом), *душевный* смысл, соответствующий пониманию людей на пути веры и, наконец, *духовный* смысл, доступный лишь совершенным людям»²⁹. Тем самым продвижение на пути понимания представляет собой процесс восхождения от видимого и материального к невидимому и интеллектуальному.

Учение Оригена о множественности толкований постепенно было расширено до значения четырех различных уровней смысла Писания: *буквального, аллегорического, нравственного и анагогического* – что наиболее четко выражается в следующей фразе: «Буквальное нас учит тому, что случилось, аллегорическое тому, во что надо верить, нравственное тому, что надо делать, и анагогическое тому, к чему надо стремиться»³⁰.

В связи с распространением христианского вероучения появилась также потребность перевода текстов Библии на греческий и, позже, латинский языки для понимания смысла вероучения и правильной

²⁹ Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. URL http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf

³⁰ Августин Дакийский. Краткое пособие по богословию (Rotulus pugillaris, 1260) // Katechismus der Katholischen Kirche. Oldenbourg, 2007, S. 67.

интерпретации текстов. Такая задача предполагала использование определенных методов и подходов, что нашло отражение в первых богословских школах, которые представляли различные направления внутри библейской герменевтики и при этом сам герменевтический подход опирался на традицию истолкования и разделения смысла в соответствии с указанными уровнями.

Так, александрийская школа придерживалась аллегорического истолкования Священного Писания, (т.е. допускала множественность смысла слова), в то время как антиохийская школа настаивала на приоритете грамматического, буквально-исторического смысла и допускала лишь один конкретный смысл слов. Позднее эти герменевтические, экзегетические подходы были распространены на всю литературу: на религиозные, философские тексты, на художественные произведения. В целом этот процесс следует характеризовать как тенденцию к расширению предметного поля самой герменевтики.

Итак, превращение христианства в официальную религию с собственной догматикой, обрядами и, наконец, текстами, которые рассматривались теперь как канонические – всё это было нацелено на задачу их *правильного* понимания и истолкования и послужило стимулом для дальнейшего развития методологии интерпретации. Вместе с тем, традиция философствования и появление дисциплин гуманитарной направленности, в особенности таких, где явно прослеживается практика истолкования со своей методологией, послужило дополнительным стимулом для формирования герменевтики как самостоятельной области знания.

Появление и распространение христианства повлекло за собой дальнейшее развитие герменевтики как специальной дисциплины, направленной на понимание текстов Священного Писания. Особенностью христианства как монотеистической религии является потребность единого, канонического понимания её догматов. Отсюда особые требования к

пониманию смысла Священных текстов, что обусловило усовершенствование методологического аппарата герменевтики.

1.4. Интерпретация в традиционном христианском герменевтическом контексте; её философская оценка

Опуская длительную, многовековую историю эволюции герменевтики как экзегетики, мы, тем не менее, должны рассмотреть тех мыслителей и богословов, идеи которых оказали значительное влияние на становление методологического аппарата герменевтики. Формирование её аппарата, как будет показано в диссертации, шло вместе с развитием гуманитарной сферы исследований. На этом историческом этапе именно герменевтика оказывается той предметной областью, где с наибольшей очевидностью можно усмотреть «точки роста» гуманитарных наук и их методологии. В особенности таких, которые связаны с проблемой понимания текстов самого разного содержания (исторического, правового и т.д.).

Среди множества философов и богословов остановимся наиболее подробно на св. Августине (354 – 430), поскольку он является первым систематизатором методов интерпретации. Так, известная британская исследовательница Карен Армстронг отмечает, что уже греки и, в особенности, представители христианства относились к Августину с большим почтением, воспринимали его как одного из выдающихся Отцов Церкви. Однако «подход Августина, - пишет К. Армстронг, - был не метафизическим, как у греков, а психологическим и глубоко личным»³¹. Более того, участие психологической составляющей в рациональной интерпретации, связано с именем Августина, который опирался на концепцию платонизма, воспринятую им от Амвросия, епископа Медиоланского, который убедил его, что христианство совместимо с идеями Платона и Плотина. Он принимает идеи греческих философов об объективности мира и его проявлений, в том числе божественных. Бог проявляется только в мире ума, представляется не как объективная

³¹ Армстронг Карен. История Бога. Тысячелетие искания в иудаизме, христианстве и исламе. М.: ИД «София», 2004. С. 142

действительность, но через духовное присутствие. Однако особенность христианства предполагает «личный путь» к обретению Бога и веры, что как раз и отмечает Августин в качестве наиважнейшего смысла вероучения для человека. Августин продолжает поднятую катехизисной школой Александрии проблему соотношения веры и разума и рассматривает её как центральную схоластическую проблему. Поэтому труды Августина можно характеризовать как такие, которые дают начало различным типам решений этого вопроса с множеством следствий. Наиболее важные из них касаются переосмысления основных метафизических и антропологических понятий, они оказываются в центре внимания толкователя. Укажу только на наиболее важные из них. Это: порождение, творение, процесс, субстанция, сосуществование, эманация, ипостась, личность, свободная воля.

Здесь нельзя не отметить, что в интерпретации Творения как библейской теории, особое значение имели этические новации Филона Александрийского. У него мораль неотделима от веры и религии, сливается в мистическом единении с Богом в некоем экстатическом видении. Эти идеи Филона, благодаря работам Августина, приобретают статус канонических. Более того, именно Филон предвосхищает так называемые *итинерарии*³², которые, начиная с Августина и дальше всеми Отцами Церкви, рассматриваются как канонические пути к Богу.

Таким образом, интерпретация истин вероучения, истолкование текстов Священного Писания ясно определяет цель, на которую направлена сама интерпретация. Все смыслы, которые содержит текст, не должны исключать участие психологической (и даже мистической, в христианском смысле слова) составляющей. Например, Августин, выясняя, что есть зло, опирается на понятие бестелесного и находит выход из этого метафизического затруднения, указывая, что зло – это всего лишь отсутствие добра (а не отдельная субстанция).

³²

Итинерарии – буквально, «пути к Богу».

Роль Аврелия Августина состоит в том, что он первым вводит универсальные требования герменевтики. Они возникают из установленной им связи между языком и интерпретацией. В трактате «О христианской доктрине» Августин приводит правила истолкования, во многом опираясь на традицию истолкования Ветхого Завета:

1) существует взаимоотношение между целым и его частями. Для осмысления отдельных отрывков толкователю необходимо прочесть все Священное Писание;

2) неясные отрывки следует истолковать в сравнении с ясными отрывками;

3) отмечает важность знания языка (например, ознакомления с модусами речи, возможными тональностями речи);

4) необходимость различения буквального и метафорического (переносного) смысла Писания.

При этом стоит отметить, что правило (2) – это типичное иудейский принцип толкования текста, а правило (4) расширяет раввинистический буквальный смысл за счёт соотнесения его с метафорическим, характерным для греческой герменевтики.

Августин подчёркивал, что интерпретация Библии включает более глубокий, экзистенциальный уровень понимания, для обнаружения которого недостаточно лишь соблюдения указанных правил интерпретации, которые должны быть дополнены верой.

Стоит отметить, что в связи с проблемой соотношения веры и знания особое место в деле познания и понимания занимает душа. Так, согласно Августину, душа – это не просто Божественная сущность, но и вместилище разума, т.е. то «место», откуда проистекают все основные рациональные проявления человеческого интеллекта. На это указывают его собственные высказывания: *«Она [душа] распадается на авторитет и разум. Авторитет требует веры и подготавливает человека к разуму. Разум, в свою очередь,*

приводит его к пониманию и знанию»³³. Причем «готовить к разумению» означает, в буквальном смысле подготавливать к пониманию. Тем самым понимание сопряжено с познанием и интеллектуальной деятельностью (по Августину, *интеллигентностью*), что требует от человека не только веры, но и готовности принять *авторитет веры*, следовательно, авторитет знания (как устремлённость к познанию). Такая работа ума невозможна без интерпретации того, что познается и на что направленно человеческое понимание, нацеленное на совершенствование *разумения* как совокупности знания, понимания и познания.

Для верной интерпретации Писания, помимо соблюдения указанных правил, необходимо учитывать, что в основе правильного истолкования Священного Писания лежат три добродетели: *вера, надежда и любовь*. Именно они обеспечивают свет, который нужен для прояснения туманных отрывков, а также указывают на его божественную природу. При этом истины веры сопряжены с внутренним психологическим принятием Божественной благодати. Тем самым вера становится сущностью жизни и мышления. В свою очередь, мышление, подтверждаемое и стимулируемое верой, возвышается в своём эвристическом статусе; всё более рационализируются способы мышления, направленные на понимание текстов не только, собственно, религиозных, но, постепенно эти способы распространяются на анализ всех проявлений интеллектуального творчества.

Значение трудов Августина для философии состоит в том, что «философствование в вере» стимулирует рождение целого направления – христианской философии, а вместе с этим новый импульс получает христианская герменевтика, нацеленная на правильное понимание основ вероучения и истолкование христианских смыслов, выходящих за границы отдельных фрагментов Священного Писания.

Правильное истолкование зависит от применения правильных герменевтических методов и должного духовного расположения самого

³³ Августин. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999. С. 466.

интерпретатора, что отвечает требованию психологизма (не просто наличие внутренней веры со стороны интерпретатора, но и приобщение его к Божественной благодати). Тем самым, рациональность методологии интерпретации в её направленности к пониманию истин разума не противоречит критериям веры, на которых настаивают Отцы Церкви. Августин формулирует эту направленность как некий герменевтический круг участия разума и веры – верой завершается путь разума (путь познания), но разум не освобождается от авторитета веры.

Помимо конкретных методов и приёмов истолкования, св. Августином были намечены герменевтические принципы или правила и исходные положения герменевтики. Прежде всего, это *принцип контекстуального подхода* и *принцип конгенальности*, т.е. соразмерности творческих потенциалов исследователя и создателя текста, который выражается в тождестве «боговдохновенности автора» и «боговдохновенности читателя».

В эпоху патристики (I-VIII вв.) наблюдается всплеск интереса к человеку, определению его места в системе мироздания. Философы пытаются ответить на вопрос: что определяет судьбу человека, Божественный разум или сам человек?

Философы вновь обращаются к теме блага, но при этом ассоциируют его с пониманием того блаженства, которое даёт истинная вера. И если несовершенные блага, которые даёт внешний мир, оказываются так или иначе уязвимыми для человека, как приходящие ценности, то блаженство понимается как высшее счастье, которое даёт Бог и вера. Эти идеи развивает, в частности, Северин Боэций (480-524).

Для становления методологии интерпретации и выявления её специальных методов, опирающихся на этимологию слов, стоит упомянуть Исидора Севильского (570-636). Он известен работой «Этимология» – это сочинение из 20 книг, посвященных медицине, истории, географии, теологии, механике, военному делу и семи свободным искусствам. Основная

идея Исидора Севильского заключается в призыве через понимание смысла слова прийти к пониманию изначального смысла вещей.

Последующие века характеризуются как распространение «рацио», рассматриваемого в контексте веры.

Вместе с появлением монастырских школ и университетов складывается культура интерпретации, опирающаяся на трёхступенчатое обучение. Первая ступень: чтение, письмо, латынь и умение интерпретировать тексты Библии. Вторая ступень предполагает изучение грамматики, риторики и диалектики, дополненное, затем, изучением арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Наконец, третья ступень связана с углубленным пониманием смысла текстов Священного Писания. На этом этапе овладение навыками толкования было связано с усвоением христианской доктрины, понимаемой в самой широкой её экспозиции, итогом такого освоения текста были так называемые «суммы». Интерпретация суммы знания рассматривалась как овладение искусством толкования вместе с риторикой, понимаемой как успешное ведение диспута по теологическим вопросам. Соотношение веры и разума выявлялось через аргументы и умелые способы манипуляции цитированием отдельных фрагментов Библии. Позитивным моментом здесь следует считать развитие рационального способа философствования. Дискуссии, как наиболее распространённая форма обучения, касались проблемы универсалий, опирались на логику, диалектику и искусство аргументации. При этом тематика дискуссий чаще всего касалась интерпретации тех фрагментов текстов Писания, которые представлялись несовпадающими по смыслу. В более широком контексте, проблема интерпретации рассматривалась как способ понимания всевозможных символов, знаков. Наряду с этим, философы интерпретировали представления о мире, согласно троичности его божественной организации. Так, природа интерпретировалась как сотворенная и творящая, где непознаваемый Бог раскрывает себя в своих созданиях, т.е. в человеке (Псевдо-Дионисий).

Особое внимание уделяется поиску доказательств бытия Бога. Например, Ансельм Кентерберийский (1033 – 1109) использует в своём доказательстве апории, в которых защита истины характеризуется как высшая ответственность и долг человека, причём чувство веры оказывается важнее, чем сама мысль. С этого момента соотношение веры и разума сохраняется в качестве основного лейтмотива исследования. Например, для Ансельма характерны такие высказывания: «Вера взывает к пониманию» и «Верю, чтоб понимать».

На этом фоне доктрина универсалий реализуется в интерпретации таких понятий, как благо, мудрость, бытие, реальность, разум. И все они рассматриваются в контексте соответствия между онтологической реальностью и познавательной активностью разума.

По мере развития европейской философской мысли интерес к вопросам веры и поиску рациональных способов интерпретации продолжает сохраняться. Эту тенденцию мы обнаруживаем, изучая труды выдающихся философов разных эпох. С точки зрения поиска *общей методологии интерпретации*, опирающейся на тексты Библии, для нас интересен подход, который развивает Бенедикт Спиноза (1632 – 1677). Его «Богословско-политический трактат» касается не только вопросов веры, но и посвящен филологическим и культурно-историческим аспектам понимания текстов Ветхого и Нового Завета. Его позиция интересна с точки зрения метафизической и философско-этической составляющей, в частности, относительно моральной стороны веры, её участия в понимании мира и человека в нём. Философ ищет *философские основания* морали и определяет место человека в соотношении вера-знание-мораль. Это триединство показывает актуальность вопросов эпистемологии, поскольку в центре внимания философа оказывается человек познающий и действующий.

Спиноза рассматривает вопросы эпистемологии, опираясь на традиционные для классической философии понятия: он признаёт существование *субстанции* также как и её *сущности*, рассматривая их

соотношение с позиции вечных *истин*, и приходит к выводу, что есть только одна субстанция, имеющая один и тот же атрибут. Ход его рассуждения можно представить в виде последовательности высказываемых положений, которые мы можем характеризовать как способы интерпретации. К ним относятся: (1) Правильное определение включает в себе и выражает только природу определяемого. (2) Никакое правильное определение не указывает на известное число индивидуальностей, потому что определение выражает только природу определяемого³⁴. (3) С необходимостью должна быть определенная причина существования каждого существующего предмета. (4) Причина, в силу которой что-либо существует, должна либо заключаться в природе или определении этого существующего предмета (если он вообще существует в природе), или же должна находиться вне этого предмета, в чём-либо отличном от него.

В конечном итоге, выходя на метафизический уровень понимания сущности и природы вещей, Б.Спиноза приходит к выводу, что может существовать только *одна* субстанция одной и той же природы.

Как можно заметить, ход рассуждений Спинозы – это последующие суждения, которые выводятся из предыдущих. Используя такой ход мысли, он строит свою этику, размышляя о бесконечной субстанции, божественной по своей сути. Согласно его этической концепции, все беды человечества происходят из-за ошибочных поисков того, что людям кажется благом. Таким образом, Б.Спиноза первым подводил рациональные доводы в последовательности рассуждений, касающихся понятия жизни.

Для целей нашего исследования особый интерес представляет философский подход Спинозы к тексту. Он начинает с анализа смысла текстов Торы и Ветхого Завета и при этом использует известные ему способы истолкования, выработанные исторически сложившейся традицией иудейской экзегетики, которая ориентирует интерпретатора на буквальное понимание текста. Философ соотносит этот подход с приёмами и

³⁴ Например, определение треугольника указывает лишь на треугольник как таковой, но не на определенное число треугольников, какие только могут быть.

принципами анализа текста, выработанными в рамках схоластики. Причём эта работа нацелена на выяснение этической стороны содержания Библии. Поэтому в центре внимания не только понимание смысла текста, но и выработка приёмов истолкования, адекватных его философской концепции и не противоречащих традиционному пониманию вероучения. Задача истолкования у Спинозы сопряжена с поиском в тексте смыслов, которые позволили ему выйти за рамки иудейского традиционализма, и придали новый смысл философской концепции мира и человека в нём.

В интерпретации как особой познавательной деятельности Спиноза не ставит перед собой цель различать идеи ложные и истинные. Он считает необходимым вводить уточнения, касающиеся степени адекватности идей, и развивает доктрину о трёх родах или трёх степенях познания, где участвуют 1) *мнение и воображение*; 2) *рациональное познание*; 3) *интуитивное познание*. Тем самым, Спиноза указывает на связь между деятельностью интерпретации и процессом познания, имея в виду, что все выделенные уровни познания не только могут, но и должны участвовать в деле понимания, отличаясь лишь уровнем отчётливости в восхождении от одного уровня познания к другому.

Таким образом, мы можем характеризовать интерпретативную деятельность Б. Спинозы, как направленную на выяснение философских оснований познания как процесса. Он одним из первых соотносит познание с интерпретацией. В дальнейшем поиск таких эпистемологических оснований будет рассматриваться как одна из главных задач герменевтики.

Обосновывая условия правильного истолкования, Спиноза заявляет о том, что для успешного осуществления данной деятельности необходимо знание исторических условий и культурных реалий, о которых идет речь в тексте Библии. Наряду с этим, следует учитывать особенности языка оригинала исследуемого текста. Другими словами, толкователь должен учитывать филологическую составляющую.

Например, в 7 главе «Богословско-политического трактата», рассуждая об истолковании Писания, Спиноза отмечает, что для понимания более трудных частей Библии, надо принимать во внимание *исторический* контекст (хотя понятие контекста философ не употребляет), подразумевая те условия, при которых текст был написан, а также *ум*³⁵, которым они были созданы. «Для истолкования Писания, – пишет Спиноза, – необходимо начертать его правдивую историю и из нее, как из известных данных и принципов, заключать при помощи законных выводов о мысли авторов Писания»³⁶.

В познании Писания следует исходить из самого Писания, а его история должна включать следующие моменты: 1) содержать и отражать природу и свойства языка (как текста Писания в целом, так и языка его авторов); 2) истинный смысл отдельных фрагментов Писания получается исходя только из языка текста и смысла Писания в целом; 3) наконец, понимание должно отражать все обстоятельства, относящиеся к священным книгам.

Таким образом, в истолковании должны быть учтены сведения об авторах, их биографических особенностях и о судьбах каждой книги Писания. Имеется в виду культурно-исторические реалии, нормы и традиции, относящиеся к эпохе создания этих текстов. В интерпретации учитываются также возможные культурно и исторически обусловленные разночтения. Принимается во внимание и тот факт, почему была принята в число священных каждая из книг свода Писания. Наконец, каким образом все книги составляют единство священных текстов³⁷.

Последовательность этих выделенных Спинозой шагов иллюстрирует взаимосвязь человеческого и божественного в истолковании Библии. Частный случай применения этого подхода состоит в том, что понимание *отдельного* фрагмента зависит от понимания *текста в целом*, который, в

³⁵ Священное Писание понимает *Ум* как проявление полноты знания и восприятия боговдохновенных истин веры.

³⁶ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 2. Богословско-политический трактат. М.: Госполитиздат, 1957. С. 106.

³⁷ Там же, С. 106-112.

свою очередь, может быть понят только на основе понимания входящих в него частей. Этот приём интерпретации следует рассматривать как циклическое движение между частями и целым, как своего рода герменевтический круг³⁸. То, что не поддается непосредственному пониманию, может быть интерпретировано с помощью филологической работы. Таким образом, благодаря Спинозе, использование исторического материала (включая культуру), «истории вопроса», рассматривается как необходимое условие понимания и интерпретации смыслов.

Итак, изучение философского наследия Аврелия Августина и Бенедикта Спинозы с точки зрения выявления специфики требований, предъявляемых к интерпретации, позволяет выявить подходы, которые оказываются эффективными с точки зрения предлагаемых ими методов понимания и познания. Рассмотрение условий интерпретации с точки зрения теории познания оказывается интересным для перспектив построения методологии интерпретации как важного аспекта эпистемологии. Идеи, касающиеся выяснения наиболее адекватных методов, применяемых к анализируемым текстам (Библии), высказанные философами таких разных направлений, как Августин и Спиноза, тем не менее, сближают этих философов в их направленности на развитие методологии познания, которая формирует свой аппарат.

В определении специфики методологии гуманитарного познания важна роль герменевтического подхода, который оказывается уместным в самых разных областях и сферах научного исследования. Гуманитарные науки различаются предметно, и в каждой из них – проблемная нацеленность на понимание изучаемого проблемы, объекта, текста. Всюду в познании, где требуется истолкование, научная проблема формулируется, исходя из

³⁸ Об этом приёме интерпретации пишут практически все философы, занимающиеся проблемами герменевтики; он сохраняет свой методологический статус как внутри филологического направления герменевтики, так и является эффективным для философской герменевтики в целом. Во всех случаях герменевтический круг используется как важный метод понимания текстов самого разного содержания.

условий понимания этой проблемы, что обуславливает интерес к самой проблематике интерпретации.

1.5. Интерпретация в европейской мысли эпохи Реформации и немецкого Романтизма

Выясняя исторические условия становления методологии философской интерпретации в связи с гуманитарным знанием и пониманием условий его формирования, важно уделить внимание анализу отдельных исторических эпох, где с наибольшей очевидностью встают вопросы интерпретации текстов и понимания различных смыслов культурных реалий. Особое внимание будет уделено анализу протестантизма в связи с формированием методологии интерпретации и выяснению тех последствий, которые оказали влияние на формирование гуманитарного комплекса научных дисциплин.

Эпоха Реформации интересна для нас возрастающим интересом к самоопределению отдельных народов и их культуры. Прежде всего, это связано с отходом от идеи исключительности трёх священных языков Библии (еврейского, греческого и латыни). Библия перестает быть закрытым источником знания и понимания вероучения, правильным толкованием которой владел только священник. Широкий интерес простых людей к вопросам веры наблюдается вместе с распространением книгопечатания (на разных языках), и ростом знания. Всё это нашло отражение в практике интерпретации текстов, доступных теперь любому грамотному человеку.

Призыв Мартина Лютера (1483 – 1546) «*sola scriptura*» (*только Писание*), послужил главным импульсом для свободного толкования Писания. Эта свобода толкования, к которой призывал Лютер, была направлена против канонов католической Церкви, касающихся строгих норм истолкования. Акцент Лютера был направлен на духовную сторону понимания вероучения, что способствовало освобождению от вмешательства и регламентации жизни прихожан со стороны священнослужителей и, в особенности, от папского престола. Впервые в открытой форме стал обсуждаться вопрос авторитета традиционных интерпретаций Библии.

С распространением протестантизма в Европе каждый читатель мог самостоятельно выбирать способы обоснования тех истин, которые он обнаруживал в тексте Писания. Более того, каждый должен был соизмерять эти истины с проблемами (поведением, образом жизни), которые он примеряет к обстоятельствам собственной жизни. Смысл интерпретируемого корректировался не только самим текстом в целом, но отдельный фрагмент Библии использовался в качестве основы для актуального в данный момент аспекта интерпретации.

Особое значение для методологии интерпретации имеют те принципы, которые выдвинул Мартин Лютер. Их объединяет субъективная направленность оснований интерпретации текстов Библии и самого вероучения. Так, *духовный смысл* раскрывается при условии правильного понимания *буквального смысла*. Этот подход восходит к идее, высказанной ещё Оригеном, и развиваемой затем средневековой экзегетикой. Однако, новым является то, что источником истолкования Писания является только оно само. К слову замечу, что здесь обнаруживается определенная преемственность идей, имеющих отношение к позиции Б. Спинозы. Принцип свободы толкования текста и смысла вероучения, его целостное понимание не зависит исключительно от институционального и господствующего, авторитетного толкования, но смысл этих толкований состоит в укреплении веры, что полезно для души. Истолкование опирается как на исторический пример, так и на нравственное объяснение³⁹.

Позитивным моментом протестантской мысли был призыв к *свободной интерпретации*. Это обстоятельство мы можем рассматривать как важный стимул для развития гуманитарного знания, в особенности такого, где свободная интерпретация, допускающая множественность истолкований, оказывалась наиболее привлекательной и оценивалась как *творческая интерпретация*. Такая творческая направленность интеллектуальной

³⁹ См.: *Маковецкий Е.А.* Начала толкований: аналогия, уподобление Богу и иерархия в типологических толкованиях Священного Писания. СПб.: Философский ф-т СПбГУ, Академия исследований культуры, 2010. С.16.

деятельности нашла яркое отражение в художественном творчестве, в частности, в живописи, поэзии, литературной критике. Тем самым толкование становится новой проблемой, со своим собственным ракурсом и приложением к тем или иным аспектам творческой деятельности.

Вместе с развитием теологической направленности внутри герменевтики, возвращается интерес к общегуманитарной проблематике светского и общекультурного характера. В этой связи нельзя не отметить представителя «светской» традиции интерпретации – итальянского мыслителя Джамбаттисто Вико (1668–1744), автора «Оснований новой науки об общей природе наций», который использовал интерпретацию как практику понимания истории и социальной сферы.

Размышляя об основах научного исследования, Вико ищет единство между сферами научного знания и знания исторического. Согласно его позиции, математика, физика, механика, астрономия, а позднее и химия, ботаника, зоология выдвигали в качестве своего основного критерия поиск объективной истины посредством логического доказательства и измерения. При такой постановке проблемы не оставалось места для интерпретации материала квалитативного происхождения, в особенности такого, где в обосновании доминируют качественные характеристики – такова, например, история.

Отмечу, что в эпоху Р.Декарта, Г.В.Лейбница, Н.Мальбранша история не числилась в разряде строгих наук. В лучшем случае, она трактовалась как школа морали. Проблема научности здесь просто не возникала. Вопреки этому, Вико настаивал на том, что история не наука в строгом смысле слова (на данном её этапе развития), но может и должна ею стать. Цель истории как науки состоит в предметной организации и научном объяснении сфер реальности, которые как раз и должны подлежать систематизации.

Наряду с этим, философ указывал на необходимость использовать предшествующий опыт толкования, но выступал резко против толкования исторических документов в таких терминах, как «народ», «царство»,

«свобода», предлагая не употреблять их в современном значении, даже в случае, если речь шла о противопоставлении «народ» – «патриции», «царство» – «тирания» и т.д.

Другими словами, Вико одним из первых указал на необходимость употребления терминологии (и понимания смысла терминов) в соответствии с конкретными историческими документами.

Толкователь документов и истории в целом, должен опираться на категории, понятия и термина языка изучаемой им эпохи (т.е. употреблять слова в их первоначальном историческом значении). Такая установка объясняется тем, что научное мышление исторически и культурно обусловлено. Культура и история – не стоят на месте, и хотя развитие общества происходит медленно, тем не менее, особенности этого процесса находят отражение в языке. Язык эволюционирует от мифопоэтического – к научному; появляются системы абстрактных понятий, вплоть до создания словарей, содержащих философские, теоретические и технические понятия.

Особое внимание следует уделить влиянию коммуникативного фактора на понимание. Расширение коммуникативной проблематики за счёт освоения человеком новых культурных и исторических реалий, выявление универсальных культурных смыслов, наряду с естественным для человека стремлением к взаимопониманию и т.д., всё это предполагает расширение горизонта понимания, рассмотрение понимания как феномена. На этом фоне особое значение приобретает та оценка историчности понимания и отношения к истории и историкам, которую высказывает Вико. Он критикует историков за отсутствие объективных оценок исторических фактов и событий, указывая на наличие предвзятых мнений, и делает вывод, что исторические реконструкции могут быть неадекватны объективным процессам, поскольку часто «их теоретические предпосылки недостаточны»⁴⁰.

⁴⁰ Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 436.

Историк не работает в области идеализированных и предполагаемо независимых от субъекта объектов, но исследует такой мир смыслов, который, по сути, является его собственным миром. Поэтому нет четкого разделения между ученым-историком и объектом исторического исследования: понимание объекта и самопонимание не могут быть разделены.

Самопонимание здесь никогда не достигает высшей точки, аналогично тому, как это происходит в суждениях, которые подчинены законам мышления, правилам, но *понимание себя* ориентируется, прежде всего, на здравый смысл и такт. Кроме того, оно обращено к людям, живущим в определенной культурно-исторической среде, где осуществляются и деятельность, и понимание. Этот аспект проблематики понимания (назовём его предфеноменологическим), наряду с теми целями, которые ставит перед собой историк, предполагает построение модели истины и объективности в оценке истории, которая отличается от той, которая принимается в естественных науках. Такова, в общих чертах, позиция Вико. Эта методологическая установка позднее найдет отражение при различении естественных и гуманитарных наук, их предметных сфер и частных методов.

Следует подчеркнуть значение философии Вико для развития теоретической и философско-методологической базы герменевтики, хотя, это значение кажется не очевидным на первый взгляд. О самой герменевтике как самостоятельной дисциплине он нигде не высказывается (использует только слово «герметизм»⁴¹), но вопросы, которые поднимает этот учёный, касаются особенностей понимания статуса истории, придания ей дисциплинарного характера с собственной методологией и собственными границами.

Следует подчеркнуть, что *исторический* аспект понимания рассматривается как один из важнейших в деле истолкования (это имеет

⁴¹ Мы отличаем «герметизм» как мистическое учение, восходящее к образу Гермеса Трисмегиста (т.е. трижды рожденного), от Гермеса – вестника слов богов и толкователя этих слов – бога Олимпа. Фигура Гермеса и его многофункциональность в культуре Европы – тема специального исследования, но особенно интересна эта тема для выяснения художественного смысла и эпистемологического значения (см.: «Герма» - Гермес – «герменевтика» в кн.: Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., ИФ РАН, 2002. С. 64-73).

отношение, как к Автору, так и к тексту). Историческое истолкование оказывается актуальным как в отношении анализа текстов, так и событий истории. Тем самым методологический аппарат исторических наук обогащается за счет привлечения методов самой герменевтики. Обе дисциплины – история и философская герменевтика используют методологию интерпретации, направленную на *правильное* понимание. Напомним, что *правильное* понимание – это термин, восходящий к Платону. Между тем, цель такого понимания сохраняется на протяжении всей истории формирования и развития герменевтики.

Особо отмечу работы Иоганна Мартина Хладениуса (1710 — 1759). Во «Введении в правильное истолкование разумных речей и писаний», И.М.Хладениус отделяет герменевтику от логики и разрабатывает типологию неясностей, возникающих в процессе понимания.

Эта задача возникает в силу того, что различия в восприятии феноменов и проблем могут вызывать трудности в понимании текстов и утверждений других людей. Однако проблема заключается не в истинности методологии, а в дидактической, когнитивно ориентированной процедуре интерпретации. Для того чтобы понять то, что первоначально может выглядеть странным и неясным, необходимо очертить область таких неясностей. С этой работы и следует начинать интерпретатору.

Для обнаружения «неясностей» и прояснения их смысла, необходимо учитывать подразумеваемые и до-рефлексивные предположения и допущения, характеризующие условия и контекст, в котором был выведен проблематичный текст или отдельные утверждения. (Такая установка неявно предполагает участие *предпонимания*⁴²).

И.М. Хладениус отмечает, что только таким путем можно достичь истинного или объективного понимания сущности предмета. Очерчивая

⁴² См. Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., ИФ РАН. 2004. 173 с.

возможный круг таких неясностей, он систематизирует их, выделяя *четыре* типа:

1) возникающие из-за *текстуально искаженных* или *недостовверных отрывков*. Их исправление – задача критики.

2) из-за *недостаточного понимания языка*, на котором написана книга. В этом случае требуется помощь филолога.

3) из-за структуральной *двусмысленности* отрывков или слов, которые двусмысленны сами *по себе* и не могут быть устранены никакими техническими приемами.

4) И последний тип неясности, который является предметом изучения герменевтики, возникает из-за недостаточного предварительного знания. В основном это происходит из-за исторической отдаленности текстов в пространстве и времени и относится к незнанию или непониманию исторического контекста или фактов.

Таким образом, задача истолкования состоит в определении и выяснении *правильного* смысла понятий, которые требуются для ясного понимания всего текста или его фрагмента. Герменевтика в этом пункте идет рука об руку с эпистемологией. Более того, их объединяет общее проблемное поле – поиск истины и поиск основ понимания, что, в конечном итоге, позволяет охарактеризовать идеи И.М. Хладениуса, как предвосхищающие основную ориентацию философской герменевтики XX века.

В то время как И.М. Хладениус занимался исследованием понимания речи и письма, другой философ – Георг Фридрих Мейер (1718-1777) исследовал знак как таковой, рассматривая любой тип знака, включая невербальные и естественные. В труде «Опыт всеобщего искусства истолкования» он утверждал, что знаки не обозначают и не обращаются к определенному несемантическому значению или намерению, но получают свое значение через их местоположение в пределах бóльшего лингвистического целого.

Поэтому, согласно Мейеру, истолкование является процедурой нахождения связи между *обозначенными* предметами и их знаками. Тем самым значение знака определяет его отношение к другим знакам.

Вклад Г.Ф. Мейера в проблему интерпретации состоит в том, что он выделяет определенную последовательность в получении значений любых знаков – вербальных и невербальных. Во-первых, он обозначает взаимозависимость герменевтики и языка. Во-вторых, вводит семантическое единство, в котором лингвистические неясности отбрасываются, но учитываются в отношении экстралингвистических элементов. Например, таких, как намерение автора. В этом случае герменевтически верными являются «смыслы, которые лучше соответствуют совершенству знаков авторов, пока не доказано противоположное»⁴³.

Наиболее известным современному сообществу философом, занимающимся герменевтическими аспектами, является Фридрих Шлейермахер (1768 – 1834). Ф. Шлейермахер первым указал на возможности герменевтики с точки зрения универсальности её отдельных положений и методов. Он стремился свести герменевтику к общим положениям, предлагая создать общую науку, базирующуюся на универсальном принципе понимания (вместо множества специальных герменевтик). Основанием такой общей герменевтики он считал принцип понимания, восходящий и близкий по смыслу к понятию «*cogito*» у Р. Декарта, и считал, что обнаружением собственного существования как раз является понимание.

Вслед за тем, как И.М. Хладениус впервые ввёл понятие «субъекта», Ф.Шлейермахер выдвинул концепцию «субъективного понимания» и определил её как *трансцендентальную* герменевтику, которая в качестве основного своего предмета исследует разнообразное содержание понимания, выстраивая «теорию понимания» и выясняет условия наступления понимания. Понимание теперь рассматривается как объект философского

⁴³ Цит. по Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. URL http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf

исследования и герменевтика, в центре внимания которой проблема понимания, квалифицируется как философская герменевтика.

Согласно Ф. Шлейермахеру, герменевтика не зависит от предмета науки и даже от типа основного контекстуального материала, на который опирается истолкователь (например, как в случае с Библией или иными древними текстами). Он стремится расширить условия герменевтического анализа за счёт включения грамматического толкования, осуществляемого вместе с использованием психологического контекста интерпретации.

Предметом герменевтики, понимаемой уже как *искусство* истолкования, для Ф. Шлейермахера являются, прежде всего, тексты-памятники, т.е. отделённые от исследователя большой временной, исторической, культурной и языковой дистанцией. Он ставит перед герменевтиком задачу понимания других культур. Однако их понимание не является чем-то само собой разумеющимся, поскольку эта работа предполагает открытость к осознанию того, что то, что кажется рациональным, истинным или последовательным (ясным), может оказаться глубоко неизвестным исследователю. Такая *открытость* возможна только в той мере, в какой интерпретатор систематически изучает собственные герменевтические *предрассудки*. И здесь следует пояснить, что термин *предрассудки* у Ф. Шлейермахера не имеет негативного оттенка, но указывает на наличие у человека некоторого знания, которое используется в качестве опоры для понимания. Оно предполагает не просто наличие *предзнания, предмнения*, но само это *предзнание* нуждается в постоянном обогащении и наполнении содержанием. Поэтому целью интерпретации, по Ф.Шлейермахеру, является устранение «барьера» непонимания, в том числе, в процессе коммуникации. Процесс перехода от непонимания к *предзнанию* и от *предзнания* к пониманию осуществляется в результате интерпретации.

Ф. Шлейермахер продолжает традицию различения субъективно-интуитивного и исторического аспектов познания и понимания. Он пишет: «Воссоздать субъективно исторически – значит познать, каким образом речь

дана как душевное состояние, субъективно интуитивно – значит предвидеть, как мысли, заключенные в неё, действуют в говорящем, и воздействуют на него в дальнейшем, без учёта того и другого непонимание неизбежно»⁴⁴.

Процедура истолкования начинается с продумывания и выбора правильных методов, позволяющих понять смысл данного текста. Искусство понимания как раз и состоит в умении выбрать нужный метод, который эффективен как к тексту, так к чужой речи.

Ф. Шлейермахер выделяет два типа постижения смысла текста – *грамматическую интерпретацию*, предметом которой является объективная сторона речи, анализ текста как части определенной лексической системы и *психологическую интерпретацию*. Такая деятельность предполагает выявление субъективной стороны того или иного памятника письменности и культуры, который рассматривается как продукт творчества конкретного индивида. Этот подход приводит к расширению поля герменевтического анализа за счет выявления индивидуального стиля автора текста, включения субъективно интуитивного в процедуру понимания.

Выделенные Шлейермахером *виды* интерпретации равнозначны и взаимодополняемы. Но это не мешает преобладанию одного вида интерпретации над другим в том или ином конкретном случае.

В.Г. Кузнецов систематизирует принципы и методы, на которые опирается Ф. Шлейермахер. Это: принцип единства грамматической и психологической интерпретаций; принцип диалогичности гуманитарного мышления; принцип зависимости понимания от знания внутренней и внешней жизни автора произведения; метод перевода интерпретатором бессознательного пласта из жизни автора в план знания; принцип диалектического взаимодействия части и целого при понимании текстов (герменевтический круг); принцип сотворчества (конгениальности) автора и

⁴⁴ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом», 2004, С. 64.

интерпретатора; метод построения интерпретирующих гипотез, основывающихся на предварительном понимании⁴⁵.

В целом следует констатировать, что Ф. Шлейермахер использовал и развил уже имеющуюся методологию интерпретации, что в итоге привело к формированию цельной концепции философской герменевтики.

Итак, подводя итоги этой главы диссертационного исследования, отмечу, что в рассмотренные исторические периоды, проблема интерпретации прошла путь от формулирования отдельных приёмов (техник), способов истолкования, направленных на расширение понимания за счёт нового знания к систематизации этих методов, применяемых к различным текстам и к знанию в целом. Независимо от конкретных сфер научной деятельности, где применяется интерпретация, круг проблем, сформулированных герменевтикой, получил собственное направление развития. С этого условного момента проблематика интерпретации традиционно рассматривается в русле философской герменевтики.

Обращение к истокам зарождения философской герменевтики позволяет выявить концептуальные основания теории интерпретации. Потребность адекватного понимания (слова, текста, события, социального или исторического факта) стимулировала появление специальных дисциплин со своим собственным объектом исследования и своей методологией научного поиска. Важным результатом использования исторического подхода к анализу становления философской герменевтики является обоснование роли герменевтики как систематического знания в области истолковательной деятельности в гуманитарной сфере научного познания. Это означает первенство собственно герменевтических методов и их влияние на развитие гуманитарного познания. Здесь использование методологии

⁴⁵ Кузнецов В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. Логос № 10. 1999 . Тема: Феноменология. М."Дом интеллектуальной книги" 1999. С. 54.

философской интерпретации нацелено на обнаружение скрытых смыслов исследуемых предметов (имён, текстов, событий) и их контекстов.

Кроме того, анализ исторических эпох при исследовании интерпретации показал, что сам термин интерпретации полисемичен. В зависимости от периода или познавательных задач он используется в различных значениях: 1) в целом как вид познавательной деятельности; 2) как специальный метод; 3) как методология (совокупность, система методов). Развитие интерпретации шло, поднимаясь к этим пониманиям.

Методология интерпретации сохраняет своё место в системе философского знания и строится, исходя из обобщения опыта истолкования философских текстов, отдельных идей и концепций. Вместе с тем, интерпретация сохраняет свою актуальность относительно истолкования, ориентированную на понимание текстов религиозного содержания. Традиция экзегезиса формирует основу адекватного способа интерпретации текстов, на основании типологии смысла, позволяющей выделить и различить мистический, иносказательный или буквальный смысл текста. Распространение христианства, превращение его в официальную религию с собственной догматикой, с обрядами и, наконец, текстами и комментариями, которые рассматривались уже как канонические - всё это было нацелено на задачу их *правильного* понимания и истолкования и послужило стимулом для дальнейшего развития методологии интерпретации.

Традиция философствования и появление дисциплин гуманитарного цикла, в особенности таких, где явно прослеживается практика истолкования со своей методологией, послужило дополнительным стимулом для формирования герменевтики как относительно самостоятельной системы знания. Длительный период её становления и развития во многом обусловил необходимость определения границ, статуса и места герменевтики в системе философского знания и значения для гуманитарного познания в целом.

Глава вторая. Интерпретация: от метода познания к теории

Наряду с развитием конкретных дисциплин гуманитарного цикла и с развитием их методологической базы, философы продолжают рассматривать понимание как феномен и как элемент интеллектуальной деятельности человека. Когнитивные аспекты понимания нуждаются в специальном исследовании, поэтому современные философы стремятся постичь различные условия понимания (взаимопонимания), выделяя наиболее общие подходы и уточняя специальные методы истолкования в каждом отдельном случае.

Изучение условий понимания, осуществляемое философией в целом и герменевтикой, в частности, а также поиск методов интерпретации на фоне роста научного знания, обнаружили различие предметов и исследовательских подходов, применяющихся к естественным и гуманитарным наукам. Это дало новый импульс для развития интерпретации как метода этих наук. С этого момента процедура истолкования рассматривается уже не только собственно герменевтикой, но предстает как относительно самостоятельная эпистемологическая проблема в рамках конкретных наук.

Проблема истолкования оказывается в центре внимания естественных и гуманитарных наук. При этом исследователи начинают с того, что выстраивают демаркационные линии относительно методов интерпретации, адекватных объектам этих наук.

Цель данной главы состоит в выявлении философского статуса интерпретации, рассматриваемой в контексте соотношения философии и науки, и конкретизируется на примере становления гуманитарного познания, особенностей его методологии. Предполагается выявить основания гуманитарного знания, исходя из опыта интерпретации как методологии понимания. Такой аспект исследования является основанием выхода за рамки прежнего традиционного подхода, опирающегося на дисциплинарное различие научного знания на *науки о духе* и *науки о природе*.

Дальнейшее развитие и расширение сфер применения методов интерпретации, сформулированных философской герменевтикой, определение эпистемологического значения интерпретации, как в гуманитарных науках, так и в социальной сфере, обобщение методологического опыта интерпретации в этих конкретных сферах позволяет составить общую концептуальную картину развития методологии интерпретации. Процесс разработки и формирования методов интерпретации привёл к созданию теории интерпретации, как отдельной области исследований. Именно этим аспектам будет посвящена данная глава.

Современная эпистемология исходит из того, что существует взаимосвязь между пониманием и интерпретацией, что понимание есть проявление человеческой активности и, одновременно, это процесс познания и его результат. Учитывая эволюционно-эпистемологический характер понимания, мы будем рассматривать феномен понимания не с точки зрения его когнитивной составляющей, но в связи с интерпретацией как методом научного познания.

Конкретная задача данного раздела диссертации состоит в выявлении общих и особенных черт интерпретации, направленной на социально-гуманитарное познание.

2.1. Статус интерпретации в условиях разграничения гуманитарного и естественнонаучного знания

С возникновением различных дисциплин и с разграничением гуманитарного и естественнонаучного знания меняется статус интерпретации. Традиционно, вопросы понимания и интерпретации в различных областях знания связаны с использованием герменевтического подхода. С одной стороны, герменевтика возвышается до уровня философской дисциплиной, выдвигая собственные философские проблемы,

составляющие герменевтическое поле анализа, и отвечая на философские вопросы, касающиеся бытия и познания. С другой стороны, герменевтика продолжает сохранять статус вспомогательной дисциплины, методы которой применяются в таких областях гуманитарного познания, как история, юриспруденция, психология, социология, лингвистика и т.д. Для этих дисциплин методологические наработки прошлого опыта герменевтического отношения к тексту (событию, факту) оказываются вполне эффективными и сохраняют свою актуальность. Но при этом сами указанные дисциплины получают самостоятельное развитие, выходя за рамки решения тех конкретных проблем, которые ставила перед собой герменевтика. Одновременно с этим наблюдается сохранение интереса к выявлению способов интерпретации, наблюдаемых процессов и явлений, которые находятся в центре внимания конкретных научных дисциплин. Кроме того, встаёт проблема определения специфики форм познания, прежде всего, касающихся научного познания.

Философы всё чаще используют понятие рациональности применительно к изучаемым объектам и способам их познания. Так, основанием для развития методов интерпретации, адекватных тем или иным объектам науки, является концепция типов рациональности, выдвигаемая, в частности, В.С. Стёпиным. Он различает общие, или инвариантные, и особенные черты в содержании познавательных идеалов и норм исследования, представленных описанием, объяснением, обоснованием, доказательностью и организацией знаний. В этом случае *общие* черты определяют специфику научной рациональности, а *инвариантные* характеризуют её исторические типы и их различия, оформленные в конкретных дисциплинах⁴⁶.

Обособление гуманитарных наук от естественных стимулирует потребность поиска их философских оснований. На этом уровне соединения философии и научной теории в деле обоснования теоретического научного

⁴⁶ см. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. С. 245.

знания особое место занимает проблематика интерпретации. Интерпретация становится объектом философского анализа, и эта проблема рассматривается в связи с поиском оснований гуманитарного знания, что опосредует расширение методологической базы гуманитарных наук за счёт результатов, полученных философией, в том числе, философской герменевтикой.

Гуманитарное познание невозможно рассматривать без соотнесения его с областью социального. Например, согласно позитивистскому подходу, социальные и гуманитарные науки должны приблизиться к естествознанию в поиске истины. Остаётся открытым вопрос, касающийся использования методологии в вопросах интерпретации в гуманитарной сфере (в отличие от естественнонаучной). С другой стороны, учёные задаются вопросом: возможно ли использование методологии естествознания, направленной на поиск истины в гуманитарной сфере? Является ли поиск истины целью гуманитарного познания?

Позитивисты вышли на эти вопросы, соотнося их с поиском некоего единого закона развития науки. Так, Огюст Конт (1798 – 1857) формулирует закон развития наук, согласно которому «каждая отрасль наших знаний последовательно проходит три различных теоретических состояния: состояние теологическое или фиктивное; состояние метафизическое или отвлеченное; состояние научное или позитивное»⁴⁷.

Тем самым он предвосхищает идею эволюционного развития научного познания и становления отдельных наук, которые проходят определенные этапы (стадии, «состояния») развития. Такой взгляд на развитие науки оказывается применимым как к естествознанию, так и к гуманитарным наукам. Однако продолжал оставаться открытым вопрос статуса гуманитарных наук (или *наук о духе*). Это касалось, прежде всего, того факта, что научное познание ассоциировалось непосредственно с теоретическим уровнем исследования, а теория рассматривалась как опирающаяся исключительно на конкретную эмпирическую базу. И такая теория

⁴⁷ Конт О. Курс позитивной философии /Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 553

предполагала широкое использование математического аппарата. Поэтому идеалы и нормы научного исследования ассоциировались с естественнонаучным познанием, а развитие знания – с математизацией как идеалом рациональности. Математика рассматривалась как образец научного познания и обеспечивала методологическое единство форм рациональности⁴⁸. Более того, появилась такая крайняя точка зрения, согласно которой полезными для науки (позитивными) казались исключительно те результаты, которые получены на основе эмпирических данных. Так, американский исследователь Э. Гимбел, в качестве характерных особенностей позитивизма как особого философского и научного направления выделяет отказ его представителей от онтологии в пользу эмпирически-ориентированной эпистемологии и использование дедуктивно-номологической модели научного объяснения⁴⁹.

Такая позиция в полном мере отвечает духу эмпиризма, где в сфере познания оказывается только наблюдаемый круг явлений. Объяснение здесь принимает форму истинных общих законов в сочетании с учётом заявленных начальных условий познания. Позитивный момент такого подхода состоит в том, что исследователь ориентирован на конкретный объект. Причём его исследовательская задача эмпирически ориентирована, и деятельность ученого в качестве своей конечной цели связана с поиском и формулированием общих теоретических законов и положений. Здесь интерпретация возможна только в границах конкретной научной задачи.

На этом фоне актуальность приобретают не только отдельные вопросы интерпретации, но и рассмотрение интерпретации в сфере так называемых *позитивных* наук. Из установки на наблюдаемость и эмпирическую проверяемость изучаемых фактов следует уверенность в истинности или

⁴⁸ Долгое время мысль, высказанная Ф. Энгельсом: «Наука только тогда наука, когда она математика», рассматривалась современными философами и методологами как основной критерий научности.

⁴⁹ *Gimbel E.W.* The Status of Interpretation in the Philosophy and Practice of the Social Sciences. Presented at The University of Minnesota Political Theory Colloquium, November 17, 2006. P. 5.

достоверности полученных знаний. Это знание характеризуется как объективное и ценностно-нейтральное. Однако при позитивности его оценок, здесь не учитываются субъективные и ценностные характеристики полученного результата исследования, да и самого процесса познания, что, в конечном итоге, не отвечает задаче интерпретации, которая предполагает участие субъекта, а значит, его оценочные характеристики. Позитивистская методология ограничивает участие интерпретативной деятельности ученого, исключая любые субъективные оценки из позитивного знания. Оно опирается, как известно, на опытное знание, и основным, предпочтительным методом познания предстает эксперимент, результаты которого самоочевидны в такой мере, в какой они опираются на эмпирическую базу той или иной науки. Результаты здесь не зависят от убеждений, предпочтений, ценностных или этических и иных установок экспериментатора. В случае, когда наблюдения являются неопределенными и требуют дополнительной и сознательной интерпретации со стороны исследователя, они считаются сомнительными.

Напротив, наличие субъективного фактора познания предполагает использование интерпретации. Интерпретация сопровождает анализ полученных сведений, оценку и сопоставление результатов исследования и т.д., это значит, что интерпретация не только сопровождает исследовательскую деятельность, но и отвечает эволюционному взгляду на сам процесс развития науки, на становление её теоретической базы.

В рамках позитивизма своеобразно решалась проблема теоретического статуса гуманитарных наук. Так, О. Конт, использует идею стадийного развития научного познания и рассматривает её в качестве основания для объяснения процессов, наблюдаемых в социальной сфере. Эти наблюдения он относит к специальной области знания, к социологии. И хотя Конт не отвергает значение философского знания, но противопоставляет *негативной* философии *позитивную* социологию, понимая последнюю как «социальную физику». Это значит, что позитивная социология, как и любая другая

позитивная наука, должна быть доказательной и ценностно-нейтральной, т.е. результаты и методы исследования должны быть свободны от любых личных предпочтений самого учёного. Тем самым задачи естественных *позитивных* наук соотносятся с гуманитарным познанием, от которого ожидается доказательность и нейтральность в ожидаемых оценках явлений социальной жизни общества. В иерархии научного знания социология занимает высшее место. Она считается самой сложной дисциплиной и поэтому, согласно О.Конту, должна опираться на *позитивные* науки с уже развитой теоретической базой (такowymi являются: математика, физика, химия, биология). Именно эти науки дают образцы рациональности.

Исходя из этой установки, О. Конт формулирует основные положения социологии как позитивной науки («социальной физики»). Эти же установки мы характеризуем как приемы интерпретации знания и методов познания, предлагаемые позитивистом О. Контом к социо-гуманитарной сфере. Он полагал, что: 1) Социальные явления (события) качественно похожи на природные явления, следовательно, являются одностипными по своей сущности и форме; 2) Методы социального познания (наблюдение, эксперимент, моделирование, анализ и синтез, аналогия и гипотеза и т. п.) одностипны с методами естественнонаучного познания. Следовательно, их можно перенести на анализ социальных явлений: на социальное поведение, социальные связи и отношения, на организации и институты; 3) Задача социологии состоит в выработке системы теоретических положений, которые эмпирически обоснованы.

В целом, такой подход предполагал возможность не только описания и объяснения явлений социального характера, но и допустимость использования методологических результатов, полученных социологией, для предсказаний и построения социальных прогнозов.

Примерно в то же самое время, когда позитивисты пытались подвести весь массив человеческого знания под концептуальные и методологические образцы естественных наук, немецкий философ Вильгельм Дильтей (1833 –

1911) поставил перед собой задачу установления и обоснования независимого статуса наук о человеке как *наук о духе*. Его позиция сводилась к тому, что философия не должна представлять собой лишь абстрактную, умозрительную и оторванную от человека метафизику. Не должна она заниматься и только лишь обобщением данных, полученных естественными науками, теряя в них свою традиционную мировоззренческую проблематику. Именно поэтому объектом философии, по В. Дильтею, должна быть жизнь во всём многообразии её проявлений. При этом важно, что жизнь философ наделяет такими характеристиками, как всеобъемлющая, творящая из себя все новые формы духа и нуждающаяся в понимании, как себя, так и своих творческих порождений, результатов деятельности.

По Дильтею, понимание явлений духа интерпретатор осуществляет посредством обращения, прежде всего, к самому себе, через углубление в собственную самость, которая рассматривается как противостоящая объективной реальности, понимаемой в контексте всеобщности. Научность связана с объективностью и предполагает участие объяснительного метода, т.е. некой дедуктивной науки. Не случайно, гуманитарные науки понимаются Дильтеем как проявления духа и его истории. В этом контексте человеческое понимание рассматривается достаточно широко, как встроенное в жизненный мир, сопровождающий процесс понимания мира и себя в нём и взаимопонимания людей.

Сознание человеком мира предполагает его освоение, прежде всего, интеллектуальное, происходящее в акте непосредственного жизненного опыта, в акте переживания. Как можно заметить, у Дильтея, в понимании «жизни» присутствует психологическая составляющая. Наряду с этим, понимание жизни, как непосредственное переживание, предполагает наличие в сознании человека, в его памяти элементов прошлого опыта. Именно этот жизненный мир, понимаемый как переживание прошлого, составляет духовный опыт человека и предстаёт (в более широком контексте) как мир культурно-исторического прошлого. Этим объясняется то, что объектом

изучения у В. Дильтея выступает духовный мир человека, рассматриваемый как ряд взаимосвязанных форм проявления сознания – философского знания, религии, искусства. Именно в них наиболее ярко объективируется творческая сущность прошлого опыта, минувших эпох. Тем самым, являясь, по сути дела, «науками о человеке», «науки о духе» нацелены на познание и понимание сути человеческой деятельности, раскрывающейся в её многообразных духовных продуктах. Поэтому познание направлено на рассмотрение любых элементов и любых проявлений человеческих знаний, вплоть до событий истории и философских трудов.

Центральным аспектом в этом случае выступает понимание в форме «понимания себя». Понимание себя способствует наступлению понимания других людей и взаимопонимания, оно способствует осознанию людьми некой существующей между индивидами и разнообразными духовными формами общности (смысловой, ценностной, содержательной), которая, и приводит к пониманию того, что В. Дильтей обозначил как «объективный дух». Такая объективизация субъективного опыта духовных проявлений, начала которых философы связывают с их проявлениями в чувственном мире, в дальнейшем получает новое философское осмысление. В частности, в концепции интерсубъективности, развиваемой современными отечественными философами⁵⁰.

Рассматривая жизненное творчество как искусство понимания любых проявлений жизни, главным образом, зафиксированных в письменных источниках, В. Дильтей закономерным образом приходит к признанию необходимости возвращения к герменевтике, опоры на герменевтику, которую он понимает как искусство интерпретации. Герменевтический подход он предлагает использовать как способ адекватного понимания внутреннего мира человека и его переживаний. Поэтому герменевтика становится основой понимания исторического прошлого. Она требует от

⁵⁰ См. например, работы Дубровского Д.И., Зотова А.Ф., Моркиной Ю.С., Смирновой Н.М., Шульги Е.Н. в книге Интерсубъективность в науке и философии. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. 461 с.

философа воспринимать исторические события как его собственные, переживаемые события, что способствует возникновению *картин истории*. Причем этих картин истории может быть столько, сколько людей, способных переживать исторические события и интерпретировать факты истории как целостные образы.

Дильтей продолжает традицию герменевтического анализа, используя герменевтический опыт понимания и интерпретации применительно к гуманитарной сфере. Эта особенность философии В. Дильтея способствовала процессу развития герменевтической теории, её переходу от частной методологической концепции к общенаучной герменевтической концепции, объясняющей с единых герменевтических позиций процессы организации знания в сфере «духа». Выясняя мировоззренческие корни герменевтики, и, используя понятие «наука» в отношении некоторых направлений гуманитарного знания, Дильтей пишет: «филология удостоивается звания науки благодаря лишь своему философскому духу»⁵¹.

Именно филология, история и философия, согласно Дильтею, объединяются в единую сферу, организуя духовный опыт исследования прошлых жизненных проявлений, переживаний человеческого духа, составляя основу выдвигаемых им *наук о духе*.

В дальнейшем его работа по обобщению герменевтического опыта оказала влияние на формирование философской герменевтики. Это нашло отражение в развиваемом им подходе к гуманитарному познанию, методом которого как раз и является интерпретация. Здесь важно подчеркнуть, что духовный опыт человека, его творения духа как «проявления жизни» есть выражения его творческой активности, и сама эта активность рассматривается как переживания. В результате опыта переживания наступает понимание – понимание *себя* и понимание *Другого*.

⁵¹ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Пер. с нем. Под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 86-87.

Человек не только познает, но и производит духовные ценности. Познавание условий освоения собственного духовного мира и объективных способов процесса познания, наряду с принципами освоения предметов интеллектуальной сферы, должны отличаться от способов познания и методов, принятых в естественных науках, которые нацелены на освоение и познание конкретных объектов и процессов природы. В силу этого, методология *наук о человеке* была призвана обнаружить, выявить и описать факты, которые составляют так называемый *жизненный мир* человека (его жизненный опыт, когнитивные особенности, исторические, культурные и иные реалии), делающие возможным историческое понимание того, что стоит за понятием *жизненного мира* человека.

Ученый, занимаясь историей и погружаясь в исторический контекст той или иной эпохи или культуры, должен использовать различные гипотезы. Исследователь неизбежно включает свою интуицию, опирается на свой исследовательский опыт, пытаясь совместить различные гипотезы с целью сравнения эффективности каждой из них. При этом идеи, догадки, часто полученные интуитивным путем, наряду с опорой на сравнительный метод анализа, позволяют оценить эти гипотезы, пересматривать их и т.д., и тем самым обеспечивать объективность всего исследования. Такова, в общих чертах, методология исторического познания, которую выдвигает В.Дильтей. Принцип конгениальности, непредвзятость, сравнение различных гипотез – всё это обеспечивает критический и своеобразный эмпирический уровень исследования наук о духе, что, в конечном итоге, способствует улучшению первоначальной гипотезы и оформлению научных теорий гуманитарных дисциплин.

Следует подчеркнуть, что В. Дильтей был первым, кто применил герменевтику и её методологию для обоснования *наук о духе* и для понимания человеческой жизни в её историческом, психологическом и ценностном смысле, рассмотрения *существования* как философской категории.

Отличительной особенностью гуманитарного познания и предмета гуманитарного исследования, представленного, например, в виде конкретного исторического, социального или психологического события или факта, является, во-первых, то, что такой предмет дан как нечто целое, неотделимое от самого наблюдателя, исследователя. Во-вторых, предмет гуманитарного исследования, на который направлено наше познание (исторический факт, социальное событие, психологический феномен), находится в состоянии динамики, изменении. Это обуславливает необходимость учитывать личные установки самого исследователя, его интуицию и другие когнитивные особенности личности. Поэтому разница между объяснением, как методом (идеалом и целью) естественных наук, и пониманием в гуманитарных дисциплинах становится ясной. Методологический аспект понимания, рассматриваемого как результат, как конечная цель интерпретации, обуславливает изучение проблематики понимания и интерпретации в контексте философского исследования. Философия интерпретации как самостоятельная проблема связана с выходом за рамки изучения только когнитивных проявлений сознания (способностей человека), при этом сама проблематика понимания и интерпретации оказывается в центре внимания целого комплекса гуманитарных дисциплин. Их объединяет направленность на познание различных проявлений внутреннего жизненного опыта человека. Это последнее обстоятельство делает актуальным обращение к той традиции, которую даёт философия В.Дильтея, особенно важное с точки зрения методологии гуманитарного познания. Выделенные им типы наук заложили основу для дальнейшего распределения научного знания и обоснования соответствующего подхода к объектам исследования. Речь в дальнейшем шла о науках о природе, науках о человеке и, наконец, науках об обществе. На этом этапе вопрос использования адекватной методологии сохранял свою актуальность по мере развития научного знания и распределения конкретных сфер и предметов изучения.

Для *наук о духе* свойственно и даже необходимо применение интерпретационных методов, обеспечивающих наступление понимания. Обращая внимание на их значение, В. Дильтей видел в систематизированной и объективной интерпретации отличительный методологический признак *наук о человеке* в целом. Более того, истолкованию придается наиболее общее значение не только для целей понимания как феномена когнитивного свойства, характерного для человека, но и как сопряженного с поиском истин в гуманитарной сфере.

Интерпретация приближает нас к пониманию и наоборот, понимание обеспечивает возможность интерпретации. Не случайно и то, как В. Дильтей оценивает это соотношение. «Понимание и истолкование, — пишет философ, — это метод, используемый науками о духе. Все функции объединяются в понимании. Понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой точке открывает определенный мир»⁵². Такая оценка соотношения понимания и интерпретации выводит нас не только к оценке эффективности герменевтического метода, принимаемого в качестве основного для гуманитарных наук, но и указывает на возможность получения истинного знания посредством интерпретации и при этом подчеркивает возможность обладания истинным знанием в гуманитарной сфере.

Эта идея, которую мы обнаруживаем в трудах В. Дильтея, во многом опережает своё время. Эвристичность философской позиции состоит в том, что он усматривает специфику гуманитарного познания и его методов, намечая тем самым перспективы развития гуманитарных наук в их предметной и проблемной парадигме.

Возвращаясь к характеристике подхода, предложенного позитивистами, в их сравнении с представителями философии жизни, в частности, с В. Дильтеем, нельзя не обратить внимание на факт того, как представители этих разных философских направлений определяют научное

⁵² Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. № 4. 1988. С. 141.

знание, указывая направление его развития и намечая перспективы применяемых методов познания и интерпретации.

Так, рассмотренные подходы используют кардинально противоположные эпистемологические и методологические установки. Подход позитивистов выдвигает идеал научного знания как доказуемого и объективного, в то время как подход представителей философии жизни с их тяготением к психологизму и субъективизму в их концептуальном значении рассматривает понимание в качестве структуры гуманитарного познания. Высший тип понимания предполагает постижение всей исторической объективации, но получить полное объективное знание в этой сфере трудно, практически невозможно, и здесь, по мнению В. Дильтея и представителей философии жизни, необходим поиск новых подходов. Таковым, на наш взгляд, как раз и является герменевтическая интерпретация, рассматриваемая в контексте гуманитарного познания.

Герменевтический метод рассматривается как способ, приближающий нас к естественнонаучному познанию. Дело в том, что он отчасти соответствует объективной методологии естественных наук, в той мере, что всегда обращен к определенному внешнему материалу как источнику исследования а, с другой стороны, он напоминает и даже чем-то сродни художественной интуиции. Этот метод направлен на интерпретацию исторического мира, рассматриваемого в качестве «истории духа», причем последняя предстаёт в виде своеобразного текста, который как раз и подлежит расшифровке, или интерпретации. Понимание, наступающее при встрече с текстом, воспринимается на субъективном уровне как встреча с историей. Поэтому интерпретативная деятельность как субъективная – это встреча и с другими и с самим собой, что, как раз, и характеризует этот вид деятельности как проявление конгениального понимания.

Таким образом, упор на индивидуальные аспекты решения проблемы интерпретации, подчеркивание творческого характера процесса познания, ориентация на поиск конкретных когнитивных характеристик

интеллектуальной деятельности и т.д. – всё это стимулировало как развитие общей методологии исследования гуманитарных дисциплин, так и уточнение её частных проявлений (частных методов) в конкретных гуманитарных науках.

С развитием научного знания и разделением наук на естественнонаучные и гуманитарные появилась необходимость в оценке специфики методологической базы каждого из этих направлений. Так, получила актуальность задача уточнения предметной и методологической базы социологии. Эта дисциплина интересна тем, что она оказалась на пограничье между естествознанием и гуманитарной сферой. В этом смысле она представлялась наиболее спорной в отношении использования конкретных научных методов, в частности, математических, статистических, и др., что делает уместным характеристику и рассмотрение социологии как строгой науки.

Как будет показано в диссертации, это положение социологии нуждается в уточнении относительно адекватных и приемлемых для социологии методов. Для этой цели в диссертации будет рассмотрена социологическая концепция, сформулированная Максом Вебером (1864 – 1920).

Макс Вебер интересен тем, что впервые делает попытку совместить позитивистский взгляд на науку и тот подход, который отстаивали представители философии жизни, подчеркивая значение субъективного характера познавательной деятельности и его ценностной составляющей. Вебер разделяет позицию позитивистов, принимая идею о причинности и ценностной нейтральности социальных дисциплин. Кроме того, он признает социальное поведение полноценным и равноправным предметом науки и настаивает на том, что изучение социального поведения как динамического объекта, тем не менее, в целом не снижает научный статус самой социологии как относительно строгой науки и не ущемляет статус её методологии.

Так, современный американский философ Э. Гимбел отмечает, что М.Вебер соглашается с преобладанием количественных и точных методов при исследовании естественных наук, тогда как науки о человеке больше тяготеют к качественным, психологическим и духовным (*Geistig*) аспектам изучаемых явлений⁵³. Однако такое разделение не является абсолютным, принципиальным и необходимым, поскольку «естественные науки <...> также не могут обойтись без качественного аспекта: с другой стороны, и в нашей специальности бытует мнение, что <...> явление товарно-денежного обращения допускает применение количественных методов и *поэтому* может быть постигнуто с помощью законов»⁵⁴.

Тем самым М. Вебер развивает и расширяет осмысление объяснения и понимания, показывая родство этих видов исследования. Он настаивает на том, что «науки о человеке» могут использовать (и используют) методы, применяемые в естественных науках. Сама по себе эта идея не кажется оригинальной на первый взгляд. Однако М.Вебер – это один из мыслителей, который указывает на возможность совмещения различных методологий, предвосхищая тем самым междисциплинарный подход в гуманитарных науках. В частности, это касается его определения социального закона, в котором объединены интерпретация и причинно-следственные связи⁵⁵. Он отмечает, каким образом науки о человеке могут использовать методологический аппарат естествознания. Его *понимающая* социология объединяет эти методологические установки относительно понимания.

Вслед за В. Дильеем, М. Вебер признает, что в центре внимания социологии должен быть человек, индивид, его ценностные установки, его

⁵³ Gimbel E.W. The Status of Interpretation in the Philosophy and Practice of the Social Sciences. Presented at The University of Minnesota Political Theory Colloquium, November 17, 2006. P. 14

⁵⁴ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания/ Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 371-372.

⁵⁵ Законы в понимающей социологии являют собой «подтвержденную наблюдением типическую вероятность того, что при определенных условиях социальное поведение примет такой характер, который позволит понять его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид». – Вебер М. Основные социологические понятия/ Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.620

поведение и деятельность. Он считает, что социология должна стремиться к пониманию смысла действия, исходя из которого, она может построить формальные модели или сформулировать идеальные типы действий на основе сравнительного метода исследований, широко используемого в естествознании.

В основании построения системного знания социальных процессов, лежит логика и правила аргументации, благодаря которым обеспечивается понимание и предотвращение крайнего субъективизма. При этом М.Вебер подчёркивает значение здравого смысла, поскольку именно здравый смысл содержит в себе «логику», которая способствует пониманию (и взаимопониманию). Особое значение М. Вебер придаёт ценностям, которые предстают как регулятивы, т.е. идеи, которые, направляют и регулируют социальное поведение в определенный исторический период. И они действуют в рамках определенной культурной традиции⁵⁶.

В целом следует подчеркнуть, что введение в социологию ценностной индивидуальной составляющей как первостепенной, изменяет представление о социальном знании и его значении, высказанное, в частности, О.Конттом. Вслед за ним, М. Вебер оставляет за социологией описательные методы в характеристике событий и явлений. Однако он заменяет объяснение на понимание, и отвергает любую возможность предсказаний будущих событий в социальной сфере в силу давящей роли субъективного фактора. В его концепции субъект занимает первостепенное значение при оценке событий и фактов социальной жизни. В целом такой подход исследователи творчества М. Вебера называют *понимающей* социологией.

М. Вебер осуществил попытку преодолеть пропасть между объяснением и пониманием и настаивал на том, что объективное эмпирическое знание в социологии возможно, и оно эффективно.

⁵⁶ В качестве примера регулятивной функции ценностей Вебер рассматривает ценности религии протестантизма.

Таким образом, история герменевтики, рассмотренная в контексте разделения *наук о природе* и *наук о духе*, позволила выявить подлинный научный статус самого герменевтического метода, который в дальнейшем явился важным основанием для развития методологии философской интерпретации. Как было показано в данном разделе диссертации, вклад В.Дильтея состоит в том, что он придал герменевтике новый философский статус, объединяя методологию познания с проблематикой понимания и интерпретации в её общеметодологической части. При этом его идеи оказали влияние на становление целого направления – *философии жизни*. В дальнейшем понятия «жизнь», «существование» получают собственное философское освещение и теоретический статус в междисциплинарных исследованиях⁵⁷.

Для реализации цели диссертации важно было подчеркнуть, как происходило разделение научного знания, и каково участие методологии интерпретации в познании объектов самой разной природы. Важна и та оценка, которую дают философы предшествующему опыту методологического исследования. Так, согласно Г.-Г. Гадамеру, «Дильтей расширил герменевтику до органа наук о духе»⁵⁸. Более того, подход Дильтея явился важной эпистемологической предпосылкой будущего онтологического поворота в герменевтике и стимулировал формирование нового направления в эпистемологии, связанного с выявлением основ теории интерпретации. Этот исторический поворот произошел в XX века и связан, прежде всего, с именами М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, П. Рикёра.

⁵⁷ Например, в синергетике, биофилософии, в теории сложности.

⁵⁸ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики./ М.: Прогресс, 1988. С.317.

2.2. Философская герменевтика и формирование теории интерпретации

Предшествующее развитие герменевтики подготовило произошедший в XX веке онтологический поворот в проблематике понимания и познания, в поиске оснований понимания. Герменевтика уже не ограничивалась сферой понимания только текстов и сконцентрировала внимание на философских вопросах, что, в конечном итоге, послужило основанием характеризовать её как «философскую герменевтику» с собственным предметом и собственной проблематикой. И хотя в своей методологической части герменевтика продолжала сохранять статус вспомогательной дисциплины, направленной на конкретные тексты, в отношении которых создавалась система собственных методов (экзегетика), она всё больше рассматривалась как методологический и дидактический инструментарий для специальных гуманитарных дисциплин, постепенно переходя на уровень философской дисциплины. В круг конкретных вопросов, рассматриваемых философской герменевтикой, в особенности, в контексте интерпретации включаются коммуникативные аспекты взаимодействия людей. В частности, касающихся рассмотрения смысла коммуникативных символических актов как интеракций, нуждающихся в понимании и интерпретации. Тем самым интерпретация как деятельность расширяет своё проблемное поле приложения и применяется уже не только к тексту или какому-то иному источнику со сложным или неясным содержанием, но и к коммуникативной деятельности, к историческим событиям, фактам истории, к артефактам культуры в целом.

Интерпретация, или истолкование, предполагает использование техники (методики), направленной на понимание текстов и используется в качестве метода гуманитарных наук, наконец, она рассматривается уже как

универсальный метод познания как такового. Тем самым интерпретация приобретает философский статус и становится категорией эпистемологической, сохраняя связь с герменевтикой.

На первый взгляд может показаться, что эпистемология «отнимает» предмет понимания у философской герменевтики, аналогично тому, как философия науки передает часть своей проблематики (например, в объяснении развития наук и эволюции её теорий) непосредственно философии в её эпистемологической части. Однако философская герменевтика, пересекаясь в проблематике с эпистемологией, не меняет своего статуса, своего собственного направления исследований. Другое дело, что эволюционируя и расширяя сферу своего применения – выходя за границы изучения текстов с самым разным содержанием, герменевтика ставит вопросы, касающиеся не только познания, но и бытия. Ещё раз подчеркну, что именно на этот онтологический аспект впервые обращает внимание Вильгельм Дильтей. Вслед за ним такой выдающийся философ как М. Хайдеггер, рассматривает герменевтику с новых онтологических позиций, используя методы герменевтики в решении вопросов бытия и познания.

Герменевтика Мартина Хайдеггера (1889 – 1976) онтологична в том смысле, что она рассматривается как дисциплина, которая выходит на уровень познания фундаментальных основ бытия человека в мире. Это значит, что не только жизнь как философская категория, но и понимание как элемент проявления жизни, характеризуется как способ бытия в мире. В этом качестве понимание является важной чертой человеческого бытия; оно рассматривается в совокупности с существованием и воспринимается непосредственно как «здесь-бытие» (*Da-sein*).

Герменевтика М. Хайдеггера основана на понятии «жизнь» как элементарной познавательной единицы, в которой структурирована и, одновременно, понята и истолкована однородность предмета и сознания. Иначе говоря, *Da-sein* в хайдеггеровском понимании – это «существование» понимание Бытия, «наличность» (*Da*) в области Бытия (*Sein*). Это единство

может быть выражено и в виде герменевтического принципа: Бытие понимания есть понимание Бытия.

Смысл этого принципа можно объяснить следующим образом: объект понимания как таковой с необходимостью принадлежит Бытию. На это можно взглянуть и под углом герменевтического подхода, как движение в определенной последовательности, например, как восхождение от низшего – к высшему. Или, напротив, как движение мысли от высшего – к низшему, где результат понимания раскрывается в самопроявлении того, что подкрепляется той или иной мыслью или даже теорией. Дело в том, что этот метод приемлем в тех случаях, если речь идет как о науке, так и об отдельном эксперименте. Тем самым исследование рождается, когда *Da-sein* задаёт вопрос, который как все конкретные вопросы уже в себе самом имплицитно содержит набросок поиска и стратегии открытия, нацеленный на нахождение решения той или иной научной проблемы.

Рассуждая дальше о сути понятия существования, следует отметить, что человеческое существование, не наделенное пониманием, бессмысленно. Смысл существования индивида заключен в поиске и нахождении своего места между прошлым и будущим, внутри традиции, уходящей в будущее. Смысл открывается человеку в этом пространственно-временном поле по мере реализации способности постичь истины бытия. В этом смысле мы можем говорить о том, что Бытие раскрывается человеку постепенно, по мере освоения действительности. Это происходит вместе с процессом накопления знания и опыта познания. На этом пути Бытие раскрывается в опыте понимания, это понимание может выступать иногда, например, как инсайт, как одномоментный акт озарения. Это заставляет философа искать надрефлексивные способы объяснения Бытия и существования. Дорефлексивный способ, которым «здесь-бытие» присутствует в мире, отражает и природу самой герменевтики, нацеленной на понимание объектов мира и на само понимание человека. Наше понимание мира предполагает своего рода «прагматическое открытие», выражающееся в том, мы способны

ориентироваться в мире без предварительных теоретических рассуждений о нём. Мир знаком и понятен нам. Более того, согласно М.Хайдеггеру, понимание как элемент достижения объективного знания состоит в «мгновенной регистрации нашим сознанием картин, образов, озарении и т.п. в виде феноменов в противоположность получения знания (и понимания) посредством истолкования»⁵⁹. И это позволяет мысли двигаться вглубь непознанного, например, включать любопытство, тягу к познанию нового и т.д., происходит как на обыденном уровне, так и на уровне научного познания. Знакомство с миром и *понимание мира* приводит к переходу от чувственного восприятия к рефлексивному уровню, к рефлексивному сознанию.

Взаимосвязанный процесс «понимание–познание» мы можем характеризовать как синтез понимания и интерпретации, как деятельность, которая с неизбежностью приводит к вопросам, которые касаются языка. Так, М. Хайдеггер рассматривает язык в качестве основного слепка реальности, называет язык «дом бытия». Такая характеристика языка связана с тем, что понимающая интерпретация невозможна без языка. Речь выражает суть понятого, продолжая акт интерпретации в том направлении, которое как раз и определяет сам язык. Благодаря феномену понимания человек оказывается способным познать суть вещей и передавать смысл понятого другим людям, описывая явления посредством языка.

Такое отношение к языку как средству понимания в определенной степени возвращает нас к истокам зарождения герменевтики, уточняя её филологическое значение⁶⁰. Лингвистическое определение вещи, на котором настаивают феноменологии, в своём преднаучном значении основывается на обнаружении единства понимания и интерпретации. И эта проблематика восходит к зарождению самой научной мысли.

⁵⁹ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. С. 157.

⁶⁰ Это как раз то, о чём говорил Платон, настаивая на философии как познании сущности вещей, где роль языка состоит в том, что он помогает раскрыть сущность вещей, описать их и, тем самым, сохранить это знание вещей.

Подход М. Хайдеггера позволяет использовать имеющиеся герменевтические методы, в частности, герменевтический круг понимания. Так, согласно М. Хайдеггеру, герменевтический круг понимается не только как конкретный метод или исследовательская процедура, направленная на поиск смысла текста или события (культурно-исторического или социального), но возвышается до уровня экзистенциальной задачи, которую ставит перед собой исследователь. Объект интерпретации и сам акт интерпретации рассматривается им в контексте взаимодействия самопонимания и понимания мира. Другими словами, согласно М.Хайдеггеру, отличительной чертой «здесь-бытия» (*Da-sein*) является его принципиальная «встроенность» в мир и, одновременно, понимание субъекта выражается в стремлении к само-интерпретации. Это приводит к тому, что понять себя вне мира человек не может. Но и мир не может быть понят им без связи с проявлениями индивидуального «здесь-бытия». Такой подход расширяет представление о герменевтическом круге, который не ограничивается изучением части-целого или восхождением от низшего к высшему (и наоборот), но этот процесс понимания-познания М.Хайдеггер понимает как бесконечный процесс.

Итак, наметившийся онтологический поворот в философской герменевтике, о которой говорит М. Хайдеггер, позволяет сделать вывод о закономерности процесса расширения предметной области самой герменевтики за счёт включения новых объектов, подлежащих интерпретации. Этот вывод подтверждается тем фактом, что европейские философы, выходя на экзистенциальный и феноменологический уровень философского исследования, широко используют герменевтические средства анализа. Как я пыталась показать, у М. Хайдеггера речь идет о расширении сферы применения герменевтических средств. Для эволюции герменевтики это означает не только расширение предметной области применения герменевтических методов интерпретации (например, в решении вопросов

бытия и описания смыслов жизненного мира), но, вместе с тем, и переход на принципиально новый уровень философского анализа.

Так, Ганс-Георг Гадамер (1900 – 2002) продолжает работу, намеченную М. Хайдеггером по использованию интерпретации и наделению этой проблематики философским статусом. Он рассматривает последствия формулирования философских оснований герменевтики, рассматривая её в контексте гуманитарного знания, в частности, обращая внимание на проблему языка в связи с пониманием. Гадамер утверждает, что бытие человека – это «бытие в языке», именно благодаря языку мир открыт для человека, для его познания. В языке находят отражение традиции понимания; язык фиксирует знание и затем транслирует его в виде текстов, сохраняя и передавая тем самым то, что составляет культурно-языковую традицию. Эта традиция рассматривается как основа для различных форм коммуникаций. Он полагает, что интерпретация моделируется на основе общения, а это предполагает необходимость включения коммуникативной составляющей в проблематику интерпретации.

Интерпретация всегда отличается от простого восприятия слов, речи, текста именно в силу обязательной вовлеченности в данный процесс аудитории. Другими словами, интерпретация всегда имеет своего адресата. Она осуществляется не только *для* кого-то (или исключительно для адресата), но *совместно с* ним. Кроме того, сама интерпретация и результаты такой совместной деятельности становятся достоянием восприятия аудитории смысла и содержания ранее обсуждаемого вопроса и, одновременно, становятся новым объектом интерпретации. Тем самым процесс понимания и интерпретации не прерывается.

Через освоение языка осуществляется понимание человеком себя в мире. А это предполагает включение субъекта в лингвистически определенную культурно-историческую традицию. Вовлеченность *человека познающего и понимающего* накладывает свой отпечаток на специфику понимания им объектов культуры, предметов искусства, преданий, наконец,

философских текстов, исторических событий и т.д. Являясь частью человеческой традиции и оказывая влияние на формирование мировоззрения, понимаемые объекты (т.е. поняты в языке) уже не могут восприниматься как ценностно-нейтральные, независимые от культурных, научных и иных традиций. Как пишет Г.-Г. Гадамер: «тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт»⁶¹.

Погружение в контекст изучаемого предмета, даже в случае если это историческое «предание», обеспечивает полноту понимания. Раскрывая в содержании предмета исследования новые актуальные аспекты исторического характера, сама интерпретация в этом случае направлена на характеристику, поиск его истинной ценности. В особенности это касается исторически далеко отстоящих от нас текстов, преданий и т.д. Но даже такое понимание не может быть законченным, окончательным, поскольку любое новое обращение к тексту корректируется самим интерпретатором в процессе исследования и погружения в его содержание.

Процедура интерпретации начинается с «предварительного понимания»; она связана с определенным ожиданием, заданным той традицией, в которой работает истолкователь. Однако при изучении исторической действительности от него скрыт первоначальный смысл текста, изначальный контекст события или истинное намерение автора текста. Это позволяет сделать вывод о том, что явления исторической, культурной и социальной жизни наделяются различными, возможно даже отличными смыслами для их современников и интерпретаторов. Культурно-историческая традиция истолкования характеризуется продуктивностью (появлением и обнаружением новых смыслов). Кроме того, этот процесс можно рассматривать как непрерывный, поскольку наше знание постоянно

⁶¹ Гадамер Г.-Г. О круге понимания / Гадамер Г.-Г. Актуальности прекрасного. М.: «Искусство». 1991. С.79.

развивается и обогащается, за счет чего происходит усложнение и изменение смысла интерпретируемого материала. В этих условиях формируются как авторитетные суждения и подходы, которые принимаются научным сообществом, так и могут появляться предрассудки.

В процессе интерпретации происходит диалог настоящего с прошлым, субъективного с объективным. Такое движение понимания Г.-Г. Гадамер определяет как слияние смысловых горизонтов прошлого и настоящего. Можно констатировать, что деятельность интерпретации обогащает смысловой контекст и производит новые смыслы, что, в целом, способствует дальнейшему развитию нашего знания предмета и наилучшему пониманию специфики исследуемых объектов, истолковываемых текстов, событий и т.д.

Цель истолкования, по мнению философа, заключается в переносе смысловой связи из чужого мира автора в личностный мир читателя. Такая деятельность обеспечивает преодоление изначальной ограниченности исследовательской позиции, которая может возникнуть в силу разорванности прошлого и настоящего, в силу различных традиций понимания, существующих вследствие исторической дистанции между текстом и его интерпретатором или из-за различий культурного, политического или иного характера.

Конечно, процесс интерпретации текстов культуры довольно сложен. Истолкование может быть неоднозначным, а различные толкования одного и того же текста могут быть даже противоречивыми. Не случайно, Гадамер указывает на то, что воссоздание культурного контекста эпохи способно не только прояснить, но и затуманивать или исказить его истинное понимание. Наряду с этим, возможна множественность интерпретаций, каждая из которых имеет право на существование. Такого рода интерпретационный плюрализм при исследовании текстов, исторических событий и культурных феноменов приводит к выводу о том, что объективность не может использоваться в качестве подходящего идеала или ориентира, поскольку не

существует единственно верной и окончательной интерпретации для такого широкого круга явлений.

Оценивая позицию Г.-Г. Гадамера, касающуюся теории интерпретации и невозможности «объективного» понимания текстов, исторических событий и культурных явлений Д. Веберман выдвигает собственные гипотетические аргументы для обоснования такой точки зрения:

1). Объективность не представляется возможной из-за личных предубеждений и предрассудков исследователя, которые, в конечном счете, являются неизбежными;

2). Основанием для возможности единого понимания (любых объектов познания) являются традиции, которые также могут представлять собой исторически сложившиеся и закрепившиеся предрассудки;

3). Исторические условия, в которых осуществляется исследование, играют определяющую роль в акте понимания, так как без них невозможно более точно и полно установить и определить объект исследования. В связи с чем, объект понимания предстает неопределенным – в каждом акте понимания, для каждого интерпретатора он составляется, конституируется заново⁶².

Одно из требований теории интерпретации – это учёт временной и исторической дистанции и её проявлений. Эти проявления выступают в виде последствий, которые несет в себе произошедшее изучаемое и интерпретируемое событие или явление, а так же их переосмысление и выявление новых аспектов, которые появляются со временем. Эту особенность должен учитывать интерпретатор и при оценке объектов искусства, наряду с исследованием фактов истории.

Так, появление частного направления в живописи – кубизма – привело к развитию абстрактной живописи. Влияние переломных исторических событий, как, например, революций, может сказываться не только на

⁶² Weberman D. The Relational Properties Approach to a Theory of Interpretation // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Inte/InteWebe.htm>

развитии данной страны, но и иметь мировое значение. Таким образом, исторические и культурные явления являются причиной появления новых связей и отношений, значения которых (для культуры или отдельной страны) усматриваются в процессе их интерпретации. В этом смысле, прав Гадамер, когда считает, что объект никогда не может быть охвачен пониманием полностью, т.е. до конца понят, раскрыт во всех аспектах, поскольку находится в постоянном развитии. «Фильтрация подлинного смысла, – пишет Гадамер, – заключенного в тексте или в художественном создании есть бесконечный процесс. Фильтрует временное состояние, а оно пребывает в непрестанном движении, оно увеличивается, и в этом продуктивность его для понимания. В результате предрассудки частного характера отмирают, а выступают наружу те, что обеспечивают истинное понимание»⁶³.

Учитывая эти аргументы, следует отметить, что понимание не только предполагает, но и требует множества интерпретаций, но это не означает отказ от поиска критериев для выявления верных и истинных истолкований из множества различных интерпретаций. При этом нельзя не принять во внимание изменяющуюся ситуативность, в которой осуществляется истолкование, в том числе, касающееся той социо-культурной среды, в которой существует сам толкователь или исследователь. Ситуативность познающего, существование его в определенных культурных и исторических реалиях предполагает (и даже признает) умеренный релятивизм, относительность любой полученной интерпретации в качестве текущей правильной интерпретации.

Для уточнения и разъяснения данной позиции, Д. Веберман использует следующую аргументацию. К любым предметам, будь то произведения искусства, тексты, артефакты культуры или объекты природы, имеющие естественное происхождение, он предлагает применять характеристики,

⁶³ Гадамер Г.-Г. О круге понимания / Гадамер Г.-Г. Актуальности прекрасного. М.: «Искусство». 1991. С.80

касающиеся свойств этих предметов, различая внутренние и внешние свойства.

Внутренние свойства он называет *онтологическими*, так как они определяют природу и особенности объекта. Внешние свойства предметов – относительные, реляционные – те, которые полностью или частично зависят от конкретных условий и отношений, в которых они в данный момент находятся⁶⁴. Тем самым, внутренние свойства рассматриваются как неизменные, выражающие сущность предмета, а внешние, как наиболее гибкие и изменчивые, как раз они и являются объектами интерпретации. Наличие внешних связей и обусловленностей не всегда «схватывается» человеком в понимании в полной мере, но их смысл может раскрываться только со временем. Обнаружение их в результате интерпретации способствует расширению наших знаний об объекте, и в этом как раз и состоит позитивное и эвристическое значение релятивизма, проявляющегося в виде исторической ситуативности исследователя.

При этом задача исследователя-интерпретатора состоит не столько в описании этих внешних свойств, сколько именно в их обнаружении. Причём интерпретатор исходит из понимания смысла и выяснения особенностей самого исследуемого объекта, опираясь на характеристику внутренних свойств объекта или предмета. В результате наступает понимание.

Таким образом, историческая опосредованность исследователя, т.е. тот исторический контекст, в который вписана деятельность исследователя и интерпретатора, не только направляет и определяет его позицию и обуславливает выбор наиболее адекватного подхода к изучаемому объекту, но и в определенной мере является критерием для более глубокого понимания объекта истолкования. «Ведь когда мы пытаемся понять текст, - пишет Г.-Г. Гадамер, - мы не переносимся в душу автора, в её устройство или конституцию, и уж если говорить о том, чтобы «переноситься», то мы

⁶⁴ Weberman D. The Relational Properties Approach to a Theory of Interpretation // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Inte/InteWebe.htm>

переносимся в то, что он подразумевает как смысл. А это означает не что иное, как то, что мы стремимся допустить, признать правоту (по самой сути дела) того, что говорит другой человек. Ведь если мы хотим понять, мы попытаемся еще больше усилить аргументы собеседника»⁶⁵.

Гадамер утверждает, что этот подход используется не только применительно к тексту, но является и уместным и при коммуникации. Во всех случаях цель понимания – получение смысла. «Так бывает даже в разговоре, и настолько же уместнее это в случае, когда перед нами письменный текст, когда мы обретаемся в сфере смысла, который доступен пониманию внутри себя и как таковой отнюдь не оправдывает обращение к субъективности другого человека. Задача герменевтики – прояснить это чудо понимания, а чудо заключается не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу»⁶⁶.

Следует подчеркнуть, что Г.-Г. Гадамер придает большое значение разговору, рассматривая его как феномен, как важный элемент развития философского мышления. Философ настаивает на том, что разговор способен преобразовать человека, и если разговор удаётся, т.е. если он состоялся в нужном ключе, то такой разговор «оставляет что-то в нас, и это что-то изменяет нас»⁶⁷.

Такой аспект проблемы понимания и интерпретации, когда важное место в получении смысла отводится коммуникации, в дальнейшем получает развитие в философии Поля Рикёра (1913—2005). И если Г.-Г. Гадамер рассматривает разговор, диалог как «практическое общение», результатом которого становится понимание и достигается взаимосогласие людей, то П.Рикёр концентрирует внимание на роли диалога. Он включает в проблемное поле философской герменевтики социальный контекст, наряду с

⁶⁵ Гадамер Г.-Г. В круге понимания / Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991. С. 73.

⁶⁶ Гадамер Г.-Г. В круге понимания / Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991, С. 73.

⁶⁷ Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору / Гадамер Г.-Г. Там же. М.: «Искусство», 1991. С. 87.

рассмотрением классической проблематики герменевтики, в центре внимания которой остаётся текст и его читатель (интерпретатор).

Предлагая осмыслить когнитивные способности человека как феномены в их движении от прошлого – через настоящее – в будущее, Рикёр ставит перед собой задачу понять внутреннюю природу самого субъекта, его телеологию. Так, вскрывая суть психоанализа З. Фрейда, П. Рикёр выявляет процедуры постижения человека, интерпретируя эти процедуры как герменевтику, нацеленную на реконструкцию желаний человека, его влечений посредством понимания смысла тех культурных форм, в которых эти «влечения», «желания» находят конкретные воплощения. Отсюда, согласно П. Рикёру, *феноменологический* подход к проблеме постижения онтологических условий человеческих устремлений и желаний соотносится с задачей описать динамику мотиваций и тех ситуаций, на которые воля отвечает выбором, действием, согласием и т.д.

На этом этапе своего феноменологического анализа когнитивных процессов человеческого мышления, сознания П. Рикёр допускает возможность любого рода заблуждений и рассматривает их как факторы, характерные для человека. Поэтому склонность к заблуждению признаётся естественным выражением слабости человека. Связанная с этим проблема *понимания себя* в мире преодолевается благодаря участию языка, опыта человеческого общения. Более того, человеческий опыт, по П. Рикёру, принадлежит сфере языка, который рассматривается как источник культурных значений. Именно в языке реализуется суть значений, создается целая иерархия значений и символов.

П. Рикёр не только выводит иерархию значений языка, но и указывает на границы смысла, отличая буквальный смысл от иносказания, проясняет языковые нагрузки любого иносказания, определяя его место в контексте исходного литературного смысла. Такой подход – прямое продолжение той традиции, которая восходит к античной герменевтике с её интерпретацией мифологических сюжетов и наиболее ярко воплощается затем в практике

экзегезиса, касающегося истолкования Священного Писания, где соотносятся иносказательный и буквальный смысл.

П. Рикёр определяет герменевтику как деятельность, нацеленную на понимание смысла (слова, текста, значения, символа и т.д.), связывая операцию понимания непосредственно с интерпретацией. Под герменевтикой, пишет философ, «я понимаю теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово "герменевтика" означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации»⁶⁸.

Таким образом, он связывает интерпретацию с особой работой мышления и заключается в расшифровке смысла, который стоит за очевидным смыслом, в обнаружении и выявлении уровней значения, которые заключены и скрыты в буквальном значении.

Основным предметом своих изысканий он делает текст, но рассматривает его шире, наделяя текстуальными признаками так же действия и явления культуры, в той мере, в которой они содержат символические значения, выражены через язык и текст и нуждаются в истолковании и понимании. Учитывая такое расширенное представление о тексте, следует отметить, что особенности герменевтики как метода понимания с этого момента распространяются и на различные проявления социальной жизни.

П. Рикёр считает, что понимание, это не просто искусство схватывать истинный смысл того или иного языкового выражения, высказывания, символа и т.д., но это «искусство постижения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы и, разумеется, речь). Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через выражение»⁶⁹.

Осуществление процесса понимания происходит при участии творческой способности *понимать нечто*. Этой способностью наделен

⁶⁸ Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук / Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: Изд. центр "Academia". 1995. С.3.

⁶⁹ Там же. С. 3

каждый человек, каждое человеческое сознание, поэтому понимание, согласно П. Рикёру, можно рассматривать как «проникновение в другое сознание», осуществление его происходит опосредованно, через воспроизведение творческого процесса познания и понимания.

Таким образом, понимание и интерпретация обязательно предполагают наличие *Другого* в качестве автора, действующего лица, слушателя, интерпретатора или просто свидетеля диалога или события. Это подразумевает собой обращение к анализу социального взаимодействия, в результате которого наступает взаимопонимание людей. Тем самым познание условий такого взаимопонимания добавляет к проблеме интерпретации коммуникативный аспект исследования, расширяет сферу использования герменевтического подхода за счет включения проблемы интерсубъективности в проблемное поле герменевтики.

В философии П. Рикёра субъект представлен понятием «Я-сам». Этим понятием философ выражает смысл саморефлексии как феномена сознания; способность к саморефлексии дополняется характерной для человека устремленностью к коммуникации, в процессе которой он вступает в полемику с другими, *иными* субъектами. В способности понимать себя и, одновременно, понимать *Другого*, соотнося понятое в себе с тем, что выражает *Другой*, и, напротив, понимание *Другого* сквозь призму собственного трёхуровневого единства понимания человека (лингвистического, практического и этического) и содержится смысл социального контекста герменевтического анализа. Другими словами, через способность самоидентификации и самообозначения, через понимание языка, его универсальных свойств, речи в целом, наряду с осознанием любых прагматических и практически обусловленных интенций и намерений людей, мы оказываемся способны воспринимать других людей и понимаем их. Кроме того, мы понимаем значение контекста речи и даже этическую составляющую самой речи или поступка, даже в том случае, если «этическое» присутствует в речи, поступке в скрытом виде.

«Социальность» понимания, рассматриваемая на уровне познания условий проникновения в понимание *Другого*, т.е. как субъекта понимания или понимания себя как *Другого*, невозможна без учёта феноменологической составляющей этого когнитивного процесса. Не случайно поэтому, Рикёр характеризуется как один из представителей феноменологического направления философской герменевтики.

Согласно П. Рикёру, «прививка герменевтической проблематики к феноменологическому методу»⁷⁰ привела к сближению онтологии и эпистемологии, к взаимному обогащению феноменологии и герменевтики. Осуществление такого рода взаимовлияния обусловлено возможностью, и даже необходимостью осмысления содержания смыслов и значений, заключенных, как в мире в целом, так и в конкретном предмете исследования (текст, событие, явление с тем или иным содержанием), что осуществимо посредством использования герменевтических методов. В соответствии с феноменологическим подходом, понимание для Рикёра предстает как характерное свойство человеческого бытия, как реакция субъекта на пребывание в этом мире. При этом основание для понимания находится в языке, в его структуре и смыслах. «В языке и только в языке, – подчеркивает П. Рикёр, – выражается всякое понимание»⁷¹.

Множественность языковых смыслов закономерным образом приводит к задаче обоснования ценностного значения языка как условия для понимания смысла культурного символизма. Осознание пониманием последнего состоит в способности постичь эти феномены как некие целостности, а также описать и классифицировать их. Использование герменевтического метода, в свою очередь, позволяет интерпретировать полученные описания, что способствует выявлению содержащихся в них смыслов, как явных, так и скрытых⁷².

⁷⁰ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле». 2002. С. 33.

⁷¹ Там же. С. 42.

⁷² См. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. С. 157-159.

Согласно П. Рикёру, процесс понимания осуществляется в силу того, что восприятие фиксирует наблюдаемое, которое может представлять собой некий знак, выраженный в языке. «Знак языка» может иметь материальный эквивалент (в виде предмета или текста). Способом передачи смысла такого рода знаков является язык как естественная форма трансляции опыта и знания. Передача знания и опыта познания становится возможным посредством дискурса.

Следует подчеркнуть, что современные философы широко используют понятие дискурса, применительно к языковой и коммуникативной деятельности, вписанной в социальный контекст. Дискурс включает в себя как вербальное, так и не вербальное взаимодействие. Это понятие применимо в отношении устной речи и текста. Дискурс способствует структурированию личного опыта, позволяет очертить возможные границы доступного знания, состоящего из элементов научного и повседневного знания.

П. Рикёр, разрабатывая герменевтику события, выделяет следующие черты дискурса: указывает на (1) его темпоральность (реализацию в настоящем времени), (2) соотнесённость с субъектом (как с автором, так и его замыслом), (3) предметную направленность (связь с миром, выражающаяся в наличии предмета и знании о нём) и (4) наличие *Другого*⁷³.

Учитывая эти характеристики, важно отметить, что дискурс опосредует понимание смыслов, и поэтому непосредственно связан с социальным контекстом.

Однако, несмотря на введение непосредственно социальной и антропологической проблематики, изначальным предметом герменевтики для Рикёра остается текст. В письменном языке вышеперечисленные черты дискурса актуализируются иначе. Зафиксированный в тексте дискурс теряет свою темпоральность в том смысле, что отдалается от времени первоначальной ситуации (от времени создания текста). При этом

⁷³ Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст (пер. с английского: Борисенкова Анна; ред.: Филиппов Александр) // Социологическое обозрение. Т.7, №1, 2008. С. 26.

интерпретация может не учитывать обстоятельства и условия, которые непосредственно сопровождали появление этого текста. В условиях исторической отдаленности создания того или иного текста появляется необходимость в реконструкции тех смыслов, которые неявно присутствуют в тексте или учитывать объективные условия появления этого текста с его многочисленными смыслами. В свою очередь, это способствует расширению возможных границ понимания и придает тексту вневременной характер.

Утрачивается и непосредственная связь с субъектом как автором текста. Тем самым внутренняя авторская интенция и буквальный смысл текста не всегда могут совпадать. В результате такой реализации дискурса в тексте происходит расширение изначального смысла, его освобождение от «“опеки” внутренней интенции»⁷⁴. Понять в полной мере произведение, выявить интенции автора, его позицию помогает сама деятельность по интерпретации, которая направлена на расширение границ возможного участия интерпретатора. Прежде всего, за счет реинтерпретации или сопоставления различных толкований изучаемого текста. При этом границы потенциально возможных читателей делают интерпретацию актуально бесконечной. В результате как раз и создаются условия для получения, обнаружения *нового* смысла и *новых* интерпретаций. В целом, такое понимание дискурса создает открытость для самого процесса истолкования, что, в конечном итоге, добавляет эвристический потенциал герменевтике.

Особое значение для истолкователя имеет содержание текста. Только текст, наполненный смыслом, обладает ценностью. Ценность текста во многом определяется не только содержанием, но множеством смыслов, которые интерпретатор способен выявить в результате анализа этого текста. При этом задача истолкования состоит в том, чтобы выявить и сохранить, насколько это возможно, первоначальный смысл произведения, раскрыть

⁷⁴ Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст (пер. с английского: Борисенкова Анна; ред.: Филиппов Александр) // Социологическое обозрение. Т.7, №1, 2008. С. 28.

замысел автора текста и, наконец, показать новый смысл (например, придать тексту современное значение), не искажая при этом авторской позиции.

Таким образом, искусство интерпретации состоит в том, чтобы, с одной стороны, не растерять смысл текста, не уйти от первоначального замысла и не занизить его значение, но выявить новые аспекты и контексты, тем самым, определяя ценностное значение самого текста, выявляя его культурно-исторические и философские аспекты.

В целом можно констатировать, что интерпретация представляет собой работу по расшифровке смыслов (явных или скрытых). При этом важно учитывать два исторических времени – время создания текста и время его различных толкований. «Историчность» позволяет наполнять символическим содержанием буквальный смысл.

Так, для П. Рикёра историчность явилась результатом расширения поля влияния герменевтического круга как способа истолкования, в которое попадает не только конкретный текст того или иного художественного произведения, но и те смыслы, которые стоят за ним, в том числе, интенции, мотивы автора. Он настаивает на том, что прямой смысл символа предполагает одновременно иносказательный смысл, который, в свою очередь, может быть раскрыт и понят только благодаря истолкованию первоначального смысла. Такое отношение к деятельности по интерпретации как раз и показывает то, как можно применять принцип герменевтического круга. В процессе интерпретации происходит раскрытие имеющихся смыслов и их последующих толкований.

Следует подчеркнуть, что понимание, наступающее в процессе истолкования, опосредовано множеством социальных контекстов: лингвистических, ситуационных, прагматических, культурных, исторических, которые создают *общий* контекст и задают тем самым ориентиры для целостного восприятия текста, рассматриваемого как феномен культуры.

Мы познаём особенности той или иной культуры, реконструируя смыслы символов и понимая язык данного народа. Символика его закреплена и выражается посредством традиций, норм и ценностей, существующих в обществе. Язык и символы способствуют определению культурного контекста, непосредственное отражение которого осуществляется в процессе социально-культурной жизни. Реконструируя и интерпретируя язык и символы, мы приближаемся к пониманию той или иной культуры. Понимание культуры это процесс, который нельзя считать неизменным, поскольку специфику интерпретации символов и знаков культуры, текстов, артефактов и т.д. определяют те конкретные обстоятельства, в которых находится сам интерпретатор, в частности, особенность интерпретации может направлять так называемый социальный заказ. Тем самым интерпретация может быть представлена как продолжающаяся деятельность, а характер полученного знания определяют различные и множественные факторы, в том числе, познавательного и социального характера.

Однако построение общей теории герменевтики проблематично. «Придание герменевтике гуманистической направленности, сближение герменевтики с наукой в деле привнесения так называемого человеческого измерения в научные рассуждения, приводит к тому, что герменевтику Рикёра мы можем теперь рассматривать как отличающуюся от Хайдеггера и Гадамера»⁷⁵. Рикёр предполагает, что не существует единой общей герменевтики, но герменевтика должна выполнять определенную функцию по отношению к науке, и её можно использовать в рассуждениях, касающихся решения научных проблем. «Согласно Рикёру существует два пути к этой цели: более длинный путь, называемый эпистемологией интерпретации, избранный самим Рикёром, и более короткий путь, путь онтологии понимания, предлагаемый Хайдеггером»⁷⁶. Для Рикёра особенной эпистемологической ценностью обладает длинный, более трудный путь, связанный с лингвистическим и семантическим анализом текста. Этот путь,

⁷⁵ Шульга Е.Н. Понимания и интерпретация. М.: Наука, 2008. С. 259

⁷⁶ Там же. С. 261.

согласно Рикёру, позволяет исследователю находиться в контексте той дисциплины, где осуществляется интерпретация. Поэтому в целом герменевтику Рикёра мы можем характеризовать как теорию операций понимания по отношению к интерпретации. Таким образом, понимание оказывается первичным по отношению к методологии интерпретации.

П. Рикёр видит сложность возникающих герменевтических задач по приданию функциональных смыслов словам в их истолковании, поэтому исследователь должен разработать систему методов толкования, чтобы проанализировать и выявить скрытые значения множественности смыслов текста или глубинные значения, которые лежат в основе тех или иных социальных действий. Иначе говоря, вступая в «конфликт с текстом», учитывая конфликт возможных интерпретаций, современный исследователь должен будет занять позицию критического самопонимания, оценивая положение себя по отношению к интерпретируемому тексту, но не отстраняясь полностью от его содержания. Тем самым теория истолкования в своём философском обосновании возвращает нас к дихотомии объяснения и понимания, нуждающегося в рассмотрении и обосновании этой теории на новом эпистемологическом уровне.

Таким образом, герменевтика П. Рикера, по замечанию Е.Н. Шульги, «является наукой об интерпретации, поскольку в ней речь идет ”о критической рефлексии по поводу научной ценности попыток интерпретации, об их эпистемологии”»⁷⁷. Понимание предстаёт здесь как многосторонний, взаимосвязанный процесс, результатом которого является не только взаимодействие, диалог Я-субъекта с *Другими*, и их понимание, но и саморазвитие и расширение самопонимания за счет понимания *Других*. Феноменологическая герменевтика П. Рикёра направлена на интерпретацию символически опосредованных проявлений бытия человека с целью их понимания и объяснения. А это делает герменевтику социально

⁷⁷ Шульга Е.Н. Герменевтика П. Рикёра и современные проблемы эпистемологии // Поль Рикёр – философ диалога. М.: ИФРАН. 2008. С. 121.

направленной. Иначе говоря, философская герменевтика уже не ограничивается эпистемологическим аспектом исследования, но дополняет его социальным контекстом, который учитывают как эпистемологии, так и герменевты.

Итак, подводя итоги этой части исследования, отмечу, что расширение предметного поля герменевтики привело к оформлению её в философскую дисциплину. При этом постепенное расширение поля рефлексии относительно интерпретации является безусловной исторической заслугой герменевтики. Особое влияние на этот процесс оказали работы М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера. Эти философы исследовали понимание, рассматривая его как свойство человеческого бытия, встроенного в контекст того, что необходимо понять и интерпретировать, и что опосредовано определенной традицией, культурно-исторической ситуацией и несет в себе отпечаток социально-культурного контекста.

При этом феноменологическая составляющая процесса понимания, интерпретация понимания как феномена дистанцирует нас от непосредственного описания смысла языка, переводя в сферу глубинных процессов познания, нуждающихся в объяснении. Поэтому задача философской герменевтики на этом этапе её развития состоит в поиске оснований процесса понимания, а это не может быть осуществлено без учёта субъективного фактора в процесс понимания и интерпретации.

2.3. Эпистемологическое значение теории интерпретации в её приложении к гуманитарному знанию

Среди актуальных направлений современной эпистемологии, особое место занимают вопросы познания, как когнитивных особенностей человеческого мышления, так и динамики знания (в том числе гуманитарного), происхождения и эволюции знания в целом. Эти проблемы рассматриваются с точки зрения становления конкретных методов научного познания, выяснения условий их эффективности относительно рассматриваемого объекта познания. Эти методы обнаруживают свою специфику в зависимости от характера объекта, предмета исследования и его целей. Наряду с этим кругом вопросов, в центре внимания современной эпистемологии оказывается проблема соотношения интерпретации и понимания. Наиболее ярко это соотношение проявляет себя в сфере гуманитарного знания. Именно это делает актуальным рассмотрение интерпретации не только в эпистемологическом контексте, но и относительно специфики развития методологической базы гуманитарных наук.

В свою очередь, включение герменевтического аспекта рассмотрения особенностей организации гуманитарного знания делает важным выяснение эпистемологического значения интерпретации, которое рассматривается теперь уже не только как деятельность, связанная с процессом познания, или как когнитивный процесс мышления и сознания, но внимание к интерпретации позволяет специфицировать гуманитарные науки, рассматривая их в контексте «познание-интерпретация-понимание».

Необходимым элементом и, одновременно, показателем эффективности познания, а так же его результативности, является понимание. Понимание может рассматриваться как элемент когнитивной творческой деятельности человеческого мышления и его фундаментальные

свойства, так и конечный результат процесса интерпретации в его эпистемологической и методологической части. Истолкование является одним из методов познания. Как отмечает, например, Э. Бетти (1890 – 1968), оно «вообще предназначено для решения эпистемологической проблемы понимания»⁷⁸. Более того, «мы можем предварительно определить истолкование как деятельность, следствием и целесообразным результатом которой является понимание»⁷⁹. Тем самым истолкование приводит не только к пониманию, но и соответствует той задаче, на которую оно направлено. Истолкование и понимание тесно связаны, и эта взаимозависимость направляет познание и предопределяет получение нового знания.

Следует подчеркнуть, что гуманитарные науки выделяются в специальную сферу научного познания, отличающую их от естественнонаучного и технического знания. Эти виды знания отличаются предметной направленностью, у них могут быть разные или общие объекты исследования. Однако о результатах этих наук мы имеем представления на основании анализа научных текстов. Такая «текстуальная» направленность делает перспективным выяснение значения интерпретации как общего методологического подхода, в особенности актуальную, где есть потребность в интерпретации теоретических результатов этих наук. Кроме того актуальность интерпретации становится очевидной в связи с междисциплинарностью в решении конкретных научных задач.

Особенность гуманитарного познания состоит в том, что в поле зрения исследователя, наряду с текстами, оказываются самые разнообразные аспекты жизни и социальной деятельности человека, что закономерным образом диктует необходимость рассматривать интерпретацию в широком контексте, не ограничиваясь анализом письменных источников.

⁷⁸ Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011. С.21.

⁷⁹ Там же. С. 21

Герменевтический подход, как будет показано в этой части диссертации, оказывается тем эффективным методом понимания специфики организации знания, который ориентирован на самые разные сферы деятельности людей, и где выражена потребность понимать смысл этой деятельности и интерпретировать символы культуры, культурные смыслы.

Актуальность данного направления исследований в настоящее время определяется стремительным ростом разнообразных по тематике текстов, их символизма, многозначности, полисемичности, сложности. Такие тексты нуждаются в истолковании, что, в конечном итоге, обуславливает и направляет интерес к самой проблематике интерпретации. Она включает в предмет своего исследования философский, культурно-исторический и социальный и иные аспекты.

Как уже отмечалось в начале данного диссертационного исследования, искусство интерпретации уже на самых ранних исторических этапах его становления и развития было связано непосредственно с практической деятельностью людей, сопровождая опыт получения знания с практикой повседневной жизни человека. Понимание и объяснение сложных явлений природы, тех или иных событий частной жизни людей, предвидение их последствий, оценка этих событий, да и само взаимодействие людей – все это закладывало основы будущей систематизации знания в этой области.

Естественная потребность в *правильном* понимании одного человека другим сегодня становится объектом специального философско-методологического и эпистемологического исследования и приобретает статус философской проблемы. Проблематика понимания, истолкования и интерпретации сегодня включает в свое проблемное поле основные сферы жизни общества, такие, как политика, мораль, религия, право, искусство, образование. Их объединяет нацеленность на эффективность деятельности в областях, где понимание и взаимопонимание являются залогом успеха, в особенности заметная в условии взаимодействия людей, там, где

задействованы и соприкасаются различные социальные и политические установки, идеи, ценности, образы жизни и т.д.

Истолкование как условие *правильного* понимания может быть успешным благодаря использованию определенной совокупности методов и приемов, что, тем не менее, не снимает значение понимания как естественного когнитивного свойства человеческого мышления и познания. Часто мы схватываем нечто в понимании, не прибегая к каким-то методам, или осуществляем это неосознанно. В других случаях интерпретация представляет собой методологическую процедуру, направленную на получение смысла (например, изучаемого текста). Методология интерпретации может быть применима в отношении решения конкретной исследовательской задачи. В этом случае она согласуется с программой научного исследования в его методологической части и предполагает определение объекта, формулирование проблемы и выбор адекватной методологии⁸⁰. Эти общие методологические требования к научному исследованию оказываются эффективными как в естествознании, так и в гуманитарной сфере. Они уместны и для решения философских проблем. Рассмотрим их более подробно с тем, чтобы затем применить их относительно проблемы интерпретации в гуманитарном познании.

Последовательность решения методологической задачи такого исследования сопряжена с определением позиции ученого и выбором парадигмы, наиболее приемлемой для решения конкретной проблемы; она связана с обозначением концептуальных границ, которые обусловлены современным состоянием исследований в этой области. Здесь решение проблемы понимания предполагает адекватную оценку предыдущих результатов (предшествующего опыта) исследования и их анализ, за

⁸⁰ Об этом пишут: Герасимова И.А., Ищенко Е.Н., Кравец А.С., Майданов А.С., Никифоров А.Л., Печёнкин А.А. и др. См. *Герасимова И.А.* Введение в теорию и практику аргументации. М.: ИФРАН, 2001. 184 с. *Ищенко Е.Н.* Проблема субъекта гуманитарного познания: эпистемологический анализ // *Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. 2006. С.375-401. *Кравец А.С.* Генезис стиля научного мышления // Там же. С. 473-499. *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М.: Издательство ЛКИ, 2008. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и теория. М.: Идея-Пресс, 2006.

которым, как раз, и стоит истолкование, интерпретация имеющихся точек зрения, сопоставление позиций и т.д. Это помогает обнаружить те аспекты проблемы, которые только предстоит решить и которые не получили ещё должного осмысления и понимания (интерпретации).

Ещё раз подчеркну, что мы рассматриваем ту интерпретационную деятельность, методологические основы которой исторически заложены герменевтикой. Основными её методами для обнаружения смыслов и значений являются средства и приемы, разработанные и используемые в рамках данной дисциплины. В отношении гуманитарного познания конкретные методы интерпретации мы можем сегодня систематизировать как определенную совокупность принципов, приемлемых и применяемых в научном исследовании:

- *контекстный метод* – предполагает нацеленность интерпретации на контекст. В гуманитарной сфере контекстуальный анализ имеет определяющее значение;
- *герменевтический круг* – представляет собой движение мысли от общего к единичному суждению или получение общего смысла на основании единичных и рассмотрении единичного как частного проявления общей закономерности. Герменевтический круг универсален в том смысле, что расширяет поле своего применения за счет включения в контекст интерпретации таких сфер анализа, как язык, традиция, культурно-историческое пространство, *жизненный мир*;
- *логические средства*, наиболее приемлемые в гуманитарной сфере и исторически наиболее древние, уходящие корнями в античную философскую мысль, это: *дедукция, индукция, определение через род и видовое отличие*. Кроме того, остается актуальным требование соблюдать законы логики для целей аргументированного и последовательного изложения.

Одновременно с этим, при анализе текста (его интерпретации) логичность способствует обнаружению *правильного* смысла;

- *психологические аспекты интерпретации* касаются субъективной, феноменологической стороны понимания. Это: «вчувствование», «схватывание», эмпатия, предпонимание;
- *семиотические приемы* – работа, направленная на раскрытие смысла и значения знаков и знаковых систем. «Герменевтика текстов» расширяет своё проблемное поле за счёт включения семиотических приёмов и рассматривает любую символическую систему, обладающую смыслом. При этом герменевтика превосходит семиотику за счёт направленности на смысл.

Методология интерпретации находится в стадии становления, и она не однородна в том смысле, что включает в себя совокупность приёмов, как универсальных, общих для текстов с любым содержанием, так и специальных, используемых в каждом конкретном случае.

Существует тенденция использования нескольких методов исследования для более глубокого понимания предмета изучения (например, истолкования какого-то отдельного этапа развития данной науки). В таком случае исследование строится на пересечении нескольких методологических планов, что позволяет рассматривать предмет одновременно с разных точек зрения.

Научное исследование начинается с постановки проблемы, с формулирования цели и конкретных задач. Именно понимание сути проблемы обуславливает выбор средств, определяет ход исследования и его методологическую базу. Наряду с этим общенаучным и общефилософским основанием творчества в науке, важны и интеллектуальные требования, предъявляемые к самому исследователю: его уровень подготовленности, наличие таланта, опыта и знаний. Кроме того, от исследователя требуется осознание глубины поставленных задач, заинтересованность в научном результате по отношению к изучаемому объекту, тексту, социальному

поведению и т.д. Кроме того, ученый должен понимать, *что* и *как* интерпретируется, и как этот интерпретируемый материал укладывается в отстаиваемую концепцию и её содержание.

Например, С.С. Гусев, обращая внимание на субъективный характер процесса познания, рассматривает текст как *субъективную реальность*, в которой раскрывается мыслительная творческая активность людей, реализующаяся в создании и порождении множества образов, благодаря которым сложная система человеческих действий предстаёт как упорядоченный «мир сам по себе». Важно при этом, что это мир идеальных объектов-образов, но «человек, – как пишет С.С. Гусев, – одновременно обитает в нескольких “мирах”. Мир предметных, телесно выраженных форм и мир форм “идеальных”, не связанных с какими-то конкретно выраженными пространственными рамками, - взаимодействуют сложным образом и в равной степени регулируют весь комплекс жизнедеятельности людей»⁸¹. Поэтому, чем сложнее социальная действительность, тем большее значение человек (интерпретатор) отводит пониманию знаковых систем, в особенности представленных в языковых формах и входящих в содержание субъективной реальности. Это обстоятельство, на которое обращает внимание С.С. Гусев, можно рассматривать как важный фактор организации гуманитарного знания и изучения специфики интерпретации этого знания уже только на том основании, что интерпретации подвергаются любые знаковые системы. Дело в том, что «знаки, – подчеркивает С.С. Гусев, – замещают так называемую “объективную” реальность, а достаточно часто и вытесняют (в качестве регуляторов поведения) прямые воздействия на человека материально представленных природных факторов»⁸².

Таким образом, субъективная реальность с перспективой исследования коммуникативного смысла, предполагает не только участие интерпретации, поскольку «субъективная реальность» характеризуется как текст. Но и

⁸¹ Гусев С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика / СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2008. С. 59.

⁸² Там же. С. 59-60.

знаковый характер объективной реальности представляет собой особый объект интерпретации в качестве объекта изучения естественных и гуманитарных наук. Например, в сферу интересов гуманитарного познания попадает коммуникация, и она рассматривается как успешная в случае правильного понимания и адекватной интерпретации языка, речи и любого невербального знака. Это значит, что коммуникативная интерпретация может характеризоваться как важный регулятор социального поведения людей.

Следует подчеркнуть, что обязательным условием успешной интерпретации является наличие предварительного знания о предмете исследования. Такое знание предмета является основанием для получения новых смыслов, которые опосредуют расширение области знания предмета. В качестве основы здесь выступает так называемый наличный или имеющийся опыт; именно он опосредует восприятие и понимание особенностей исследуемой проблематики, помогает выявить новые аспекты, которые нуждаются в истолковании. Таким образом, процесс понимания осуществляется благодаря соответствию познанного, известного знания и вновь приобретенного. При этом происходит обогащение знания предмета исследования за счет появления новых смыслов и нового знания в целом.

Следует выяснить, какова роль *наличного знания* в этом процессе? Этот тип знания восходит к опыту повседневности и воспринимается как типичное или очевидное, достоверное; именно такой тип знания выступает ориентиром в углублении понимаемых смыслов, в оценке происходящих явлений или изучаемых научных фактов. *Наличное знание* фиксирует субъективные проявления обыденного опыта. Вместе с тем, оно организуется благодаря регулярности и повторяемости адекватно воспринимаемых событий, в силу понимания. Оценка понимаемых действий как раз и является результатом процесса их субъективной интерпретации. Этот процесс всякий раз возобновляется.

Интерпретация предполагает участие такой когнитивной способности, как восприятие, и уже на этом уровне происходит «считывание»,

расшифровка смыслов и определение их значений (буквальных, символических, мистических, иносказательных и т.д.). Тем самым создаются внутренние основы для формирования личностного знания. Оно не ограничивается исключительно личностным опытом (индивидуально полученным смыслом), но опосредовано внутренними интенциями, которые приобретают социальный характер, выраженный посредством производства значений и смыслов.

Соотношение элементов «внутреннего» (интенционального) опыта и «внешнего» (социального) знания подразумевает деятельность интерпретации. Это происходит во всех случаях, касающихся получения знания и личного опыта. Причем личный опыт понимания, или так называемые когнитивные практики⁸³ основываются на предпонимании, которое мы рассматриваем и как когнитивную деятельность и как феномен процесса понимания.

Особо выделим значение и влияние акта предпонимания, основанием которого является наличие *предварительного* знания о предмете или ситуации, полученного в результате субъективного внутреннего опыта. «Предпонимание, – пишет Е.Н. Шульга, – выступает одновременно как категория описания, выяснения и одновременно как элемент воссоздания смысла»⁸⁴. Это значит, что актом предпонимания в интерпретации как деятельности обеспечивается возможность сопоставления индивидуальных подходов, взглядов и даже контекстов, что, в конечном итоге, делает понимание одного человека другим доступным, приоткрывая скрытые смыслы.

Специфика феномена предпонимания раскрывает себя благодаря участию социального начала, которое имеет место в любой человеческой деятельности, в том числе и в познании. Эта специфика «социальности»

⁸³ См. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010.

⁸⁴ Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: ИФ РАН, 2004. С. 33.

выражается в наличии у человека установок, стереотипов понимания, позволяющих соотнести собственный, индивидуальный опыт (предпонимание, личностное знание) и уже имеющиеся смыслы, касающиеся интерпретации явлений. И эта когнитивная практика опирается на *наличное знание*, которое человек интерпретирует в нужном контексте.

Следует подчеркнуть, что процесс интерпретации – это всегда творческий акт, и он включает в себя последовательный ряд методологических шагов. Описание этой последовательности важно для понимания самого процесса интерпретации на его когнитивном уровне, а также для объяснения процесса научного познания, направленного на решение той или иной проблемы. На начальном этапе интерпретации необходимо выявить основной или первоначальный смысл изучаемого (объекта, предмета, проблемы), представляющий собой уже известный и общепринятый смысл исследуемого текста, понятия или явления. Поиск и реконструкция такого смысла происходит посредством выявления смысла ключевых понятий, которые имеют ценностное значение для исследования.

Здесь необходимо отметить, что эпистемология и, в особенности философская герменевтика, традиционно исследуют проблему интерпретации применительно к социально-гуманитарному познанию. Специфика его связана, главным образом, с особенностью самого предмета гуманитарного исследования и основополагающего способа его конструирования. В наиболее общем виде специфику гуманитарного знания можно характеризовать как направленность на получение смыслов и их конкретизацию. Так, Э. Панофский (1892 — 1968) отмечает в этой связи, что: «гуманитарий, имеющий дело с человеческими поступками и творениями, неизбежно вовлекается в мыслительный процесс, синтетический и субъективный по своему характеру; ему предстоит умозрительно воспроизвести эти поступки и творения. Именно в результате этого процесса объекты гуманитарных наук обретают реальное бытие. Ибо очевидно, что человек, занимающийся историей философии или скульптуры, уделяет все

свое внимание книгам и статуям не потому, что они материально существуют, а потому, что они имеют смысл. Не менее очевидно, что это значение можно постичь лишь воспроизведя его, а следовательно, «реализовав», в буквальном смысле этого слова, мысли, выраженные в книгах, и художественные концепции, воплощенные в статуях»⁸⁵.

Помимо особенностей предмета и объекта исследования в случае с гуманитарными науками имеет свои особые черты и интерпретация такого рода знания. Э. Бетти отмечает, что объект интерпретации в этом случае всегда уже несет в себе определенный, заложенный автором текста или деятелем смысл. Поэтому отношение между субъектом и объектом истолкования, характерное для любой познавательной деятельности, здесь проявляется особым образом. Перед интерпретатором стоит задача не только обнаружения очевидных смыслов и связей, содержащихся в исследуемых смыслодержающих формах, но и распознать в них мысли и смыслы, заложенные творцом (автором текста). Можно сказать, что понимание, наступающее в результате такой реконструкции смыслов, «представляет собой познание заново и повторное конструирование смысла»⁸⁶.

В этом состоит диалектика интерпретации. С одной стороны, требование объективности данного процесса и его результата, следование и соответствие содержанию и смыслу исследуемого предмета, а с другой стороны, необходимо сохранение и раскрытие субъективности (субъективной позиции) автора, и при этом весь процесс истолкования раскрывается посредством субъективности познающего субъекта.

Помимо установок, характерных для познавательной деятельности в целом, выделяются принципы, способствующие успешной интерпретации. Так, Э.Бетти определяет их как каноны⁸⁷, которые делятся на две группы: характеризующие отношение к объекту и к субъекту истолкования. К первой

⁸⁵ Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Гуманитарное агенство «Академической проект», 1999. С. 24-25.

⁸⁶ Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011. С.24.

⁸⁷ Там же. С. 28-41, 118-121.

группе он относит каноны герменевтической автономии субъекта и целостности или смысловой связности, предполагающие, что искомый смысл должен быть извлечен из формы исследуемого объекта с учетом контекста и учитывать мысль автора, а не вложен произвольно, более того, должна учитываться взаимосвязь и взаимозависимость смыслов целого (объекта) и его составных частей.

Вторая группа канонов направлена на определение позиции субъекта в процессе истолкования. Эти каноны подразумевают использование уже имеющегося у интерпретатора-исследователя определенного опыта, и включают в себя: прием аналогии и канон смысловой адекватности или смыслового соответствия. В этом последнем случае предполагается, что толкователь приводит в определенное соответствие смыслы, которые известны субъекту, со смыслами, заключенными в объекте, выявленными в процессе интерпретации. Тем самым использование «канонов» в практике интерпретации способствует непредвзятому пониманию. В целом, такой подход, предложенный Э. Бетти, близок к тем познавательным установкам, которые выдвигал в своё время Р. Декарт, рассуждая о необходимости получения *достоверного* знания.

Ключевой принцип интерпретации состоит в перенесении уже известных смыслов на новую исследовательскую почву. Именно в придании смысла состоит качественное отличие интерпретации от других методов научного познания, поскольку все иные способы и принципы познания и выражения полученного знания, в частности, объяснение, нацелены, главным образом, на познание сущности явления, на выявление закономерностей их внутреннего развития и формулировании законов.

Несмотря на все многообразие видов объяснения (причинные, функциональные, структурные), они не отвечают на вопрос: в чем состоит смысл событий и явлений, которые изучают гуманитарные науки? Дело в том, что любая деятельность человека является целенаправленной и наполненной смыслом. Помимо явных значений и смысла деятельности,

объект интерпретации такого рода интеллектуальной деятельности всегда содержит в себе изначальный или буквальный смысл, отыскиваемый интерпретатором, или же иносказательный, отсылающий к смыслу совершенно иного уровня, например, к экзистенциальному смыслу. Тем самым перед интерпретатором стоит двойного рода задача: обнаружение очевидных смыслов, которые выявляются на основе связи понятий, и распознавание иных, более сложных смыслов. Поэтому возникает проблема, как совместить эти различные смыслы и при этом не потерять общего значения и даже пафоса анализируемого текста, артефакта или события. Для решения этой проблемы мы обнаруживаем попытки подняться в интерпретации до уровня понимания автора текста или понять условия того или иного события или же встроенность артефакта в «контекст» культуры.

Так, Д. Дэннет, пытаясь подойти к решению этой проблемы, отмечает, что интерпретация строится на основании выдвижения частных (индивидуальных) гипотез о предполагаемых намерениях автора текста или значении артефакта⁸⁸. Формулирование гипотез относительно интенций автора в этом случае осуществляется на основании принятых норм и правил (нормы употребления языка, культурные, религиозные, социальные установки). Важно при этом, что все появляющиеся истолкования имеют право на существование.

Для успешной интерпретации необходимо учитывать традицию истолкования, включать культурно-исторический контекст, сопоставлять интерпретируемые тексты с оригиналом (например, различные переводы). В этом случае можно утверждать, что именно культура как социальный феномен задает ориентиры правильного понимания, исходя из восприятия интерпретатора и его подготовленности, но при этом в скрытом виде несет в себе «понимание мира» и заключенных в нем смыслов. На это указывает, в частности, М. Коул, который пишет, что «любая информация для нашего

⁸⁸ См.: *Dennett D.C. The Interpretation of Texts, People and Other Artifacts // Philosophy and Phenomenological Research*, L, Supplement, 177-94, Fall 1990; reprinted in *M.Losonsky* (ed.). *Language and Mind: Contemporary Readings in Philosophy and Cognitive Science*, Blackwells, 1995.

разума изначально существует в культурном контексте, и только само наличие этого культурного контекста делает возможным реализацию нашей системы восприятия»⁸⁹.

Таким образом, благодаря интерпретации осуществляется обогащение смысловых контекстов, которые способствуют наилучшему пониманию объекта интерпретации, и это касается не только текста, но и субъекта (толкователя или комментатора). В процессе этой творческой деятельности происходит уточнение изначальной исследовательской позиции и создаётся целостная картина интерпретируемого. Вместе с тем процесс интерпретации предполагает формулирование конкретных положений, намеченных автором текста, или касающихся проблемы в целом, которая как раз и обусловила необходимость интерпретации. Результаты истолкования могут быть выражены в виде гипотез, теорий и концепций, которые выдвигает комментатор. При этом процесс интерпретации как когнитивная, интеллектуальная способность человека характеризуется как бесконечный в том смысле и уже только на том основании, что бесконечен процесс познания и приобретения знания. По этой причине деятельность по истолкованию того или иного объекта нашего познания (точно так же, как и текста) не может рассматриваться как завершённая; она остается актуально открытой и бесконечной, и ни один результат интерпретации не может рассматриваться как абсолютно законченный или окончательно верный и полный.

Часто проблема интерпретации рождается из прикладных практических задач, имеющих своей целью понимание. Главным теоретико-познавательным вопросом при этом является обоснование цели и задач истолкования, исходя из которого, происходит выбор методологических приемов и принципов, адекватных объекту истолкования и используемых для получения корректного решения проблемы. В свою очередь, понимание, как сопряженное с постижением специфики внутренних когнитивных процессов

⁸⁹ Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997. С. 226.

субъективного свойства, с необходимостью выводит проблематику интерпретации на фундаментальный уровень исследования, делает необходимым поиск новых аргументов в пользу относительно самостоятельного статуса теории интерпретации. Это обстоятельство является важным стимулом в развитии представлений об интерпретации в целом, в том числе в связи с рассмотрением условий формирования методологии интерпретации. Этот вывод связан с тенденцией поиска универсальных, общекультурных оснований, которые позволят ограничить релятивизм в отношении гуманитарного знания, полученных выводов и результатов.

В подтверждении этой мысли, нельзя не отметить, что в этом направлении уже осуществляется определенная исследовательская работа. Так, Е.Н. Ищенко, указывает на специфику этой проблемы, подчёркивая мысль о том, что «тенденция к получению общезначимых, интерсубъективных выводов в современных гуманитарных науках приводит к необходимости ее адекватного философского осмысления и обоснования»⁹⁰. Развивая эту мысль, следует подчеркнуть, что проблема понимания может быть выведена за рамки философской герменевтики, и может изучаться другими науками (филологией, историей, психологией, культурологией, антропологией, социологией и т.д.). При этом методологический аспект теории интерпретации всегда будет присутствовать в исследованиях такого рода.

Безусловно, интерпретация сопровождает процесс познания и направлена на решение конкретных познавательных задач. Познание и интерпретация как взаимосвязанный процесс внутренней интеллектуальной деятельности человека способствуют ориентации человека в мире, поскольку направлены на обогащение имеющегося знания и освоение миропонимания (картины мира). Как отмечает, например, Х. Ленк – автор идеи

⁹⁰ Ищенко Е.Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 75.

интерпретационного конструкционизма, – «нет независимого от интерпретации подхода к миру, ни в области познания, ни в сфере деятельности, ни где-либо еще»⁹¹. Поскольку интерпретация сопровождает повседневный опыт человека, его опыт общения неминуемо основывается на интерпретативной деятельности. Методология интерпретации философского, научного, религиозного текста является основанием для методологии интерпретации на уровне повседневности. Для того чтобы наметить связи между методологией философской интерпретации и её ролью в понимании обыденного знания, необходимо найти связующее звено в сфере конкретного гуманитарного знания. Тем самым будет соблюдено методологическое требование перехода от философского уровня исследования условий интерпретации к научному. Здесь философская методология интерпретации получает свой конкретный вид, соотнося (и сочетая) универсальные методы интерпретации со специальными, адекватными объекту конкретной гуманитарной науки. Наконец, от них – к обыденному опыту коммуникации и истолкования, опирающемуся на повседневное знание. Это значит, что проблема интерпретации приобретает новый аспект исследования. Понимание исследуется в широком социокультурном контексте, раскрывается на коммуникативном уровне. Это делает необходимым включение культурно-исторического контекста исследования. Предполагается выделить общие черты интерпретации в сфере исторического знания и культурологии, понимаемой в широком значении – как понимание различных культур, так и отдельных артефактов и явлений культуры. Это позволит ответить на вопрос: как общие принципы интерпретации проявляются и применяются в конкретных областях гуманитарного познания?

⁹¹ Ленк Х. Схемные интерпретации и интерпретационный конструкционизм // Научные и вненаучные формы мышления. Симпозиум. Москва, 4–9 апреля 1995 г. Москва – Киль, 1996

2.4. Специфика интерпретации в социо-культурной деятельности и исторической перспективе

В диссертационном исследовании показано, что познание связано с интерпретацией как деятельностью, направленной на решение вопросов понимания, рассматриваемых в философском контексте, который включает в себя различные аспекты, в частности, когнитивного и эпистемологического характера. Широкое проблемное поле философии понимания и интерпретации предполагает решение вопроса о применимости методов интерпретации в самом широком социо-культурном контексте. Особое место и значение для перспектив развития теории интерпретации занимает вопрос классификации методов интерпретации, которая строится на основании распределения специальных методов гуманитарного познания, используемых в каждой конкретной гуманитарной сфере, а также предполагает выявление таких методов интерпретации, которые отвечают задаче поиска универсальных принципов и методов толкования. На этом пути решения задачи особую роль играет поиск философских оснований для такого рода классификации методов. Мы исходим, прежде всего, из специфики социально-гуманитарного познания и определения философского участия в каждой конкретной области науки. Речь идет о выявлении философских вопросов гуманитарных наук и определении значения интерпретации в этих науках.

Гуманитарные науки представляются наиболее близкими к тем аспектам философского познания, где «задействованы» вопросы познания и понимания сущности процессов человеческого мышления, специфики социальной жизни человека, наконец, его интеллектуального творчества. В первую очередь, когнитивных особенностей процесса познания, понимания и мышления (т.е. всего того, на чём основывается человеческое мышление и сознание, их когнитивные составляющие). Интерпретация – это

эпистемологический и творческий процесс. Поэтому интерпретируя и реконструируя знания в этой сфере, исследователи применяют, наряду с когнитивными, и герменевтические подходы, изучая тексты, представленные конкретными гуманитарными науками (литературы, истории и культуры в целом). При этом когнитивные аспекты процесса познания (восприятие, мышление, воображение, фантазия, память, речь, язык, предпонимание и их формирование) рассматриваются как актуальные проблемы современной когнитивной науки⁹².

Интерпретировать тексты, в том числе широко понимаемые «тексты культуры», означает проникнуть в их содержание, понять их смысл. Но и целый мир наблюдаемых объектов может быть представлен как совокупность смыслов, создаваемых гуманитарными науками. Наряду с ними, о понятии «текст культуры» рассуждают исследователи, рассматривающие образцы культуры и специфику процесса художественного творчества. Это не только искусствоведы и историки, но философы, пытающиеся понять и проникнуть в глубины человеческого мышления, творчества и психологию. Множественность и разнообразие объектов культуры, которые человек стремится познать и понять, делает актуальной необходимость каким-то образом систематизировать воспринимаемую информацию, придать ей определенный философский смысл. В связи с этим особое значение приобретает задача поиска оснований для классификации методов, наряду с выбором наиболее адекватных методов понимания смысла объектов нашего философского изучения. Эта «адекватность» касается интерпретации объектов и предметов со своим собственным содержанием. Такой принцип оценки мы рассматриваем как основание для систематизации принимаемых методов интерпретации. Поэтому первая классификация, по

⁹² См. *Кудряшова Т.Б.* Роль пространственного воображения в формировании и развитии способностей к категоризации // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2011. С. 32-36. *Баксанский О.Е.* Когнитивная наука и проблемное поле философии образования // Там же. С. 12-26. *Дубровский Д.И.* Психическая причинность и когнитивные процессы: информационный подход // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2012. С. 10-19. *Кудряшова Т.Б.* Феноменология идеальных объектов науки: образовательный аспект // Там же. С. 49-58.

сути дела, уже известна исследователям – это разделение знания на естественнонаучное и гуманитарное. Сложность определения специфики методов гуманитарной сферы обусловлена тем объективным обстоятельством, что для современного научного познания в целом характерна междисциплинарность и комплексный подход к решению научных проблем. Расширение научного познания и появление новых наук, наряду с развитием классических дисциплин – всё это актуализирует поиск приложения методологии философской интерпретации.

Интерпретация обогащает имеющееся знание за счёт освоения множественности смыслов, что, в конечном итоге, способствует формированию миропонимания (созданию научной картины мира). Научная картина мира создается за счёт включения смыслов и образов – социальных, коммуникативных, поведенческих моделей, художественных образов и т.д. Здесь интерпретация способствует конкретизации социально-культурных аспектов проявления мировосприятия, способствует организации знания внутри картины мира, а это указывает на широкий спектр использования методов интерпретации этого наличного знания, вплоть до создания *философии интерпретации* как специального направления внутри самой философии. Возникает двоякого рода задача: с одной стороны, философская интерпретация способствует организации знания в систему, называемую «научная картина мира». С другой стороны, интерпретация позволяет распознавать специфику научного знания данном этапе его развития.

Без интерпретации не обходятся ни научное исследование, ни повседневный опыт жизни человека, его опыт общения, целью которого является понимание и взаимопонимание людей, которое предполагает оценку поступков, событий, слов, жестов и т.д. Такая сфера применения интерпретации в повседневной жизни не уменьшает значения проблематики интерпретации, рассматриваемой философией применительно к гуманитарному познанию в целом. Поэтому, чтобы выявить эвристическое значение методологии философской интерпретации и её роли в понимании

результатов, полученных той или иной гуманитарной наукой, необходимо найти *связующее звено* для объединения конкретного гуманитарного знания, философии и обыденного сознания. Такой подход, на мой взгляд, обусловлен спецификой междисциплинарности в решении современных научных проблем. Формирование научного знания подтверждает эту тенденцию. Именно интерпретация в её различных аспектах оказывается тем понятием философско-методологического содержания, которое объединяет философию, науку и обыденное познание.

Уместны ли герменевтические методы интерпретации в обыденном знании?

Как показывает история философской герменевтики, её методы, развиваемые по отношению к текстам с самым различным содержанием, оказываются эффективными и для анализа ситуаций социально-психологического, и даже обыденного характера. Совокупность исторически сформировавшихся принципов интерпретации такова, что некоторые из методов могут быть с успехом применены при анализе различных исторических событий и явлений социально-культурной жизни людей. Основанием здесь служит само отношение к понятию текст. Оно применяется к объектам, предметам, к самым разным событиям и явлениям (историческому факту, культурному объекту, коммуникативному акту и т.д.). Все многообразие интерпретируемого можно свести к понятию «текст». При этом важным принципом, который объединяет различные уровни смыслов «текстов», является тот глубинный смысл, который исследователь стремится обнаружить в каждом конкретном изучаемом случае. Здесь философская методология интерпретации получает своё практическое применение, и она может характеризоваться как «практическая философия», которая сочетает в себе универсальные методы интерпретации со специальными.

Основной методологический принцип, на который ориентируется исследователь, – это требование *адекватности методов* объекту исследования. Это значит, что результат интерпретации в любом

гипотетическом случае должен соответствовать содержанию данного рассматриваемого текста (события, факта, явления). Тем самым, философская интерпретация оказывается уместной по отношению к любого рода объектам, которые нуждаются в истолковании. Это позволяет сделать вывод, что методы интерпретации обладают общенаучным статусом, что, безусловно, не отвергает значение использования специальных методов интерпретации как эффективных и применяемых в каждой конкретной области знания и при решении конкретной задачи (как внутринаучной, так и междисциплинарной).

Остановимся на проблеме соотношения знания и понимания в связи с расширением сферы интерпретации применительно к широкому социокультурному контексту.

Неотделимость интерпретации от познания, понимания и знания выводит эту обозначенную нами проблематику в когнитивную сферу, что позволяет использовать результаты и терминологию когнитивных наук к социально-культурной сфере. Это может быть уместно в связи с глубинным пониманием контекста коммуникативного действия, относительно которого рассуждают исследователи. Кроме того, здесь важно учитывать, что эпистемологический переход к проблематике понимания и интерпретации можно обозначить путём постановки конкретных вопросов. Наряду с ответом на вопрос «Как читать?» или «Как понимать истинный смысл текста?», мы теперь вправе задаться вопросом «Как возможна коммуникация?». Такой вопрос не отменяет участие герменевтического подхода к коммуникации. Напротив, усиливает эпистемологическую роль уже известных методов применительно к анализу значения и смысла коммуникативных актов, нуждающихся в правильном понимании и истолковании. При этом герменевтический подход оказывается эффективным в понимании любых межличностных характеристик взаимоотношений людей. Однако объект интерпретации здесь нуждается в определении и спецификации.

Среди многочисленных объектов интерпретации, отдельного рассмотрения заслуживают множественные явления социально-культурной жизни, наряду с оценкой отдельных коммуникативных актов. Интерес и актуальность изучения проблемы понимания к обозначенной сфере наблюдается не только в работах современных философов⁹³, но и социологов⁹⁴ и политологов⁹⁵. Здесь интерпретацию можно характеризовать как своего рода «считывание» смысла поведенческих реакций человека.

Толкуя и пытаясь понять друг друга, мы истолковываем *Другого*, стремимся понять смысл ситуации коммуникации с целью наилучшего взаимопонимания. При истолковании здесь учитываются социальные и психологические моменты: анализируется сама ситуация в целом, интерпретируется аргументация, оценивается речь, её стиль и характер. Наряду с этим важно схватывание пониманием невербальных элементов коммуникации (мимика, жесты, подтекст, мотивация и т.д.). В целом, результат общения мы можем характеризовать как способ передачи информации, трансляции знания, сведений, эмоций, наконец, мы оказываемся в состоянии «считывать» скрытый подтекст, который содержит в себе речь, контактирующих друг с другом людей. В этом процессе необходимо участие интерпретации. Например, подтекст может содержать такие скрытые моменты, как мотивы, ожидания, страхи, и задача участников коммуникативного акта состоит в том, чтобы распознать их и, не указывая на них как узнанные, принимать во внимание.

Понимание, осуществляемое на уровне коммуникативного акта сознательного восприятия можно характеризовать как творческий процесс, направленный на воссоздание смысла этого акта коммуникации, в том числе скрытого. Этот аспект проблемы истолкования представлен в работах

⁹³ Это работы отечественных исследователей: Антоновского А.Ю., Бесовой И.А., Дубровского Д.И., Ивина А.А., Касавина И.Т., Князевой Е.Н., Моркиной Ю.С., Смирновой Н.М., Шульги Е.Н. См.: Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФ РАН, 2012. 296 с.

⁹⁴ См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.; работы И. Гофмана, В.С. Вахштайна.

⁹⁵ Яноу Двора, ван Хульст Мерлин. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение, Т. 10, № 1-2. 2011. С. 87-113.

И.Т.Касавина, который пишет: «использование смыслов невозможно вне "пропускания их через голову", вне сознательного промысливания, осмысления при построении той же коммуникации, деятельности или культурных артефактов. Смысл артикулируется человеком в речи, актах именовании, интерпретации, рассуждения и встраивается в те явления, которые без таких процедур смыслом не обладают»⁹⁶. Тем самым постоянную деятельность интерпретации следует характеризовать как естественную необходимость, выработанную в процессе когнитивной эволюции человека и обеспечивающую успешное сосуществование людей.

Можно выдвинуть предположение, что «программа деятельности, поведения и общения» формируется на основании использования совокупного социального опыта и исторического контекста (традиции, того, что составляет культуру поведения и общения). Тем самым концепция философии интерпретации обогащается за счёт привлечения деятельностных характеристик, восходящих к *продуктивной* и *репродуктивной* деятельности сознания, направленной на производство и воссоздание смыслов, понимаемых и рассматриваемых в контексте ценностных, *культурных смыслов*⁹⁷.

Тем самым этот новый аспект изучения интерпретации, попадая в орбиту гуманитарных наук (философии, политологии, социологии, культурологи, истории искусства, археологии и т.д.), расширяет сферу применения методологии интерпретации. Встаёт вопрос: что определяет эффективность интерпретации в этих гуманитарных сферах? Как возможна успешная интерпретация коммуникативных актов и смыслов действий людей в условиях повседневности?

«Мир смыслов» человека образуется благодаря освоению и присвоению культурных смыслов, приобретенного знания и опыта

⁹⁶ Касавин И.Т. Коммуникация и творчество // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФ РАН, 2012. С. 20.

⁹⁷ Имеются в виду культурные смыслы, которые продуцирует сознание человека, в отличие от смыслов культуры, понимаемых как язык, артефакты, произведения искусства и т.д.

повседневности. Их реализация осуществляется благодаря коммуникации. В результате формируется миропонимание отдельного человека. Этот «персональный мир» можно характеризовать как частную картину мира. При этом человек рассматривается одновременно и как часть мира культуры, как носитель смыслов универсума. Познавая, человек действует в мире и при этом осознает свои действия как реально осуществляемые и направленные на освоение действительности во всём её многообразии, а это значит, что и действует он в зависимости от того, *как* он ее познает.

Рассматривая специфику когнитивного аспекта интерпретации, следует отметить, что процесс познания представляет собой не только фиксацию в сознании связей, отношений, явлений, процессов и закономерностей, существующих в окружающем мире, но предполагает их реконструкцию. Эта интеллектуальная деятельность осуществляется на основе когнитивных репрезентаций, благодаря которым происходит создание определенного образа мира. На этом когнитивном этапе формирования частной картины мира, или образа мира, интерпретации придаётся особое значение. Интерпретация направлена на осмысление и понимание действительности (её событий, явлений, фактов) и по сути дела представляет собой непрерывный процесс создания когнитивных репрезентаций, которые, в конечном итоге, оформляются в непротиворечивую картину мира⁹⁸.

Таким образом, основой для любой интерпретации мира и *Другого* является уже имеющийся опыт, добытый лично в процессе познания и деятельности и/или воспринятый от других людей, который опосредует последующее восприятие. А. Шюц⁹⁹ (1899 – 1959) отмечает, что опыт познания формирует *наличное знание*, и оно дано как *типичное*, выступает ориентиром в понимании и оценке происходящих явлений. В случае, когда *Другой* своим поведением, своей реакцией подтверждает ожидаемые

⁹⁸ О репрезентативном характере субъективной модели мира пишет, в частности, *Баксанский О.Е.* в работе *Когнитивные репрезентации: обыденные социальные научные*. – М.: Либроком, 2009.

⁹⁹ *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 7-18.

типические соответствия, что находит отражение в языке, речи, поведенческой реакции и, тем самым, квалифицируется как обогащение содержания опыта коммуникации. В свою очередь, любое недопонимание, вплоть до асоциального поведения, хотя и прибавляет опыта общения, нивелирует саму задачу наступления взаимопонимания. К слову замечу, что эта тема требует специального рассмотрения, однако, имеет отношение к проблеме интерпретации в случае коммуникации, целью которой является взаимопонимание. Здесь нельзя не отметить, что в соответствии с биографической ситуацией индивида выделяются индивидуальные, характерные особенности изучаемой ситуации коммуникации. Так, биографическая ситуация предполагает зависимость от социально-культурной среды, статуса и роли познающего субъекта, рассматриваемого в пределах социальной системы, т.е. с точки зрения его морали, нравственности, политизированности, и т.д. Этот «биографический аспект» учитывается самим субъектом и его интерпретаторами как с точки зрения возможных поведенческих реакций, действий, так и в их оценке. В случае оценки соотношение типичного и индивидуального рассматривается как первый шаг к пониманию *Другого*. Поэтому именно система релевантностей по отношению к наличной цели выявляет элементы, характерные для понимания *Другого*, и устанавливает их как типичные или уникальные в данной ситуации.

Когнитивный характер интеллектуальной творческой деятельности предполагает интерсубъективность. Интерпретация человеком явлений повседневной, социальной и культурной жизни становится возможной в силу интерсубъективного характера получения им знания (и трансляции знания). Поэтому интерсубъективность можно характеризовать как главное условие социальной интерпретации, как условие возможности понимания *Другого* и взаимопонимания. Оно осуществляется только в силу того, что существует внутренняя установка человека на то, что *Другой* обладает соизмеримым с ним объемом знания и близким набором культурных смыслов, что, в

конечном счёте, определяет уверенность в возможности взаимопонимания. На этот аспект формирования образа мира обращает внимание, в частности, А. Шюц, который считает, что восприятие образа личности *Другого* формируется в сознании на основе тех ожиданий, которые рассматриваются как *типичные черты* поведения и мышления, исходя из опыта общения в прошлом. Эти типичные черты характерны для всех людей.

Интерсубъективность характеризуется как свойство самого человеческого мира, который предстает перед ним как наделенный смыслами. Как пишет, например, Е.Н. Шульга, «смыслы входят в канву считываемой действительности и составляют целый мир – мир смыслов. <...> Поэтому задача интерпретации (понимания) здесь предполагает реконструкцию имманентного смысла, которым наделён мир вещей и предметов, событий и актов коммуникации»¹⁰⁰.

Согласно А. Шюцу, существует три аспекта проблемы социализации знания, открывающие его для интерпретации¹⁰¹. Это взаимность перспектив (структурная социализация знания); социальное происхождение знания (его генетическая социализация) и социальное распределение знания. «Тезис взаимных перспектив» предполагает, что при безусловном существовании индивидуальных различий в восприятии явлений возможно преодоление индивидуальных перспектив. Основанием здесь выступают определенные идеализации: установка взаимозаменяемости точек зрения и совпадение систем релевантностей. Общий смысл тезиса взаимных перспектив приводит к формированию общего, типизированного знания, восприятие которого может совпадать у различных индивидов. Такое знание анонимное, объективное, выступает, как знание «каждого». Значение типизаций в опыте познания социальных проявлений взаимопонимания и коммуникации на основании особенности их восприятия отмечают также П. Бергер и

¹⁰⁰ Шульга Е.Н. Интерсубъективные аспекты интерпретации и понимания в коммуникативных процессах / Интерсубъективность в науке и философии. М.: Канон+, 2014. С. 304.

¹⁰¹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 14-18.

Т.Лукман. Они рассуждают о повседневной реальности как выражении повторяющихся социально-культурных образцов поведения, общения и т.д. Авторы пишут: «Социальная структура — это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия»¹⁰². Социальный запас знания конструирует повседневную реальность и при этом определяет ее по степени знакомства. Он предоставляет индивиду набор схем типизации, необходимых для правильного, адекватного понимания большинства социальных ситуаций – событий, фактов, процессов, других людей.

Безусловно, не все события поддаются типизации и определению. Такой класс событий В.С. Вахштайн¹⁰³ предлагает называть абсолютными или «абсолютными событиями первого рода». Они носят предельный характер, не вписываются в рамки привычных, но при этом их невозможно не заметить. Бернхард Вальденфельс дает наглядное описание данного класса событий: «Часто неизвестное является нам в соединении внезапного и могущественного. В первую очередь это относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения индивидуального и коллективного жизненного порядка, а точнее, к рождению, периоду половой зрелости, к полетам воображения, к болезни и смерти, а также к закладке города, к войнам и революциям, к возникновению Вселенной и природным катастрофам и часто встречающимся сегодня крупным авариям»¹⁰⁴. Такие события, с одной стороны, не вписываются в структуру повседневности, но, с другой стороны, иным образом определяют социальный порядок и встраиваются в систему восприятия мира. При повторениях они подвергаются процессам де-абсолютизации (например, для этого могут использоваться эффекты «априоризации», «отстранения», «типизации»,

¹⁰² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 22.

¹⁰³ Вахштайн В.С. На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение, Т.10, №3. 2011. С. 79-94.

¹⁰⁴ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М.: Прогресс. 1991. С. 42.

«рационализации», «рутинизации», «профанации», «институализации» и «детализации»¹⁰⁵. В целом, эти процессы превращают такого рода события в привычные и повседневные, создавая соответствующие когнитивные схемы для их восприятия и понимания. В результате создаются новые схемы, призванные объяснить специфику процесса понимания и интерпретации таких «абсолютных» событий.

Социальное происхождение любого знания очевидно. В течение жизни человек учится постигать мир самостоятельно и с помощью других людей. Он определяет типичные черты окружающей среды и её объектов, стремится «строить типичные конструкты согласно системе релевантностей, соответствующей анонимной унифицированной точке зрения "мы-группы"»¹⁰⁶. Эти знания касаются образа жизни, способов взаимодействия со средой, а так же типичных ситуаций, целей и практических рекомендаций по их достижению. При этом знание социально распределено; оно многообразно и различается по степени отчетливости, ясности, точности.

Для наших целей важно не только указать на условия, организующие социально-исторический опыт, рассматриваемый как объект герменевтического исследования, но и подчеркнуть мысль о том, что сама деятельность (поведение, общение людей) существует и транслируется благодаря знаковому закреплению социально-исторического опыта. Это значит, что философия интерпретации учитывает многоплановую направленность, включает опору на социальный контекст и учитывает многообразие различий по степени точности знания, подлежащего интерпретации.

Его специфику пытались определить многие мыслители прошлого и современные исследователи. Так, немецкий философ Ганс Липпс (1889 – 1941) рассматривал человека и «действительность человека» в духе немецкой пост-классики середины XX в. через анализ опыта повседневности, в его

¹⁰⁵ Вахштайн В.С. На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение, Т.10, №3. 2011. С. 85-92.

¹⁰⁶ Шюц А. Структура повседневного мышления//Социологические исследования. 1988, № 2.

непосредственном обращении с вещами, «изначальном» обращении к миру. Г. Липпс предлагает использовать психологическое обоснование логики через герменевтику и рассматривает человека, его речь, язык как отправную точку в своей аргументации.

«Такой ракурс рассмотрения, — пишет И.А. Михайлов, — определен соответствующими пластами человеческой речи, не отраженными в современной Липпсу логической науке. Однако может ли обсуждение проблемы человека иметь непосредственное отношение к логике? Не ведет ли этот путь в направлении известного еще с конца XIX века психологического обоснования логики? Отправную точку философствования Липпса характеризует еще и убеждение в том, что вопрос о «человеке», с одной стороны, и вопрошание о «речи», «языке» — с другой — оказываются, в конечном счете, вопросами об одном и том же. Речь, язык <...> служат ключом к пониманию тайны человеческого бытия, его экзистенциальности»¹⁰⁷.

Но что есть «повседневность» человека, с характеристики которой начинает своё исследование Г. Липпс? Для философа это прежде всего сама жизнь и формы «говорящего и мыслящего поведения», из которых выводится понимание форм логики.

«Тогда новая логика, — отмечает И.А. Михайлов, — анализируя логические формы, выполняет по отношению к жизни, их питающей, функцию истолкования, т.е. герменевтическую. Эта логика не довольствуется, поэтому, анализом ставших форм. "Она начинается с ситуации [в том ее виде] как та отливается в слово» (I, 20)"»¹⁰⁸.

Жизненную полноту мира составляет не только язык, его содержание, понимание связи языка и смысла, образа и понятия и т.д. Человек находится под постоянным влиянием культуры. Культура в её современном понимании

¹⁰⁷ Михайлов И.А. «Герменевтическая логика» Ганса Липпса // Точки. Ежеквартальный католический журнал, посвященный проблемам религии, культуры и общества. 3-4/2/2001. С. 131-132.

¹⁰⁸ Михайлов И.А. «Герменевтическая логика» Ганса Липпса // Точки. Ежеквартальный католический журнал, посвященный проблемам религии, культуры и общества. 3-4/2/2001. С. 132.

рассматривается как социальный организм, сформировавшийся в результате творческой активности и деятельности людей¹⁰⁹. Культуру часто противопоставляют или соотносят с цивилизацией; именно в ней находят отражение всё те же, обнаруживаемые в языке и понимании связи вещей и отношения людей, представленные различными большими или малыми социальными группами.

Культура задает ориентиры для отражения структуры и смысла мира, использования значений, способа репрезентации знаний и т.д. Все это опосредует выработку убеждений, мнений, способствует выявлению условий получения знания, выступающего в форме пред-рассудочного, определяет и опосредует формирование предубеждений и т.д. На этой основе создаются образ мира и схемы¹¹⁰ восприятия и интерпретации наблюдаемых событий и явлений.

Социокультурное пространство истории составлено многочисленными образами, создаваемыми смыслами, символами и текстами культуры. Личность оказывается внутри текстового пространства культуры, но при этом проживает и осмысливает себя как часть жизненного мира, интерпретируя его образы, наполняя их новым содержанием и контекстом.

Итак, как можно заметить, не только сама интерпретация расширяет область своего применения, но и философия интерпретации должна квалифицироваться как специальная область внутри философского знания, которая предстаёт и часто рассматривается в контексте становления теории интерпретации. Это, в свою очередь, предполагает типологизацию знания, выстраивание чёткой методологии, где методы интерпретации предстают как частные, специальные, наряду с универсальными.

Развивая свой научный аппарат, философская теория интерпретации основывается на самых разных аспектах интерпретации, расширяет свою

¹⁰⁹ Этот вопрос подробно разрабатывался *Стёпиным В.С.* в работе *Человеческое познание и культура*. СПб.: СПбГУП, 2013. 140 с.

¹¹⁰ Схема используется не в смысле схематичности нашего мировосприятия, а для указания возможности моделирования нашего восприятия и описания его как типичного, подвергающегося классификации.

базу (теоретическую, методологическую, логическую), включая в сферу своих интересов язык, тексты, образы, язык искусства, наконец, рассматривает в качестве объекта интерпретации культуру в целом.

Так, понимание особенностей различных культур возможно в форме антропологической интерпретации, которая осуществляется на уровне изучения религий, верований, проявлений моральных норм, социальных процессов, функционирования политических и экономических систем и отношений. В качестве методологии исследовательской деятельности на этом пути известный антрополог К. Гирц (1926 — 2006) выделяет «разбор смысловых структур, <...> а так же определение их социального основания и социального значения»¹¹¹. Собранные свидетельства, документы и описания наблюдений составляют эмпирическую базу исследования, на основании которой в дальнейшем строится концепция, и выдвигаются теоретические положения и обобщения. Согласно такой установке *антропологическая интерпретация* рассматривается как возможность понимания особенностей различных культур, их норм и традиций и т.д. Кроме того, антропологическая интерпретация осуществляется посредством сбора данных, изучения социального дискурса, выдвижения отдельных положений, формулирования выводов и создания текстов, доступных для дальнейшего анализа. Отмечу, что эти положения применимы как к гуманитарной сфере, так и к естествознанию. Интерпретация так же широко используется в науках о природе, однако, этот конкретный аспект интерпретации требует самостоятельного исследования. Важным аспектом здесь может выступать проблема применимости герменевтических методов к естественнонаучной области знания. Особое место в этом круге проблем занимает культура, которую я рассматриваю как текст, с целью выяснения условий интерпретации той или иной культуры.

¹¹¹ Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 16.

Рассмотрение общественных форм и отношений является одновременно и предметом и материалом культурной (или антропологической) интерпретации. Следует обратить внимание, что отличительной чертой анализа и понимания культуры выступает *неполнота её смысла*. Это касается *иных* культур, с другим менталитетом и уровнем развития и организации социальной структуры общества. «И, что еще хуже, – отмечает К. Гирц, – чем глубже он [анализ культуры] уходит, тем менее полным он предстает»¹¹². Исследователь культуры наблюдает за ней как бы со стороны, поскольку не принадлежит к данной изучаемой традиции народа. Такая отстраненность как раз и создает условия для вводимой нами *неполноты* смысла, которую следует раскрыть как содержательно, так и символически. Постигание смысла в этом случае зависит от таланта и мотивации исследователя-интерпретатора. Важно, что он не должен ограничиваться привычными или субъективными установками и выводами, и непредвзято оценивать изучаемый пласт культуры, поскольку специфика культуры проявляется непосредственно в её бытии. Другими словами, исследователь не имеет права приписывать *иной* культуре нормы мировосприятия и образцы поведения, характерные для той среды, в которой он привык находиться. Такое бережное отношение к интерпретируемому материалу отвечает требованию обнаружения смыслов, наиболее близких характеру этой культуры, и сохранения смыслов *иной* культуры. Таким образом, методологические требования интерпретации сохраняют свой статус и по отношению к осмыслению *иной* культуры. Однако особенность изучения такого сложного объекта, как культура и её смыслы, выражается в том, чтобы выявить истинное значение и понять смысл наблюдаемых явлений культурного значения.

Особый интерес для определения специфики организации методологического опыта интерпретации для нас имеет обращение к такой

¹¹² Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 38.

сфере гуманитарного знания, как история. Именно история имеет непосредственное отношение к культуре и искусству, и эти гуманитарные сферы тесно соприкасаются, формируя целостную картину истории отдельного народа. Здесь память (культурная, социальная) рассматривается как отдельный объект изучения, в котором воспоминания зафиксированы и при этом открыты для интерпретации. Основанием для понимания исторической сферы знания может выступать нарратив, т.е. повествование, понимаемое как форма фиксации и передачи информации через тексты культуры, истории, через «язык искусства».

Выделяя в качестве предмета изучения текст исторического содержания, мы не должны сводить процедуру интерпретации только к набору грамматических методов анализа языка или практики психологического вживания в текст, как на этом настаивал, например, В.Дильтей. Характеризуя исторический подход как метод понимания, приложимый к исторической науке, как объекту исследования, А.Меггил подчеркивает значение и необходимость обоснованности, аргументированности выдвигаемых положений и оценок. При этом он указывает на необходимость *внимательной* работы с источниками, наряду с использованием верной (адекватной, правильной) терминологии. Он настаивает на том, что «историки обязаны излагать материалы ясно. Чёткая аргументация включает в себя, во-первых, корректное использование свидетельств, приведение концептуальных и контрфактических аргументов (там, где это требуется) и постоянные усилия соизмерять весомость своих утверждений с силой того, что их подтверждает»¹¹³. Тем самым можно сделать вывод, что использование согласованных методов аргументированного анализа с методологией научного исследования, дополняет герменевтический подход.

Следует подчеркнуть, что одной из проблем при изучении текстов исторического содержания с их последующей интерпретацией является их

¹¹³

Меггил А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 89.

достоверность, т.е. они должны удостоверить нас в том, что содержат сведения о реально происходивших событиях¹¹⁴. Дело в том, что история всегда осуществляется определенными субъектами, будь то простой обыватель или лидер, руководящий, направляющий социальные группы или даже целые народы. Реконструкция истории в целом, описание её отдельных событий или фактов может характеризоваться как субъективная и быть отчасти фрагментарной, поскольку история раскрывается постепенно, через оценку, истолкование отдельных событий в определенном контексте. Поэтому закономерным является наличие различных истолкований одного и того же исторического события или факта истории. Важная задача историка и интерпретатора в этом случае состоит в том, чтобы выделить те аспекты и указать на те факты, которые представляются спорными (недостоверными или не подкрепленными). В этом последнем случае историк должен ограничиться гипотезой или выдвинуть собственную точку зрения относительно исследуемого события и не строить теорий и концепций, пока эта позиция не будет подтверждена новыми фактами, сведениями и дополнена верной и адекватной аргументацией. Только при этих условиях интерпретацию следует рассматривать как адекватную данному исследуемому историческому событию. Как можно заметить, выдвигаемая нами триада аргументация-интерпретация-методология оказывается эффективным способом исследования в исторической сфере. Кроме того с XX века возникает потребность не только в анализе и описании исторических фактов, их объективных и субъективных составляющих, но и интерпретация событий истории. «Под историческим исследованием стал пониматься не только процесс получения знания, — отмечает Н.М.

¹¹⁴ Эти вопросы широко представлены, например, в работах П. Рикёра. См., например, *Рикёр П. Время и рассказ*. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.; *Рикёр П. История и истина*. СПб. 2002.; *Рикёр П. Память, история, забвение*. М., 2004.

Дорошенко, – но и процесс понимания полученного знания, интерпретации готовой информации»¹¹⁵.

Кроме того, результаты *исторической интерпретации*, выраженные в форме теорий и концепций, подвергаются дополнительной проверке, которая не должна противоречить предшествующему историческому знанию в этой сфере, но может и должно корректироваться согласно новым источникам и сведениям. При этом понимание как особый способ философского освоения мира создает мировоззренческие структуры, которые затем оказывают влияние на все другие сферы интеллектуальной деятельности людей, включая социальное поведение.

Понимание, безусловно, предполагает оценку исторических событий и фактов, включает в себя и этическую составляющую, часто несет отпечаток моральной оценки. Таким образом, история человечества предстает как многозначный и многомерный континуум со своей собственной предметностью (над которой рефлектирует исследователь, учёный). В этой деятельности имеет значение как социокультурный и антропологический аспект понимания бытия, так и индивидуально-личностный, и оба эти аспекта учитывает интерпретатор. Поэтому дистанция между объектом и субъектом интерпретации может быть не только временной, но и концептуальной и включать в себя эстетическую, этическую, психологическую и иные составляющие. Как отмечает Р.Я. Подоль, «по своей философско-рефлексивной специфике, она [историософия] образует полинаучное когнитивное пространство, способствующее формированию большого количества альтернативных концептуальных интерпретаций всемирной истории, которые в системной совокупности и максимальной холистичности образуют общую теорию исторического процесса»¹¹⁶.

¹¹⁵ Дорошенко Н.М. Российская методология истории (философские подходы) СПб.: Изд-во «Нестор». 2005. С. 101

¹¹⁶ Подоль Р.Я. Теория исторического процесса как объект историко-философского анализа // Философия и методология истории: сб. научн. ст. III Всероссийской научн. конф., Коломна, 14-25 апреля 2009. Коломна: КГПИМ. 2009. С. 20.

Помимо непосредственно текстов, описывающих культурные, исторические и социальные реалии, немаловажное значение имеют различные артефакты культуры и искусства как носители определенных смыслов. Многие объекты искусства, будь то, например, картины, инсталляции, скульптуры, архитектурные сооружения требуют понимания в силу того, что могут истолковываться по-разному. Наиболее ярко это прослеживается при изучении текстов культуры или так называемого языка культуры, выраженного различной символикой. Как отмечает, например, Т.Б. Кудряшова, «специфика актуализации Внутренней формы языка искусства связана с опытом символизации в постижении истины-алетейи. <...> В искусстве символизация, как фундаментальная потребность человека, находит своё достойное развитие в совершенствовании языка»¹¹⁷. Такой подход делает актуальным изучение и сопоставление различных образов мира на основе интерпретации символов языка и знаков искусства.

Особенностью интерпретации в сфере культуры и искусства является то, что она не только опосредована социально-культурными особенностями или традициями, но каждое произведение искусства несет в себе данные, которые способствуют лучшему пониманию конкретного вида или области искусства, различных культурных феноменов, процессов и культуры в целом¹¹⁸. Искусствоведы и культурологи отмечают в этой связи, что для полноценного изучения и целостной интерпретации объектов данных сфер необходим комплексный подход. Так, применяются структурно-функциональный подход, семиотический, сравнительно-исторический анализ, герменевтический метод. Такая исследовательская позиция имеет особое значение при обращении к современному искусству (например, в виде перформансов, медиа-проектов, новых видов театра и т.д.), с его стремлением к интеграции и усложнению привычных, сложившихся канонов

¹¹⁷ Кудряшова Т.Б. *Онтология языков культуры*. Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. С. 73.

¹¹⁸ Например, с помощью выработанных в культуре и искусстве устойчивых образов и символов.

и эстетических признаков. Оно сложнее поддается классификации по виду, стилю, направлению, иногда даже жанру.

Более того, любые инструменты, изобретения, достижения науки (научные и инженерные артефакты) в той мере в какой при их изучении встает вопрос об их ценности, значении, цели или функции требуют дополнительной интерпретации для цели определения их назначения, эпохи создания, авторства и т.д. Такая деятельность сопряжена с исторической реконструкцией или, иногда, с моделированием. Так, Д. Дэннет считает, что любой предмет, если он используется человеком и несет какое-то функциональное или смысловое значение, может стать объектом интерпретации¹¹⁹. В этом случае понимание предмета зависит от его предназначения и использования. Тем самым, интерпретация, нацеленная на определение характера предмета или артефакта, сопряжена с определением функционального предназначения предмета. В случае если анализируется научный артефакт – выясняется его смысл. Поэтому поиск смысла, понимаемый в самом широком философском значении, объединяет все области гуманитарного исследования, выходя за рамки конкретной дисциплины, и возвышается до уровня предмета философской интерпретации.

Возвращаясь к определению значения артефактов, стоит отметить, что в философии выделяется несколько вариантов решения проблемы приписывания функций артефактам. Например, Дж. Серль связывает «приписывание функций» – с целями, намечаемыми субъектом, и предположений, которые он принимает по поводу функций этих артефактов. В этом варианте артефакт рассматривается с точки зрения определения его через большую систему, которой приписываются определенные цели и частью которой он является (принадлежность его к классу или типу предметов). При этом функция артефакта определяется субъектом на

¹¹⁹ См.: *Dennett D.C. The Interpretation of Texts, People and Other Artifacts // Philosophy and Phenomenological Research, L, Supplement, 177-94, Fall 1990; reprinted in M.Losonsky (ed.). Language and Mind: Contemporary Readings in Philosophy and Cognitive Science, Blackwells, 1995.*

основании предположений, которые складываются в силу его структуры, причастности к этой системе. Например, субъект, который соотносит авторучку с функцией написания (на бумаге), ожидает, что аналогичные пишущие средства, относящиеся к этой «большой системе» (мел, карандаш, перо), обладают такой же самой функцией (способностью писать). Наряду с этим, пишущая ручка (авторучка) непосредственно приспособлена для осуществления данной деятельности в силу своей структуры.

Согласно другой точке зрения, которой придерживается, в частности, К. Неандер, функция артефакта совпадает с целью, для которой он был сделан (спроектирован) или сохраняется для этой же самой цели. Таким образом, использование ручки для письма означает, что она была произведена именно для этой цели и используется для тех же целей.

Следующий вариант решения проблемы «приписывания функции», представленный, например, Р. Камминсом, предполагает, что функции артефакта связаны не с интенциями субъекта, но с физическими особенностями и ролями самих артефактов в рамках систем, в которые они входят. В этом случае, как отмечает В.Л. Васюков, «приписывание шариковой ручке функции писания означает, что ручка имеет физическую способность оставлять на бумаге следы, и это, в частности, объясняет, почему ручка обладает способностью создавать тексты»¹²⁰.

Наконец, некоторые философы интерпретируют определение технических функций, рассуждая по аналогии с математическими функциями. Так, приписывание ручке функции возможности написания, обозначает, что она имеет возможность преобразовывать чистую бумагу (вход) в бумагу с текстом (выход)¹²¹.

При этом стоит отметить, что также существует возможность изменения смыслов уже известных вещей, например, при смене их

¹²⁰ Васюков В.Л. Математика как катализатор развития технологий 21 века / Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 857-858.

¹²¹ См. Васюков В.Л. Математика как катализатор развития технологий 21 века / Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 857-858.

назначения, когда старые вещи используются для украшения интерьера, или становятся артефактами культуры (символом данной культуры, антиквариатом). Первоначальная цель артефакта может отличаться от смысла, который ему был приписан изначально. В этом случае следует определить, какой смысл, полученный при рассмотрении данного объекта (артефакта), будет более адекватным или приоритетным. Исследователю или наблюдателю предстоит работа по распознаванию нового значения. Нет объектов или предметов, которые не застрахованы от такой смены смыслов. Этот процесс также бесконечен, как бесконечно познание и работа интеллекта по определению значения и смысла изучаемых объектов, предметов мира и их интерпретация.

Таким образом, можно сделать вывод, что интерпретация социальной, культурной и исторической сфер знания имеет общие исследовательские и методологические установки. Возможность применения различных подходов, методов, использования различных контекстов и научного (социального) дискурса делает проблему понимания и интерпретации потенциально открытой для появления различных новых истолкований, в результате которых появляются новые смыслы, значения, оценки тех или иных исторических и культурных явлений. Данное направление философских исследований предполагает расширение знаний за счёт новых открытий. Наряду с этим, проблематика понимания связана с решением проблем, касающихся преодоления различного рода непонимания в случае коммуникации или внесение ясности в трудные вопросы научного познания. Это обстоятельство дает дополнительный импульс для выявления новых аспектов проблематики интерпретации, и формулирования таких новых направлений научного поиска.

Итак, развитие теории интерпретации осуществляется за счет включения философской и социо-культурной проблематики, совокупность результатов которых опосредует появление новых аспектов и даже целых

направлений данной познавательной деятельности. Особую актуальность приобретает проблема философского обоснования теории интерпретации. Становление принципов и подходов к изучению процесса человеческого понимания, систематизация методов, разделение их на универсальные, общенаучные и специально-научные подходы стимулирует развитие теории интерпретации, которую мы квалифицируем как встроенную в систему философского знания. Предварительные исследования показали, что искусство интерпретации имеет длительную историю, а методологическая база интерпретации складывалась вместе с развитием знания в области гуманитарного познания. Это была интерпретация слова, философского понятия, религиозного контекста, культурного смысла, наконец, коммуникативного действия.

Цель изучения проблемы понимания и интерпретации в гуманитарном познании состоит сегодня, главным образом, в расширении коммуникации за счёт обмена научными знаниями, наряду с задачей взаимопонимания людей различных культур и традиций. В этом случае понимание достигается за счёт раскрытия смыслов и значений, которые содержатся в исторической, культурологической, политической сферах деятельности.

Заключение

В диссертации рассмотрены вопросы зарождения и развития методологии интерпретации в контексте становления гуманитарного познания. Обращаясь к самым истокам зарождения практики истолкования, в частности, сопоставляя задачи риторики и герменевтики (как практики истолкования устного слова и письменного источника), нельзя было не обратить внимание на то, что общая методологическая направленность на понимание сближает эти дисциплины. В дальнейшем конкретные дисциплины гуманитарного цикла рассматривают интерпретацию с точки зрения методологии, адекватной тем объектам, которые находятся в центре их внимания. Тем самым создаётся общая методологическая база интерпретации как деятельности, которая со временем получает особый философский статус (как гуманитарное направление внутри самой философии).

К середине XX века философское направление в интерпретации получило самостоятельное название – философская герменевтика. Представители этого направления развивают герменевтику, исследуя онтологические аспекты бытия, используя феноменологические средства объяснения феномена понимания. В конечном итоге это привело философскую герменевтику к появлению феноменологической герменевтики. Наряду с этим подходом, философская герменевтика рассматривает интерпретацию с точки зрения всего того широкого контекста, смысл которого необходимо выявить. Это касается понимания особенностей традиции, культурно-исторических ситуаций, социального контекста коммуникации.

Подчёркивая значение взаимосвязи между проблемой понимания и искусством интерпретации, в диссертации показано, что методология философской интерпретации (текста, культурного, исторического события, артефакта и т.д.) оказывает влияние на развитие собственных методов

гуманитарных дисциплин. Вместе с развитием науки и распределением её по предметным областям знания происходит процесс формирования методологической базы этих наук.

«Понимающие» науки стимулируют использование и применение интерпретации там, где она проблемно необходима и предметно обусловлена. Отсюда и появление таких новых направлений внутри самой герменевтики, как феноменологическая герменевтика, логическая герменевтика, когнитивная герменевтика, социальная герменевтика. Эта тенденция в развитии методологической базы интерпретации нуждается в специальном исследовании.

Требуется переход на анализ особенностей соотношения феноменологии и герменевтики, логики и герменевтики, когнитивистики и герменевтики и т.д. Однако сам факт появления этих новых направлений внутри философии свидетельствует об общеметодологическом значении классической герменевтики для гуманитарного познания в целом. У дисциплин этого цикла по мере их развития возникают собственные философские вопросы, при этом сохраняются проблемы, касающиеся объяснения и интерпретации, формируется собственная методологическая база этих наук.

В философском значении интерпретацию мы характеризуем как один из фундаментальных методов познания и понимания. Изучение этой проблематики связано с развитием философской герменевтики.

Герменевтическая парадигма становится, с одной стороны, основанием для гуманитарных наук и они используют герменевтические методы интерпретации (как общие, так и специальные). С другой стороны, особую перспективу представляет собой изучение социально-культурного опыта познания в связи с деятельностью – в этом случае деятельность должна стать объектом специального герменевтического исследования.

Понимание как сопряженное с постижением специфики внутренних когнитивных процессов субъективного характера, с необходимостью

выводит проблематику интерпретации на фундаментальный уровень философии, делает необходимым поиск новых аргументов в пользу относительно самостоятельного статуса теории интерпретации, как части когнитивных наук. Это обстоятельство является важным стимулом для дальнейшего развития методологии философской интерпретации.

Диссертационное исследование показывает, что интерпретация – это способ понимания текстов любого содержания, артефактов культуры, художественных образов, фактов истории, явлений частной жизни и коммуникации. Всё это изучают гуманитарные науки. Характерной чертой при изучении этих объектов является интерпретация.

Интерпретация осуществляется по общим эпистемологическим и методологическим принципам, с применением частной методологии и способов познания, адекватных специфике изучаемых объектов. Общая направленность деятельности интерпретации, объединяющая всё гуманитарное познание, состоит в поиске единой методологии научного исследования, которое предполагает последовательное решение задач и использование общих философских установок, канонов с опорой на теоретическую базу конкретной науки.

Гуманитарные науки решают схожие проблемы и квалифицируются сегодня как междисциплинарные, где очевидной становится необходимость использования методологии интерпретации.

Список литературы

Монографии. Исследования

1. *Августин Блаженный*. Христианская наука, или Основания св. герменевтики и церковного красноречия. Киев. 1835.
2. *Августин*. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999. 1600 с.
3. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 240 с.
4. *Адо Пьер*. Духовные упражнения и античная философия / М., СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
5. *Антисери Д. и Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. СПб.: Пневма, 2001. 604 с.
6. *Алексеев А.П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
7. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель Сочинения в 4 тт., т. 1. М.: Мысль. 1978. 65-367 с.
8. *Аристотель*. Об истолковании/ Аристотель Сочинения в 4 тт., т. 2. М.: Мысль. 1978. С. 91-117.
9. *Аристотель*. Риторика (пер. О.П. Цыбенко), Поэтика (пер. В.Г. Аппельрота) М.: Лабиринт, 2011. 208 с.
10. *Армстронг Карен*. История Бога. Тысячелетие искания в иудаизме, христианстве и исламе. М.: ИД «София», 2004. 496 с.
11. *Баксанский О.Е.* Когнитивные репрезентации: обыденные социальные научные. М.: Либроком, 2009. 224с.
12. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
13. *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+. 2011. 144с.
14. *Бибихин Владимир*. Герменевтика и эстетика в творчестве Дильтея / Вильгельм Дильтей. Собрание сочинений. Т. IV. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 510-524.
15. *Вдовина И.С.* Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
16. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания/ Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 371-372.

17. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 114.
18. Вико Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. (Перевод с итальянского А.А. Губера). Москва-Киев: «REFL-book»-«НСА». 1994. 612 с.
19. Гадамер Г.-Г. Актуальности прекрасного. М.: «Искусство». 1991. 367с.
20. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
21. Гириц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
22. Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
23. Горелов А.А. Истина и смысл. М.: ИФ РАН, 2010. 147 с.
24. Горский В.С. Историко-философское истолкование текста. Киев: Наукова думка, 1981. 206 с.
25. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
26. Гусев С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. 352 с.
27. Гусев С.С., Тульчинский Г.А. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат. 1985. 192 с.
28. Гуссерль Э. Избранные работы. М., Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
29. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. Луцк: Вежа, 1990. 302 с.
30. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы / Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т. IV. М., 2001. 531с.
31. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. 2-е изд., М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. 464 с.
32. Дорошенко Н.М. Российская методология истории (философские подходы) СПб.: Изд-во «Нестор». 2005. 176с.
33. Драгалина-Чёрная Е.Г. Онтология для Абельяра и Элоизы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 231 с.
34. Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск. Экономпресс, 2003. 330 с.
35. Интерсубъективность в науке и философии. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. 461 с.

36. *Ищенко Е.Н.* Современная эпистемология и гуманитарное познание. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 144 с.
37. *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. Москва – СПб., Издательство РХГИ, 2000. 320 с.
38. *Касавин И.Т.* Традиции чтения (к типологии текстов и текстовых эпох) / Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 233 -256.
39. *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.
40. *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.
41. *Конт О.* Курс позитивной философии /Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 549-586.
42. *Кудряшова Т.Б.* Онтология языков культуры. Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. 135 с.
43. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 192 с.
44. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
45. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
46. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974.
47. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
48. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
49. *Луман Н.* Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос». 2007. 360 с.
50. *Лютер М.* 95 тезисов. СПб., 2002.
51. *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 512 с.
52. *Маковецкий Е.А.* Начала толкований: аналогия, уподобление Богу и иерархия в типологических толкованиях Священного Писания. СПб.: Философский ф-т СПбГУ, Академия исследований культуры, 2010. 94 с.
53. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 480 с.
54. *Меркулов И. П.* Когнитивные способности. М.: ИФ РАН, 2005.
55. *Мерло-Понти М.* Око и дух. М.: «Искусство», 1992. с. 63.

56. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. 607с.
57. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М. . Наука, 2002. 480 с.
58. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
59. Микиртумов И.Б. Теория смысла и интенциональная логика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 351 с.
60. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. 526 с.
61. Мухамадиев Р.Ш. Круг основных проблем герменевтики. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2007. 250 с.
62. Никифоров А.Л. Философия науки: история и теория. М.: Идея-Пресс, 2006. 264 с.
63. Ориген. О началах. Самара. 1993.
64. Павилёнис Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе. Вильнус: ЕГУ, 2013. 242 с.
65. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Гуманитарное агенство «Академической проект», 1999. 455 с.
66. Платон. Кратил/ Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 421-502.
67. Платон. Федр / Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 161 – 228.
68. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М. 2009.
69. Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. ТОО ТК «Петрополис», 1996 – 736 с.
70. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
71. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ: Религия и вера. М., 1996.
72. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.
73. Рикёр П. История и истина. СПб. 2002.
74. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624 с.
75. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
76. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416с.

77. *Рикёр П.* Модель текста: осмысленное действие как текст (пер. с английского: Борисенкова Анна; ред.: Филиппов Александр) // Социологическое обозрение. Т.7, №1, 2008. С. 25–43.
78. *Рикёр П.* Герменевтика и метод социальных наук / Поль Рикёр в Москве. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. С. 49 – 62.
79. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
80. *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2002. 319с.
81. *Смирнова Н.М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). М., ИФ РАН, 1997. 222 с.
82. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. / Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. С. 5 – 284.
83. *Солсо Р.* Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер. 2006. 589 с.
84. *Сорина Г.В.* Основы принятия решений. М., 2004.
85. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 744с.
86. *Тулмин С.* Человеческое понимание. М., 1984. 328 с.
87. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И.Т. Касавина. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2010. 712 с.
88. *Усманова А. Р.* Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Мн.: "ПроPILEI", 2000. 200 с.
89. *Фарман И.П.* Воображение в структуре познания. М.: ИФ РАН, 1994. 215 с.
90. *Филон Александрийский.* Толкования Ветхого завета. М., 2000. 457с.
91. *Фреге Готтлоб.* Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
92. *Хайдеггер М.* Разговор на просёлочной дороге: Сборник: пер. с нем. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.
93. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
94. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Издательство «Гнозис», 1993. 464 с.
95. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 445 с.
96. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2006. 452с.
97. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения М.: Академический проект, 2008. 528 с.
98. *Хьюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.

99. *Шадрин А.А.* Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 142 с.
100. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии к образованным людям, её презирающим. СПб.: Логос, 1994.
101. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом». 2004. 242 с.
102. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и её проблемы // Контекст. Литературно – теоретические исследования. М.: Наука, 1989 – 1991.
103. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы / Избр. труды. М. 2005.
104. *Шпет Г.Г.* Мысль и слово / Избр. труды. М. 2005.
105. *Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика. М., ИФ РАН, 2002. 235 с.
106. *Шульга Е.Н.* Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., ИФ РАН. 2004. 173 с.
107. *Шульга Е.Н.* Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008. 318 с.
108. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
109. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
110. *Юдин Б.Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986.
111. *Юдин Б.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.
112. *Юлина Н.С.* Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544 с.

Статьи

113. *Автономова Н.С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 11.
114. *Антоновский А.Ю.* Коммуникация и понимание: возможности и разрывы // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 174-189.
115. *Артамонова Ю.Д.* Психологизм и историзм как первые методологические программы гуманитарных наук // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2006. С. 351 – 374.

116. *Баксанский О.Е.* Когнитивная наука и проблемное поле философии образования // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2011. С. 12-26.
117. *Баксанский О.Е., Пилюгина М.А.* Управление процессом познания: нейрокогнитивный подход // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. М.: Издательство "Радиотехника". № 8, 2014. С. 8-16.
118. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. 1986.
119. *Бескова И.А.* Проблема языка и культурной трансляции в свете концепции Д.Смайлли // Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. («Humanitas»). С. 362 – 365.
120. *Бескова И.А.* Интеллект – воображение – творчество: подходы и решения // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Е.Н. Князева. М.: ИФ РАН, 2013. С. 72 – 90.
121. *Васюков В.Л.* Математика как катализатор развития технологий 21 века / Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 850 -865.
122. *Вахитайн В.С.* На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение, Т.10, №3. 2011. С. 79-94.
123. *Вдовина И.С.* Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведений искусства // Феноменология искусства. М., ИФ РАН, 1996. С. 139-159.
124. *Герасимова И.А.* Имя, образ, понятие // Мысль и искусство аргументации. М. 2003. С. 113- 144.
125. *Горелов А.А.* Творчество и истина // Творчество – эпистемологический анализ. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2011. С. 144 – 166.
126. *Гуссерль Э.* Интенциональные предметы (пер. с нем. Р.А.Громова) // Логос 5/6, 2001. С. 135-164.
127. *Дильтей В.* наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. № 4. 1988. С. 135-152.
128. *Дубровский Д.И.* Проблема познания чужой субъективной реальности // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 24-39.

129. *Дубровский Д.И.* Психическая причинность и когнитивные процессы: информационный подход // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2012. С. 10-19.
130. *Ивин А.А.* Ценности и целевое обоснование // Мысль и искусство аргументации. М. 2003. С. 43 – 58.
131. *Ивин А.А.* Некоторые проблемы эволюции современного научного метода // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2012. С. 78 – 97.
132. *Ильенков В.Э.* О воображении. // Народное образование, 3 (1968), С. 33–42
133. *Касавин И.Т.* Коммуникация и творчество // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 7-23.
134. *Князева Е.Н.* Конструирование в коммуникативных системах // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 84-97.
135. *Кудряшова Т.Б.* Роль пространственного воображения в формировании и развитии способностей к категоризации // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2011. С. 32-36.
136. *Кудряшова Т.Б.* Феноменология идеальных объектов науки: образовательный аспект // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Иваново. 2012. С. 49-58.
137. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. // Логос, № 10(20), 1999. С. 43-88.
138. *Малахов В.С.* Герменевтика и традиции // Логос. М.: Гнозис, 1991. Вып.1. С. 3-10.
139. *Маркова Л.А.* Интерсубъективность у Э. Гуссерля и П.Рикёра. // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXVI. №4. С. 204 – 218.
140. *Махлин В.Л.* Философия гуманитарных наук / Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 193 – 220.
141. *Микешина Л.А.* Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия // Когнитивный подход. Научная монография / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2008. С. 20-57.

142. Михайлов И.А. «Герменевтическая логика» Ганса Липпса // Точки 3-4. 2001. Ежеквартальный католический журнал, посвященный проблемам религии, культуры и общества. М.: Колледж св. Фомы Аквинского. С. 125-145.
143. Михайлов И.А. Герменевтическая логика Г.Шпета и Г.Липпса / Творческое наследие Г.Г.Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 114-123.
144. Моркина Ю.С. Коммуникативный аспект смысла // Философия науки. Выпуск 17.Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 214 – 227.
145. Никифоров А.Л. О понимании человеческой деятельности // Объяснение и понимание в научном познании. М., ИФ РАН, 1983. С. 120-129.
146. Никифоров А.Л. Язык как средство построения индивидуального жизненного мира // Философия науки. Выпуск 17.Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 156-173.
147. Огурцов А.П. Герменевтика в философии образования / Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 529 – 554.
148. Печенкин А.А. Стереотипы постсоветской истории науки / Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Под ред. В.Г. Кузнецова. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2006. С. 557 – 564.
149. Пилюгина М.А. «Теория интерпретации: попытка обоснования» // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы IV научно-практической конференции с международным участием. Иваново. 2011. С.299-305.
150. Пилюгина М.А. Риторика и теория интерпретации // Модели рассуждений – 5: Аргументация, коммуникация, общество. Калининград, 2012. С. 176-187.
151. Пилюгина М.А. Интерпретация как метод конструирования смыслов // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород. 2012. С. 107.
152. Пилюгина М.А. Интерпретация как коммуникация // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Иваново, 2012. С. 183 – 186.

153. *Пилюгина М.А.* Воображение как способ познавательной деятельности / Проблема воображения в эволюционной эпистемологии/ ИФ РАН, 2013. С. 195-205.
154. *Пилюгина М.А.* Способы конструирования повседневной реальности // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иваново, 2013. С. 196-201.
155. *Пилюгина М.А.* Взаимосвязь опыта и смысла в процессе интерпретации / Опыт и смысл. М.: ИФ РАН, 2014. С. 197 – 206.
156. *Пилюгина М.А.* Специфика интерпретации в культурно-исторической перспективе // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы седьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иваново: ОАО «Изд-во Иваново», 2014. С. 64-66.
157. *Пилюгина М.А.* Социальный контекст понимания в герменевтике Поля Рикёра / Поль Рикёр: Человек – Общество – Цивилизация. М., «Канон+», 2015. С.235 – 248.
158. *Пилюгина М.А.* Пересечение интерпретации и когнитивных способностей // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С.33-42. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13794.
159. *Пилюгина М.А.* Постановка проблемы интерпретации в античной философии // Философия и культура. 2015. № 2. С.269-279. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.2.13307.
160. *Подоль Р.Я.* Теория исторического процесса как объект историко-философского анализа // Философия и методология истории: сб. научн. ст. III Всероссийской научн. конф., Коломна, 14-25 апреля 2009. Коломна: КГПМ. 2009.
161. *Пружинин Б.И.* Методологическое исследование науки: историко-типологический очерк / Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 10 - 30.
162. *Сидорова У.В.* Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. № 24 (96). Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 9. С. 119 – 122.
163. *Смирнова Н.М.* Когнитивные аспекты социально-феноменологического анализа речевых коммуникаций // Когнитивный подход. Научная монография / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2008. С. 295 – 322.

164. *Смирнова Н.М.* Коммуникация и intersubjectивность. Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 40-54.
165. *Торшилов Д. О.* Этимология и аллегория в толковании мифа (у досократиков и ранних стоиков) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2: П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2007. С. 233-238.
166. *Федотова В.Г.* Основные исследовательские программы социальных и гуманитарных наук / Философия науки. Методология и история конкретных наук. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. С. 285 – 305.
167. *Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 284-311.
168. *Шульга Е.Н.* Проблема герменевтического круга и диалектика понимания // Герменевтика: история и современность. М., 1985. С. 143 - 162.
169. *Шульга Е.Н.* Герменевтика в культурно – исторической традиции // Аксиология и историческое познание. Коломна, 1996. С. 133-141.
170. *Шульга Е.Н.* О границах понимания: опыт герменевтического анализа научного творчества // Тезисы международной конференции «Смирновские чтения». М., 1997. С. 145-146.
171. *Шульга Е.Н.* Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысль и искусство аргументации. М. 2003. С. 191 – 211.
172. *Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика в системе философского знания // Когнитивный подход. Научная монография / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2008. С. 323 – 347.
173. *Шульга Е.Н.* Экзегезис: зарождение и развитие метода интерпретации // Ценности и смыслы. 2010. № 4(7). С. 71-95.
174. *Шульга Е.Н.* Символический интеракционизм и проблема понимания // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., Институт философии РАН, 2012. С. 113-127.
175. *Шульга Е.Н.* Intersubjectивные аспекты интерпретации и понимания в коммуникативном процессе / Intersubjectивность в науке и философии / Под ред. Н.М. Смирновой. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. С. 303 – 312.
176. *Яноу Д., ван Хульст М.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение, Т. 10, № 1-2. 2011. С. 87-113.

177. *D'Souza K.* Ricoeur's Narrative Hermeneutics in Relationship with Gadamer's Philosophical Hermeneutics: Continuity & Discontinuity // Issues in interpretation theory. 1. Hermeneutics. Marquette University Press. 2006. P. 137 – 166.
178. *Daniel C. Dennett.* The Interpretation of Texts, People and Other Artifacts // Philosophy and Phenomenological Research, L, Supplement, 177-94, Fall 1990. Reprinted in M. Losonsky, ed., Language and Mind: Contemporary Readings in Philosophy and Cognitive Science, Blackwells, 1995.
179. *Fodor J.A.* Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford University Press, 1998, 182 pp.
180. *Gimbel E.W.* The Status of Interpretation in the Philosophy and Practice of the Social Sciences. // Presented at The University of Minnesota Political Theory Colloquium, November 17, 2006. P. 5.
181. *Ingram D.* Vico and the New Science of Interpretation: Beyond Philosophical Hermeneutics & the Hermeneutics of Suspicion // Issues in interpretation theory. 1. Hermeneutics. Marquette University Press. 2006. P. 199-224.
182. *Ramirez-Goicoechea E.* Cognition, evolution, and sociality // Evolutionary epistemology, language and culture. A Non-Adaptationist, Systems Theoretical Approach. The Netherlands: Springer, 2006. P. 283 – 312.
183. *Vessey D.* Engaging across Traditions: Royce & Gadamer on Interpretation // Issues in interpretation theory. 1. Hermeneutics. Marquette University Press. 2006. P. 119-136.
184. *Слесинский P.* Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. URL http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf
185. *Weberman D.* The Relational Properties Approach to a Theory of Interpretation // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Inte/InteWebe.htm>